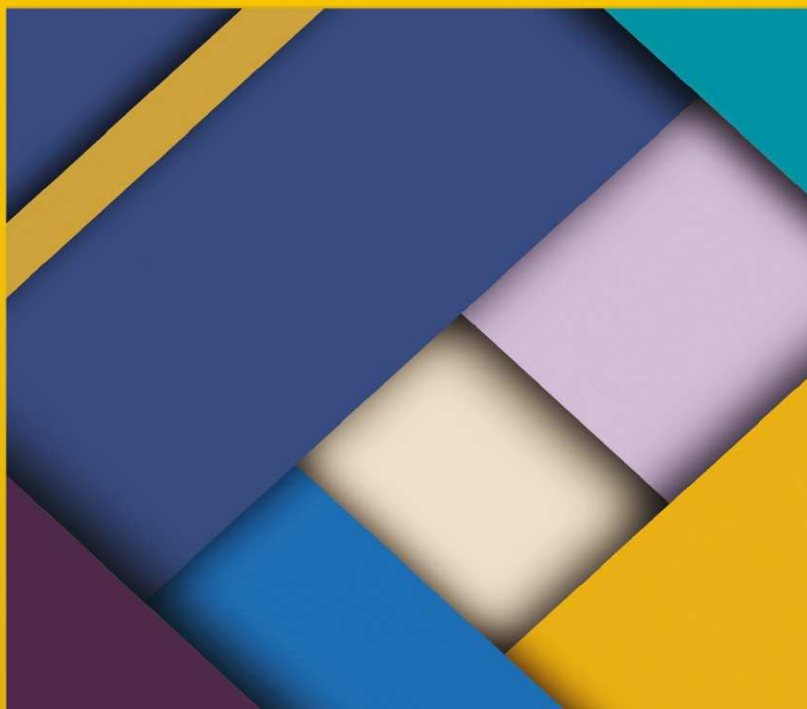

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 15, Number 3
2023

Современные исследования социальных проблем

Том 15, № 3
2023

Modern Studies of Social Issues

Volume 15, Number 3
2023

Главный редактор

Т.А. Магсумов доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 15, № 3, 2023 / Vol. 15, No 3, 2023

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВБОУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБун Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБун Института

истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государ-

ственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темірболат Адуа Берікбайқызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-14-33

УДК [355.426:356.113](470-12)|1919|

Научная статья | Отечественная история

**14-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО
ФРОНТА В ОКТЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА***С.В. Гнидо*

Цель. Цель статьи – исследовать обобщенный характер и основное содержание боевых действий 14-й стрелковой дивизии, а также партийно-политическую работу ее командования по выполнению поставленных боевых задач в период с сентября 1919 г., когда дивизия вошла во вновь образованный Юго-восточный фронт Красной Армии, и до форсирования ею Дона и начала активных боевых действий на его правом берегу (декабрь 1919 г.).

Метод и методология. Обобщенный методологический подход к исследованию опирается на основные принципы и методы научно-исторического познания. Приоритетными научными методами в данном исследовании стали общенаучные методы анализа, синтеза, классификации, аналогии, а также методы исторического анализа (описательный, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, метод фронтального анализа архивных материалов).

Результаты. Результаты исследования показали, что 14-я дивизия 9-й армии Юго-Восточного фронта смогла восстановиться после почти полного разгрома в начале октября 1919 года. Она продолжила выполнение задач на своем участке фронта. В жизни дивизии имелось место для партийно-политической работы. Перейдя в наступление к р. Хопер, дивизия своими действиями сковала силы противника. Выполнив поставленную задачу, дивизия с

начала декабря перешла в активное наступление к р. Дон. Форсировав р. Дон, дивизия продолжила наступление на правобережье.

Область применения результатов. Результаты исследования могут способствовать более глубокому изучению Гражданской войны в период с октября по конец декабря 1919 года.

Ключевые слова: Юго-Восточный фронт; гражданская война; интервенция; область Войска Донского; А.К. Степиль; К.И. Рыбалко

Для цитирования. Гнидо С.В. 14-я стрелковая дивизия Юго-Восточного фронта в октябре-декабре 1919 года // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 14-33. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-14-33

Original article | National History

THE 14TH INFANTRY DIVISION OF THE SOUTH-EASTERN FRONT IN OCTOBER-DECEMBER 1919

S. V. Gnido

Purpose. *The purpose of the article is to investigate the general nature and the main content of combat operations of the 14th Infantry Division, as well as the party-political work of its command to fulfill the combat tasks in the period from September 1919, when the division joined the newly formed Southeastern Front of the Red Army, and up to the forcing of the Don and the beginning of active combat operations on its right bank (December 1919).*

Method and methodology. *The general methodological approach to the research is based on the basic principles and methods of scientific and historical cognition. The priority scientific methods in this study were the general scientific methods of analysis, synthesis, classification, analogy, as well as methods of historical analysis (descriptive, comparative-historical, logical, retrospective, method of frontal analysis of archival materials).*

Results. *The results of the research showed that the 14th Division of the 9th Army of the Southeastern Front was able to recover from its almost*

complete defeat in early October 1919. It continued to fulfill the tasks on its section of the front. In the life of the division there was a place for party-political work. Going on the offensive to the Khoper River, the division with its actions restrained the enemy forces. Having accomplished the task, the division from the beginning of December went on the active offensive to the Don River. Having forded the Don River, the division continued the offensive on the right bank.

The scope of applicability of results. *The results of the research can contribute to a more in-depth study of the Civil War in the period from October to the end of December 1919.*

Keywords: *South-Eastern Front; The Civil War; The Intervention; Don Host Oblast; A. K. Stepin, K. I. Rybalko*

For citation. *Gnido S.V. The 14th Infantry Division of the South-Eastern Front in October-December 1919. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 14-33. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-14-33*

Введение

Как известно, Гражданская война в России, оказала огромное влияние на страну и стала важной частью ее истории. Ей посвящено большое количество научных исторических исследований. Тем не менее, нельзя утверждать, что ее история изучена досконально. В частности, имеются заметные пробелы в наших знаниях о конкретике боевых действий красной и белой армий на уровне их частей и соединений. Одним из них является история боевых действий 14-й стрелковой дивизии 9-й армии, действовавшей в составе Юго-Восточного фронта Красной Армии. Данной проблеме в разное время внимание уделили внимание всего лишь несколько авторов.

Первой работой, которая осветила боевой путь и повседневную жизнь дивизии с момента ее возникновения, стал «Краткий очерк...», в котором присутствуют неточности и который создавался в большой спешке, как признавали сами редакторы в предисловии очерка [1, с. 36]. Пожалуй, единственной работой, позволяющей почерпнуть определенную полезную информацию о боевых

действиях, в которых участвовала дивизия, является монография К.В. Агуреева, вышедшая в 1968 году [1]. Общие упоминания о дивизии встречаются еще в нескольких работах [4; 5].

Из опубликованных источников интерес представляют воспоминания о службе в 14-й дивизии в качестве помощника начальника штаба дивизии известного советского военачальника К. А. Мерецкова. Они были опубликованы в 1968 году [13, с. 47].

Цель статьи – исследовать общий характер и основное содержания боевых действий 14-й стрелковой дивизии, а также партийно-политическую работу ее командования по выполнению поставленных боевых задач в период с сентября 1919 г., когда дивизия вошла во вновь образованный Юго-восточный фронт Красной Армии, и до форсирования ею Дона и начала активных боевых действий на его правом берегу (декабрь 1919 г.).

Материалы и методы

Основными источниками исследования стали воспоминания командиров и бойцов дивизии, как опубликованные, так и хранящиеся в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области. Там же были обнаружена и частично использована делопроизводственная документация штаба 14 дивизии, в частности – журнал боевых действий дивизии.

Общий методологический подход к исследованию опирается на основные принципы и методы научно-исторического познания. Использовались, прежде всего, такие важнейшие принципы, как историзм и объективность. Приоритетными научными методами в данном исследовании стали общенаучные методы анализа, синтеза, классификации, аналогии, а также методы исторического анализа (описательный, сравнительно-исторический, логический, ретроспективный, метод фронтального анализа архивных материалов).

Результаты и обсуждение

Все описываемые в статье боевые действия происходили на территории северной части области Войска Донского, в основном

севернее реки Дон, а после ее форсирования в начале декабря – и южнее. Сегодня – эти территории входят в северо-западную часть Волгоградской и северную часть Ростовской областей.

К началу октября 1919 года на участке войск Юго-Восточного фронта, созданного 30 сентября 1919 года, сложилась очень напряженная обстановка, особенно перед 9-й армией. Армия должна была перегруппироваться и начать форсировать р. Дон, но неожиданно для красного командования Донская армия П. Н. Краснова перешла в наступление и в начале октября вынудила 9-ю армию вести оборонительные бои, к которым та была неподготовлена, против частей 3-го и 2-го донских корпусов [1, с. 66-67].

Командующим 9-й армией с июля 1919 года являлся А.К. Степинь [14, с. 342]. В состав 9-й армии входила 14-я стрелковая дивизия (командир К.И. Рыбалко) [1, с. 68]. Дивизия была сформирована в 1918 году на основе Московской особой сводной бригады [2, с. 41]. К октябрю 1919 года в дивизии насчитывалось три бригады (в 1-й бригаде – 118-й, 119-й и 120-й стрелковые полки, во 2-й бригаде – 121-й, 122-й и 123-й стрелковые полки, в 3-й бригаде – 124-й, 125-й и 126-й стрелковые полки) [12, с. 3; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 82-83, 86]. В описываемое время 1-я и 3-я бригады 14-й стрелковой дивизии выходят на линию р. Дон в районе Бычек-Петропавловская. 2-я бригада, после восстановления, выдвигается влево по фронту дивизии на участок по реке Подгорной [12, с. 3].

3 октября части 14-й стрелковой дивизии полностью выполнили оперативный приказ своего командира № 150. 1-я бригада 118-м стрелковым полком вышла на линию Журавка-Подколodновка, 119-м стрелковым полком – к Старой Меловой, 120-м стрелковым полком заняла слободку Бычек, село Подколodновка, отбросила противника на правый берег Дона, и вышла на линию Мамоновские-Журавка. Формирующиеся части 2-й бригады к вечеру 3 октября занимали 121-м стрелковым полком станицу Алексеевская, 122-м стрелковым полком – хутора Ермолаев и Ларинский, 123-м стрелковым полком – линию Прогорелое-Дедовка. 3-я бригада 124-м стрелковым полком вышла на рубеж Подколodнов-

ка-Прогорелое, 126-м стрелковым полком – на рубеж Нижний Мамон-Мамоновские, заняла хутор Бычковский и, вступив в бой с 13-м и 14-м Пластунскими полками противника (до 600 человек), сбила их с позиций [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 82-84].

4 октября 1-я бригада приступила к очищению левого берега Дона от противника, 118-м стрелковым полком заняв переправы. Для укрепления правого фланга 14-й стрелковой дивизии, из-за перехода крупных сил противника на левый берег у села Гороховки на участке 56-й дивизии и взятия им села Верхний Мамон, на фланг были переброшены 119-й стрелковый полк, две роты 126-го стрелкового полка. Утром 6 октября части противника перешли в наступление на участке 56-й дивизии, оттеснив их.

Для поддержки правого фланга 14-й стрелковой дивизии 118-му стрелковому полку было приказано сменить 120-й стрелковый полк [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 84]. В 16 часов, окончив перегруппировку, 119-й, 120-й и 126-й стрелковые полки перешли в успешное наступление, после которого противник контратаковал, но был отбит. 126-й стрелковый полк понес очень большие потери. Части 2-й бригады (121-й и 122-й стрелковые полки) идут на село Новую Криушу.

С рассветом 7 октября правый фланг дивизии перешел в наступление, выйдя к 9 часам 118-м стрелковым полком к хутору Мамонтовскому, 120-м стрелковым полком заняв село Нижний Мамон. В 10 часов противник силой до 250 сабель повел наступление на этот фланг, тесня его, но главный удар кавалерии и броневиком достался 119-му стрелковому полку. 120-й стрелковый полк героически сражался в селе Нижний Мамон, но был полностью уничтожен противником. Правый фланг дивизии понес огромные потери [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 85].

Приказом командования фронта № 3499/с командующему 9-й армией к ночи предписывалось сменить полки на левом фланге 14-й стрелковой дивизии частями других дивизий, а освободившиеся полки направить на помощь правому флангу [7, с. 432]. Начался планомерный отход [12, с. 8]. К 15 часам 7 октября остатки 120-го, 126-го и 125-го стрелковых полков отошли на высоты

в 8 верстах западнее и юго-западнее слободки Бычек, куда были выдвинуты два батальона 124-го стрелкового полка. 118-й стрелковый полк удерживал переправу у села Подколодновки [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 85]. Полки 2-й бригады прибыли в район слободки Петропавловки.

Ночью противник большими силами кавалерии повел наступление от села Журавки, прорвал расположение 118-го стрелкового полка и занял село Подколодновку, вынудив 118-й стрелковый полк, потерявший две роты, и другие полки 1-й бригады отойти на слободку Петропавловку. Ночью части 14-й стрелковой дивизии провели перегруппировку. 8 и 9 октября на участке дивизии было спокойно. 9 октября в 16 часов противник силой до 300 сабель и 200 штыков с артиллерией повел наступление на 121-й стрелковый полк, сбил его и занял станицу Меловую. Но уже в 18:30 полк контратаковал и отбросил подразделения противника, удерживавшие станицу Меловую за р. Подгорную [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 86-87]. 9 и 10 октября для дивизии проходят в тревожном ожидании [12, с. 8].

В ночь на 11 октября был издан приказ об отходе на линию Криуша-Новотроицкое-Богомолово в связи с оторванностью от штаба армии и соседей (отход 56-й дивизии справа и форсирование противником р. Дон на участке 23-й дивизии слева) [12, с. 3, 8]. Утром 12 октября части уже были там. Одновременно противник крупными кавалерийскими массами обрушивается сначала на штаб дивизии в селе Новая Криуша, потом на бригады, прерывая их связь. Дивизия начала отступление под непрерывным давлением и огнем противника [12, с. 8].

Утром 13 октября штаб дивизии соединился с бригадами. Утомленная непрерывным походом без сна и отдыха, 14-я стрелковая дивизия остановилась на временную стоянку, прерванную попыткой противника полностью окружить дивизию. В течение дня запас патронов дивизии почти истощился. Выйти к станице Акишевской было нельзя, и дивизия двинулась в направлении Андриянов – Слащенская [12, с. 8]. В итоге из почти полного окружения ушли лишь небольшая часть орудий и конные. Часть полков была уничтожена.

Главными причинами поражения являлись утомленность частей дивизии, недостаток боеприпасов и превосходство сил противника [12, с. 3, 8]. 13 ноября командующий Юго-Восточным фронтом принял решение об отходе всей 9-й армии на линию Бутурлиновка-Арчединская, но главное командование отреагировало это приказом восстановить утраченные позиции [6, с. 516; 9, с. 269].

С рассветом остатки дивизии переправились через р. Хопер у станицы Федосеевской и направились на станицу Алексеевскую, где спешно ввели в остатки дивизии пополнение, причем образовался маршевый батальон в 600 штыков (командиром батальона был назначен командир 125-го стрелкового полка) и 119-й стрелковый полк в 300 штыков [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 89]. В итоге остатки дивизии, начиная с 18 октября, начали оборонять участок по р. Хопер от станицы Правоторовской до станицы Аржановской. На р. Донец стояла лишь одна легкая и одна гаубичная батарея. Разгромленные полки были направлены в район станицы Филоново на пополнение [12, с. 3, 8; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 92].

21 октября дивизия отходит к станице Преображенской [12, с. 8]. 24 октября остатки 1-й бригады, сведенные в 120-й стрелковый полк, занимают хутор Лестюхин. Остатки 2-й бригады так же были сведены в один 121-й стрелковый полк. Он стал резервным и остановился в районе хутора Морчукова. Полки 3-й бригады (124-й и 126-й) располагались в районе хуторов Аникеева и Лестючего, составив заслон [12, с.3; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 93]. В этот же день 2-й донской корпус белых захватил станицу Филоново [11, с. 290]. 26 октября части дивизии сведены в одну бригаду под командованием командира бывшей 3-й бригады Карсона (так в архивном источнике, в мемуарах бойцов – Карлсон) [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 93].

На конец октября – начало ноября 1919 года приходится активная работа политического отдела 14-й стрелковой дивизии. Так, например, в слободке Самойловка, где в резерве стояли полки 2-й бригады, работали две группы коммунистов, из Москвы и Саратова. Там для красноармейцев начали ставить спектакли, концерты-митинги. Для обслуживания личного состава, расположенных в других ме-

стах дислокации частей и подразделений дивизии, была создана небольшая подвижная труппа для постановки летучих концертов. Политотдел за это время подготовился к проведению «партийной недели», был намечен ряд тем докладов и лекций, к ним составлены конспекты и указана литература, по которой можно было более полно приобщиться к теме. Кроме того, обсуждалась организация проведения партийной недели, и вырабатывался план празднования второй годовщины Октябрьской революции [12, с. 14].

Приказом по 9-й армии № 4323 14-й стрелковой дивизии предписывалось, войдя во взаимодействие с 23-й дивизией, перейти в решительное наступление, занять станицы Филоново, Алексеевскую и продвигаться далее к р. Хопер, разрушая тыловые объекты противника. Выполняя приказ, части перешли в наступление. 28 октября 126-й стрелковый полк к 13.00 выбил противника из хутора Саломатина [12, с. 9; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 94]. Противник отступил в сторону станицы Филоново, после чего хутор Сытников был взят без боя. 120-й стрелковый полк занял хутор Ферсюков, 121-й стрелковый полк вышел на линию Косовский-Морчуков-Аникеев. К этому времени перед фронтом дивизии расположились и действовали 21-й, 22-й и 25-й пластунские полки по 600-800 штыков и 150 сабель в каждом и Еланский конный полк [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 94-95].

29 октября приказом по 9-й армии № 4326 14-й дивизии было предписано выйти к хутору Косовскому. Выполняя приказ, 126-й стрелковый полк одним батальоном занял хутор Дубровский, двумя батальонами – хутор Ширяевский и выставил заставы на хуторах Раскрыкин, Морчуков. 120-й полк взял хутор Лестюхин и выставил заставу на хуторе Кузькин, 121-й полк захватил хутор Галушин [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 95]. 30 октября дивизия получила приказ упорно оборонять занимаемый участок и быть готовыми к переходу в наступление. 31 октября на основании очередного приказа дивизия разведкой боем выясняла силы противника [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 95].

1 ноября командование 9-й армии отдало 14-й дивизии приказ № 4329, который предписывал ей начать наступление и выйти на

линию Филоново-Ярыженская. В качестве ближайшей задачи предписывалось овладеть рубежом Титов-Березовка [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 96]. Общее количество имевшихся на тот день у дивизии боевых сил и средств составляло: боевого личного состава («шттыков») – 724; орудий – 17; пулеметов – 36 [8, с. 109].

3 ноября дивизия 126-м стрелковым полком расположилась по линии Горошов-Самсонов-Перевозинский, 125-й стрелковый полк занял хутор Титов. 4 ноября 126-й стрелковый полк захватил хутор Березовский и станицу Ярыженскую, 121-й стрелковый полк – станицу Аненскую, 125-й стрелковый полк – линию Трубочный-Карачев [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 97]. 5 ноября 126-й стрелковый полк занял хутор Ольховский, 125-й стрелковый полк – хутора Бабинский, Кочкаринский, 121-й стрелковый полк – хутор Средний. 6 ноября 121-й стрелковый полк весь день вел перестрелку с заставами противника, 126-й стрелковый полк овладел станицей Павловской. Таким образом, дивизия вышла на линию р. Бузулук от станицы Павловской до ее устья [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 98-99].

7 ноября политотдел дивизии из слободки Самойловки передвинулся в станицу Филоново. К этому времени из политотдела 9-й армии в его распоряжение был передан хор, что оживило политическую работу и дало возможность более успешно ее проводить. Во всех частях 14-й стрелковой дивизии, находившихся в резерве, политическая работа шла очень активно: за время проведения партийной недели бойцы активно посещали лекции и доклады, в РКП(б) записалось около 360 человек. Ко времени расположения политотдела в станице Филоново относится открытие первой школы грамоты в 122-м стрелковом полку, рассчитанной на 50 человек, которые могли бы учиться в две смены. В третьей декаде ноября из политотдела 9-й армии была получена небольшая походная типография [12, с. 14-15].

7 ноября 125-й и 126-й стрелковые полки получили приказ сосредоточиться в хуторе Яминском для перехода совместно с кавалерийской бригадой Д. П. Жлобы в наступление с целью выхода на линию р. Хопер. В 14 часов 126-й стрелковый полк, несмотря на

отчаянную защиту противником переправы у хутора Красновского, форсировал р. Бузулук, захватив 48 линейных орудия и другие трофеи [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 98-99]. 125-й стрелковый полк также пытался несколько раз форсировать эту реку, но безуспешно.

На следующий день 126-й стрелковый полк в 9 часов перешел в наступление на линию Дурацкая-Тишанская, 125-й стрелковый полк без боя занял позиции по линии Гущинский-Кудинов. 9 ноября 126-й стрелковый полк двумя батальонами занял хутор Самольщинский, одним батальоном – хутора Шишкин, Ендовский, Лучный [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 99]. 125-й стрелковый полк в 7 часов приступил к занятию переправ на участке Тишанская, устье р. Бузулук, и уже 10 ноября полк двумя ротами захватил хутор Гущинский.

11 ноября противник с утра повел наступление со стороны Усть-Бузулуцкая-Угольный. 121-й стрелковый полк из станицы Алексеевской выдвинулся в хутор Сурчинский для укрепления левого фланга бригады. Утром 12 ноября белоказаки переправились на левый берег р. Хопер. В 9 часов 126-й и 123-й стрелковые полки попытались их контратаковать, но после трехчасового боя с противником 126-й стрелковый полк начал отход. Хутора Попов и Самольщинский были оставлены, и к вечеру дивизия отошла к р. Бузулук, но на следующий день 126-й полк контратаковал и вновь занял оставленные позиции [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 100-103]. 13 ноября дивизии была поставлена задача во что бы то ни стало выйти к р. Хопер.

125-й стрелковый полк в ходе боя занял хутор Гущинский. 121-й стрелковый полк под покровом темноты неожиданным нападением занял хутор Затонский на левом берегу р. Хопер, выбив противника, превосходившего его числом, но, опомнившись от неожиданной атаки красных, белоказаки перешли в контрнаступление. 123-й стрелковый полк занял хутор Угольный и станицу Бузулуцкую. Однако утром 14 ноября противник окружил 123-й стрелковый полк и начал давить на левый фланг 125-го стрелкового полка. Чтобы белоказачьи части не прижали этот и 126-й стрелковый полки к р. Хопер, оба полка начали отход в сторону хутора Сорчинского. 17

ноября удалось выявить главные силы противника, расположенные в хуторах Затонском и Угольном. На следующий день 14-я дивизия перешла в контрнаступление, ее полкам удалось сходу занять хутор Шубин. 19 ноября полки были задержаны разливом р. Бузулук, из-за чего на левом берегу остались батареи и пулеметы, а бойцам пришлось переходить мосты по пояс в ледяной воде. 20 ноября в течение дня проводилась починка переправ. 21 ноября разведкой 126-го стрелкового полка из хутора Попова была выбита сотня (подразделение в казачьих частях. – С.Г.) противника. Опросом пленных установлено, что участок Попов-Самольщинский-Кудинов был занят конными сотнями 21-го, 22-го и 25-го Пластунских полков, а сами полки располагались в станицах: 21-й полк в Акишевской, 22-й полк в Тиманской, 25-й в Бурацкой. В каждом полку было около 500 штыков и около 6 пулеметов.

22 ноября уровень воды на р. Бузулук стал снижаться, и 126-й стрелковый полк, переправившись на другой берег, с боем занял хутор Попов. Остальные полки принялись восстанавливать мосты для переправы артиллерии и обоза. На следующий день, 23 ноября, в 10 часов обозы, пулеметы и батареи 126-го стрелкового полка соединились с основными силами, полк занял хутора Кудинов, Нимкин, Самольщинский. Обозы других полков остались дожидаться починки моста у станицы Алексеевской. 24 ноября 126-й стрелковый полк после четырехчасового упорного боя занял переправу у станицы Тиманская. 125-м стрелковым полком был занят хутор Лущинский и начата переправа у хутора Красного [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 105-108].

В приказах по 9-й армии №№4353-4355, изданных 22 – 25 ноября, 14-й стрелковой дивизии предписывалось, нанеся главный удар в направлении Скрипников, Солонка, Казанская, занять участок р. Дон по линии Погорелое-Чигонацкий [3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 122]. По замыслу командования фронта, это наступление должно было проводиться в рамках удара 9-й армии по стыку между 2-м и 3-м Донскими корпусами противника [4, с. 635].

В ночь на 25 ноября 123-м полком, после упорного боя с тремя сотнями пехоты и одной сотней кавалерии противника, был занят

хутор Золотовский, затем днем была занята станица Акишевская, где были взяты пленные и трофеи. 125-й стрелковый полк с боем занял хутор Красный, 126-й стрелковый полк занял станицу Тишанскую, вынудив пехоту противника в 1000-1200 штыков отойти в хутор Мазин [3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 124; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 109]. Силы 14-й стрелковой дивизии на 25 ноября приведены в таблице 1.

Таблица 1.

**Боевой состав 14-й стрелковой дивизии по состоянию
на 25 ноября 1919 года**

Боевые силы дивизии	Количество вооружения			
	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
118 стрелковый полк	1012	-	12	-
119 стрелковый полк	934	36	12	-
120 стрелковый полк	897	36	4	-
297 стрелковый полк	945	50	14	-
121 стрелковый полк	108	20	8	-
122 стрелковый полк (сведен в роту)	110	18	1	-
123 стрелковый полк	95	6	-	-
124 стрелковый полк	-	-	-	-
125 стрелковый полк	268	23	4	-
126 стрелковый полк	-	-	-	-
1-й легкий артиллерийский дивизион	-	-	2	4
2-й легкий артиллерийский дивизион	-	-	2	3
3-й легкий артиллерийский дивизион	-	-	4	4
14-й сводный тяжелый гаубичный дивизион	-	-	2	7

Источник: 3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 133-134.

26 ноября на участке дивизии установилось относительное затишье, велась усиленная разведка [3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 124; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 109]. 27 ноября противник силой до 400 сабель повел наступление на хутор Красный и станицу Акишевскую, где располагался 125-й стрелковый полк, вынудив его отойти на левый берег р. Хопер. Там полк был окружен и почти полностью уничтожен. Отошедшие остатки полка заняли позицию у хутора Яминского. 126-й стрелковый полк отошел к станице Павловской.

28, 29 и 30 ноября полки занимались разведкой [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 110]. 30 ноября приказом командования 9-й армии № 4361 14-й стрелковой дивизии поручалось активное наступление для сковывания сил противника на своем участке. В район Филоново-Аненская прибыли 118-й и 120-й стрелковые полки 1-й бригады. 3-й бригаде для ее усиления был придан 297-й стрелковый полк из города Балашова [3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 127; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 111].

1 декабря стрелковые полки перешли в атаку и заняли станицы Тишанскую (126-й стрелковый пол), Акишевскую (119-й), хутор Памалинский (118-й) [3, ф. 199, оп. 1, д. 130.Л. 66; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 111]. Из-за оттепели переправа обозов через р. Хопер оказалась невозможной и пехота начала наступать без них. 2 декабря 126-й стрелковый полк с боем вышел на линию Латынников-Оленев [12, с. 4; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 111]. 3 декабря, продолжая движение к р. Дон, части дивизии вступили в тяжелый бой с остатками 5-й пластунской бригады противника под хуторами Каменским и Кругловским. К вечеру разбив ее, захватили 3 легких орудия, 1 пулемет, 100 пленных, 120 винтовок, патроны и другие трофеи, потеряв убитыми пятерых и 50 – ранеными.

4 декабря 119-й стрелковый полк взял хутор Медвежий, 118-й стрелковый полк – хутор Сохранов. Перед участком дивизии противник отступал, оказывая незначительное сопротивление. 5 декабря 118-й и 119-й стрелковые полки повели наступление на линию Песковатский, Шумилин, Средне-Дударев, Усть-Соломка. 119-й стрелковый полк был атакован неопознанной кавалерией, после боя выяснилось, что кавалерия (которая по ошибке приняла полк за противника) входила в конный корпус Б.М. Думенко. В ходе боя было ранено 15 бойцов из полка и 5 бойцов из корпуса Б.М. Думенко [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 112].

6 декабря части дивизии с боем выдвинулись на линию Песковатский, Городищенский, Нижний Дударев [3, ф. 199, оп. 1, д. 198, л. 130]. 119-й стрелковый полк занял хутор Лопатинский. 118-й полк после упорного боя занял хутор Шумилин, захватив 2 легких ору-

дия, 18 пулеметов, 50 000 патронов, 50 000 снарядов, винтовки и пленных. 8 декабря с рассветом части дивизии перешли в наступление для занятия линии по берегу р. Дон и к 17 часам, сбив противника у станицы Вешенской и хутора Чигонацкого, овладели левым берегом р. Дон от станицы Казанской до станицы Вешенской [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 113; 12, с. 4]. Правый берег р. Дон оказался укреплен окопами и проволочными заграждениями противника.

С 9 по 13 декабря дивизия проводила разведку, началась работа по укреплению левого берега р. Дон [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 113-115]. 14 декабря на участке 118-го полка усилилась перестрелка, в ночь на 15 декабря полком была выслана усиленная разведка на хутор Затонский, в котором располагались две сотни Богучарского полка. Разведке удалось выбить 200 человек, которые в панике бежали в сторону хутора Каменевского [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 115-116]. В описываемое время 2-я бригада 14 дивизии восстанавливалась в хуторе Андриянове, 3-я бригада восстанавливалась в станице Павловской [3, ф. 199, оп. 1, д. 130, л. 68].

Общие потери 14-й стрелковой дивизии приведены в таблице 2.

Таблица 2.

**Сведения о потерях 14-й стрелковой дивизии за время боев
с середины ноября по 15 декабря 1919 года**

Потери в людях, лошадях и вооружении	Убитые	Раненые	Больные	Прочие убитые	Всего
Командный состав	16	25	40	57	138
Красноармейцы	42	53	1856	386	2377
Лошади	2	-	-	137	139
Оружие	10 пулеметов, 262 винтовки, 6 револьверов				

Источник: 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 142.

16 декабря 119-й стрелковый полк сосредоточился в хуторе Чигонацком. 17 декабря 1-й батальон 118 полка выбил противника из хутора Затонского, двинулся с боем на станицу Мигулинскую, взяв после упорного боя 2 пулемета и другие трофеи. Одновременно три батальона 119-го стрелкового полка, переправившись на правый берег р. Дон, овладели хуторами Меркулов и Затонский. 120-й

стрелковый полк с боем занял хутора Белопорский и Барковский. 18 декабря 118-й стрелковый полк в хуторе Барковский нашел артиллерийский склад противника с 13 пулеметами без замков и 17 разобранных пулеметов, несколько сот трехдюймовых и тяжелых снарядов [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 116-117].

19 декабря, после усиленной артиллерийской подготовки, дивизия форсирует р. Дон, овладевает станицами Мигулинской и Вешенской. Особое мужество проявили бойцы 120-го стрелкового полка. Они форсировали р. Дон у станицы Вешенской, не останавливаясь под убийственным артиллерийским и пулеметным огнем, захватив трофеи [12, с. 4]. 22 декабря части 14-й стрелковой дивизии с рассветом перешли в наступление для занятия линии Варваринский–Фролов–Токин–Безбоженский. К вечеру части 1-й бригады выдвинулись 118-м стрелковым полком на линию Фролов–Такин, 120-м – на линию Семеновский – Рыбинский–Рубеженский. 119-й стрелковый полк расположился на линии Водянский–Калиновский, 122-й – хутор Белогоровский, 126-й – хутор Ереминский [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 119].

25 декабря после шестичасового боя с превосходящими силами противника в 1000 штыков и 500 сабель, 118-й и 120-й стрелковые полки заняли хутора Каргин и Горбатов, захватив 2 пулемета, 20 тыс. патронов и другие трофеи. Далее дивизия быстро продвигается, форсируя р. Донец в районе станиц Екатерининской, Усть-Быстрианской [12, с. 4; 3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 120]. 26 декабря Реввоенсовет Юго-Восточного фронта дал директиву о переходе в наступление всех войск фронта [10, с. 291].

По состоянию на 31 декабря полки дивизии располагались в следующих хуторах: 120-й – в Бакланове, 118-й – в Верхнем-Свеченикове, 119-й – в Шишкине, 121-й – в Агееве, 122-й – в Алексееве, 297-й – в Платове [3, ф. 199, оп. 1, д. 199, л. 123].

Заключение

В течение трех месяцев 14-я дивизия 9-й армии Юго-Восточного фронта, несмотря на почти полный разгром в начале октября, смогла восстановиться и продолжить выполнение оперативных задач на

своем участке фронта. Жизнь дивизии не ограничивалась боевыми действиями, активно проводилась партийно-политическая работа, для красноармейцев ставились концерты, выступал хор, в одном из полков дивизии была открыта школа грамоты. С начала ноября дивизия перешла в наступление к р. Хопер, своими действиями сковав силы противника. Несмотря на все трудности, дивизия выполнила поставленную задачу и уже с начала декабря перешла в активное наступление к р. Дон, форсировала его и продолжила наступление на правобережье.

Список литературы

1. Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 года). М.: Воениздат, 1968. 212 с.
2. Герои гражданской войны: книга о москвичах-участниках боевых сражений / А.С. Абрамов, В.М. Баранов, М.Д. Беднов и др. М.: Московский рабочий, 1974. 415 с.
3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО).
4. Гражданская война в СССР: в 2 т. Т. 2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. – октябрь 1922 г.). М.: Воениздат, 1986. 447 с
5. Гуревич Л., Носов С. Командарм А. С. Степинь. М.: Гос. изд-во пол-лит. лит-ры, 1962. 54 с.
6. Директивы главного командования Красной Армии (1917–1920): сб. док. / Глав. архив. упр. При Совете Министров СССР ; Центр. гос. архив Советской Армии ; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР. М. : Воениздат, 1969. 884 с.
7. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): в 4 т. Т. 2. Март 1919 г. – апрель 1920 г. М. : Воениздат, 1974. 768 с.
8. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.): сборник документов: в 4 т. / Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР; Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; Центр.гос. архив Сов. Армии. Т. 4. Материалы, указатели. М.: Воениздат, 1978. 727 с.
9. Егоров А. И. Разгром Деникина. 2-е изд. М.: Вече, 2012. 352 с.

10. История гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М.: Госполитиздат, 1959. 466 с.
11. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. Т. 2. 1919-1920 гг. М.: Политиздат, 1990. 431 с.
12. Краткий очерк истории 14-й стрелковой «имени СТЕПИНА» дивизии, 1918-1921 г. М., 1921. 46 с.
13. Мерещков К.А. На службе народу. М.: Вече, 2015. 488 с.
14. Степин // Россия в Гражданской войне. 1918-1922: в 3 т. Т. 3. Р-Я. М.: РОССПЭН, 2021. 825 с.
15. Хоперо-Донская операция // Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987. 703 с.

References

1. Agureev K.V. *Razgrom belogvardeiskikh voisk Denikina (oktyabr' 1919 – mart 1920 goda)* [Defeat of the White Guard forces of Denikin (October 1919 – March 1920)]. Moscow, Voenizdat, 1968, 212 p.
2. *Geroi grazhdanskoy vojny: kniga o moskvichah-uchastnikah boevykh srazhenij* [Heroes of the Civil War: a book about Muscovites participating in military battles]. Moscow, Moscow worker, 1974, 415 p.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Saratovskoy oblasti (GANISO)*. [State Archive of the Modern History of the Saratov region].
4. *Grazhdanskaya voyna v SSSR* [The civil war in the USSR], v 2 t., vol. 2. *Reshayushchie pobedy Krasnoi Armii. Krakh imperialisticheskoi interventsii (mart 1919 – oktyabr' 1922)* [Decisive victories of the Red Army. The collapse of imperialist intervention (March 1919 – October 1922)]. Moscow, Voenizdat, 1986, 447 p.
5. Gurevich L., Nosov S. *Komandarm A. S. Stepin'* [Commander A.S. Stepin']. Moscow, Gos. Izd. Pol. Lit, 1962, 54 p.
6. *Direktivy glavnogo komandovaniya Krasnoi Armii (1917–1920)* [Directives of the Red Army General Command (1917–1920)]. Moscow, Voenizdat, 1969, 884 p.

7. *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoi Armii (1917–1922)* [Directives of the Red Army Front Command (1917–1922)], sbornik dokumentov, v 4 t., vol. 4. Materialy, ukazateli [Materials, pointers]. Moscow, Voenizdat, 1978, 727 p.
8. *Direktivy komandovaniya frontov Krasnoi Armii (1917–1922)* [Directives of the Red Army Front Command (1917–1922)], v 4 t., vol. 2, mart 1919 – aprel' 1920 [March 1919 to April 1920]. Moscow, Voenizdat, 1974, 768 p.
9. Egorov A.I. *Razgrom Denikina* [The defeat of Denikin], ed. 2. Moscow, Veche, 2012, 352 p.
10. *Istoriya grazhdanskoi voiny v SSSR* [History of the civil war in the USSR], v 5 t., vol. 4. Reshayushchie pobedy Krasnoi Armii nad obedinennymi silami Antanty i vnutrennei kontrevolyutsii (mart 1919 – fevral' 1920) [Decisive victories of the Red Army over the combined forces of the Entente and the internal counter-revolution (March 1919 – February 1920)]. Moscow, Gospolitizdat, 1959, 466 p.
11. Kakurin N.E. *Kak srazhalas' revolyutsiya* [How the revolution was fought], v 2 t., vol. 2. 1919–1920. Moscow, Politizdat, 1990, 431 p.
12. *Kratkij ocherk istorii 14-j strelkovoj «imeni STEPINA» divizii* [A brief sketch of the history of the 14th Rifle “named after STEPIN” Division], 1918-1921. Moscow, 1921, 46 p.
13. Mereckov K.A. *Na sluzhbe narodu* [At the service of the people]. Moscow, 2015, 488 p.
14. *Stepin* [Stepin]. *Rossiya v Grazhdanskoj vojne* [Russia in the Civil War]. 1918-1922, v 3 t., vol. 3. Moscow, ROSSPEN, 2021, 825 p.
15. *Hopero-Donskaya operaciya* [Khooper-Don operation] *Grazhdanskaya voina i voennaya interventsija v SSSR, entsiklopediya* [Civil war and military intervention in the USSR]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, 703 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гнидо Сергей Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Российская Федерация
gsv.1996@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Gnido, Postgraduate Student, the Department of National History and Historiography of the Institute of History and International Relations

*Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation
gsv.1996@yandex.ru*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9751-4136>

SPIN-code: 9625-4362

Поступила 08.08.2023

После рецензирования 28.08.2023

Принята 12.09.2023

Received 08.08.2023

Revised 28.08.2023

Accepted 12.09.2023

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIESDOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-34-53
УДК 316.35

Научная статья | Социальные группы

**ВЛИЯНИЕ ТИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ
СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТИЛЕЙ
ЛИДЕРСТВА НА ПРОДУКТИВНОСТЬ ГРУППЫ***И.В. Маркушев, М.В. Плотников*

Данная работа исследует влияние различных способов организации совместной деятельности на продуктивность группы.

В рамках исследования экспериментально проверяется, как сочетание трех типов совместной деятельности: совместно-последовательного, совместно-индивидуального и совместно-взаимодействующего, выделенных Л.И. Уманским, и двух стилей лидерства: авторитарного и демократического, выделенных К. Левинем, влияют на продуктивность работы группы.

При помощи эксперимента была смоделирована групповая работа, организованная при использовании различных типов совместной деятельности и стилей лидерства.

В результате завершения шести различных этапов эксперимента, были зафиксированы объективные и субъективные показатели продуктивности, которые в последствии были обработаны и проанализированы. Экспериментально выявлены и описаны закономерности влияния способов организации совместной деятельности и различных стилей лидерства на продуктивность работы группы.

Ключевые слова: *продуктивность группы; совместная деятельность; стили лидерства; Л.И. Уманский; К. Левин*

Для цитирования. Маркушев И.В., Плотников М.В. Влияние типов организации совместной деятельности и стилей лидерства на продуктивность группы // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 34-53. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-34-53

Original article | Social Groups

THE EFFECTS OF DIFFERENT COLLABORATION TYPES AND LEADERSHIP STYLES UPON GROUP PRODUCTIVITY

I.V. Markushev, M.V. Plotnikov

The paper studies how different collaboration types affect group productivity.

The study provides an experimental investigation of the effects the combinations of collaboration types (by L. Umansky, i.e. individual, consequent and interactive) and leadership styles (by K. Lewin, i.e. autocratic and democratic) upon the group productivity.

The experiment described simulates groupwork under different collaboration types and leadership styles. The six experimental stages allowed to register several objective and subjective productivity indicators. The analysis revealed the regularities between different combinations of the collaboration types and the leadership styles on one hand, and the productivity indicators on the other.

Keywords: *group productivity; collaboration types; leadership styles; L. Umansky; K. Levin*

For citation. *Markushev I.V., Plotnikov M.V. The Effects of Different Collaboration Types and Leadership Styles Upon Group Productivity. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 34-53. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-34-53*

Введение

Цель. Экспериментально выявить и описать закономерности влияния способов организации совместной деятельности и различных стилей лидерства на продуктивность работы группы.

Актуальность. Увеличение продуктивности работы группы остается актуальной проблемой на сегодняшний день, однако нехватка человеческих ресурсов на рынке труда усложняет эту задачу, поскольку высокая конкуренция не позволяет набрать в свою команду необходимое количество сотрудников. Поэтому руководителям необходимо оптимизировать работу своих подчиненных, повышая продуктивность имеющейся команды.

В управлении персоналом основополагающими факторами, влияющими на продуктивность групповой деятельности, являются способы организации совместной работы и стили лидерства.

Материалы и методы

Теоретической базой настоящего исследования послужили работы в области организации групповой работы: Л.И. Уманского [10] и Т.Ю. Базарова [3]. Вопросам управления персоналом, стилям лидерства посвящено исследование К. Левина [13].

Практическим материалом для исследования послужили результаты эксперимента.

Результаты и обсуждения

Научная новизна данной работы заключается в проведенном анализе взаимосвязи между способами организации совместной деятельности, стилями лидерства и продуктивностью работы группы. Экспериментально доказано, что различные сочетания стилей лидерства и способов организации совместной деятельности влияют на продуктивность работы группы.

Практические результаты могут быть использованы руководителями в определении желаемого типа взаимодействия между сотрудниками внутри организации. Это может влиять на организационную культуру в целом и на корректную работу бизнес-процессов в компании, что в свете последних исследований становится актуальной проблемой для менеджмента.

Гипотеза исследования: Стиль лидерства оказывает существенное влияние на продуктивность работы группы при различных спо-

собах организации совместной деятельности.

При изучении внутригруппового взаимодействия необходимо обратиться к работе Уманского Л.И. [10], который сформулировал типы организации совместной деятельности. Автор теории выделил три основных типа группового взаимодействия:

- *Совместно-взаимодействующий;*
- *Совместно-индивидуальный;*
- *Совместно-последовательный.*

Совместно-взаимодействующий тип совместной деятельности характеризуется высокой степенью группового взаимодействия, команда выполняет задачу совместно, не разделяя ее на подзадачи между участниками. Сторонний лидер координирует работу группы, поскольку обязанности участников не predetermined. Ответственность за итоговый результат работы размытый, поскольку группа выполняет задачу совместно. В случае ошибки, найти виновника будет сложно.

Для совместно-индивидуального типа совместной деятельности характерна самостоятельная работа членов группы, где каждый участник выполняет свой объем работы. Личное взаимодействие с остальными членами группы практически отсутствует. Участник сам координирует реализацию своей задачи, вся ответственность полностью лежит на нем.

Совместно-последовательный тип совместной деятельности характеризуется ограниченным внутригрупповым взаимодействием. Члены группы контактируют друг с другом в момент приема или сдачи этапа работы. Участники выполняют заранее определенную задачу (этап работы), шаги по реализации которой заранее прописаны в виде инструкции. Руководитель контролирует успешность реализации задания. Сотрудник полностью несет ответственность за свой объем работы.

Описанные выше типы организации совместной деятельности различаются между собой. Невозможно выделить один универсальный способ организации труда, который позволяет добиться высоких показателей продуктивности работы. Каждый из типов

совместной деятельности уникален и будет показывать высокие параметры продуктивности в конкретных ситуациях.

Лидерство – это основа и движущая сила реализации операционного процесса. [12] Таким образом, возрастает значение роли лидерства в процессе достижения целей.

В теоретическом поле современной социологии есть множество различных концепций описывающих стили лидерства с различных сторон.

При изучении типов лидерства необходимо обратиться к работе К. Левина [15], который провел эксперимент по изучению влияния стили лидерства на поведение в группе. Результаты эксперимента показывают зависимость между управленческими ролями и поведением последователей.

Авторитарный стиль лидерства характеризуется полным контролем лидером группы и процесса работы. Руководитель самостоятельно определяет цели, а также задачи для их достижения. Лидер самостоятельно распределяет задачи среди членов группы. Из-за высокой степени контроля в атмосфере группы возникает высокая напряженность, враждебность. Лидер требует от команды покорного и беспрекословного выполнения поставленных им целей, мнение членов группы не учитывается, что является причиной высокой текучести кадров.

Демократический лидер учитывает мнение членов своей команды. Постановка и распределение задач происходит с учетом пожеланий группы. Наличие диалога и обратной связи между лидером и участниками создает свободную и дружескую атмосферу в коллективе, а также высокую групповую сплоченность, что позволяет получить низкие показатели текучести кадров.

Попустительский стиль лидерства характеризуется минимальным участием лидера в организации работы группы. Цели и задачи определяют участники группы. Для данного типа лидерства характерна атмосфера произвола отдельных сотрудников и низкая групповая сплоченность.

Основная переменная в определении трех стилей лидерства – степень свободы последователей, из-за нее характеристики этих стилей различаются друг от друга. По аналогии с типами организации совместной деятельности нельзя однозначно сказать, что один

стиль является лучше, чем другой. Каждый стиль лидерства будет более уместным в своей ситуации.

В эксперименте рассматриваются 2 стиля лидерства: демократический и авторитарный. Попустительский стиль характеризуется минимальным участием лидера в организации групповой деятельности, вся ответственность ложится на членов группы, что негативно сказывается на работе. Исследования Курта Левина показали, что при попустительском стиле наблюдаются самые низкие параметры продуктивности.

Продуктивность групповой деятельности – количественный и качественный результат решения группой задач за определённое время.

Существует множество способов оценить и измерить продуктивность труда. Измерение данной величины требует соответствия показателей и методов её оценки, которые могут быть различными в зависимости от функциональности и сферы применения (например, в разных отраслях национальной экономики).

Таблица №1.

Параметры оценки продуктивности работы

Параметр оценки	Ед. изм.	Вид параметра	Способ измерения
Время работы	Мин: сек.	Объективный	Количественный метод
Производительность труда (количество единиц продукции, объем работы)	Шт.	Объективный	Количественный метод
Качество работы (соответствие заданным параметрам качества)	Шт.	Объективный	Количественный метод
Потраченные ресурсы (какое количество ресурсов было потрачено на выполнение конкретной задачи)	Шт.	Объективный	Количественный метод
Удовлетворенность результатом работы	-	Субъективный	Неструктурированная шкала Лайкерта
Комфорт от процесса работы	-	Субъективный	Неструктурированная шкала Лайкерта
Субъективная оценка продуктивности	-	Субъективный	Неструктурированная шкала Лайкерта

Для измерения продуктивности в рамках настоящего исследования был сформулирован набор параметров, основываясь на натуральном методе, описанном в работе Шаш Н.Н. и Бородина А.И. [11]. Параметры разделены на две категории: Объективные (измеряемые показатели) и субъективные (качественные показатели)

В эксперименте принимали участие студенты бакалавриата и магистратуры, возраст от 18 до 23 лет. В рамках эксперимента испытуемым, объединившимся в группы, необходимо было выполнить совместно групповое задание. Реализация данного задания была выполнена в сочетании трех типов совместной деятельности: совместно-взаимодействующий, совместно-индивидуальный и совместно-последовательный, а также двух стилей лидерства: авторитарный, демократический. То есть в рамках эксперимента было воссоздано 6 вариаций групповой работы, отличающимися между собой способом группового взаимодействия, а также стилем управления лидера.

Таблица №2.

Матрица эксперимента

	Группа №1	Группа №2
Этап 1	Тип лидерства: Демократический Тип организации совместной деятельности: Совместно-взаимодействующий	Тип лидерства: Авторитарный Тип организации совместной деятельности: Совместно-взаимодействующий
Этап 2	Тип лидерства: Демократический Тип организации совместной деятельности: Совместно-индивидуальный	Тип лидерства: Авторитарный Тип организации совместной деятельности: Совместно-индивидуальный
Этап 3	Тип лидерства: Демократический Тип организации совместной деятельности: Совместно-последовательный	Тип лидерства: Авторитарный Тип организации совместной деятельности: Совместно-последовательный

Участникам эксперимента необходимо было в рамках установленного времени изготовить максимально возможное количество мороженого из пластилина. Участникам был предоставлен материал (пластилин различных цветов, алюминиевая фольга, стикеры), инструмент (скалка, пластиковые ножи, линейка, ножницы) и

небольшая инструкция по изготовлению мороженого. Так же был определен ряд требований, которым должен был соответствовать продукт (определенные размеры рожка, шарика мороженого, логотипа на стикере).

В эксперименте принимали участие 2 команды, для каждой из которых был определен один стиль лидерства (авторитарный или демократический). Для каждой команды было воссоздано 3 этапа, отличающихся между собой способом организации совместной деятельности: совместно-взаимодействующий, совместно-индивидуальный или совместно-последовательный тип. Итого для обеих команд было проведено 6 этапов.

В эксперименте принимали участие 12 человек:

1. Члены команды – 8 человек (по 4 участника в команде)
2. Контролеры – 2 человека (1 контролер на группу)
3. Лидер – 2 человека (1 лидер на группу)

Таблица №3.

Роли и функции участников эксперимента

Роль	Функция
Член команды	Изготовление мороженого в соответствии с требованиями качества.
Контролер	Заполнение бланков объективных параметров продуктивности. Проверка изготовленной продукции на соответствие требованиям качества.
Лидер	Воссоздать поведение руководителя с определенным стилем лидерства. Организовать работы группы в соответствии с типом организации совместной деятельности.

Авторитарный лидер давал членам команды конкретные указания и требования к выполнению. Лидер не прислушивался к мнению группы, принимая решения самостоятельно. Стоит отметить, что у группы нет возможности для творчества и внедрения своих идей. Лидер злоупотреблял своей властью, постоянно контролировал подчиненных на предмет выполнения поставленных требований.

Демократический лидер принимал активное участие в деятельности группы. При данном стиле управления руководитель выслушивал мнение участников и учитывал их точку зрения подчиненных.

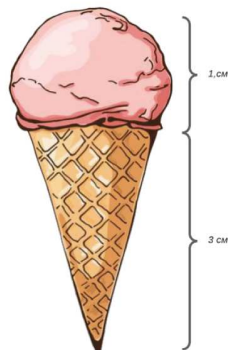
Для моделирования совместно-взаимодействующего типа совместной деятельности участникам необходимо было совместными усилиями изготовить максимально возможное количество мороженого. Лидерам заранее не были установлены обязанности и последовательность действия каждого отдельного участника.

Параметры качества

1. Размеры мороженого

Размер шарика - 1 см.

Размер рожка - 3 см.

2. Размер логотипа

Цвет - любой

Размер логотипа - 1x1,5 см.

Логотип - 2 любые буквы (одинаковые для всех партий мороженого)

Рис. 1. Параметры качества

Совместно-индивидуальный тип организации подразумевает изготовление мороженого каждым участником группы в отдельности. То есть, каждый член команды выполняет работу от самого начального до финального этапа. Общий результат работы – сумма результатов каждого из участников группы. Каждому участнику были предоставлены инструменты и все необходимые материалы для самостоятельной работы. Перед началом эксперимента участникам сообщалось, что будет подсчет изготовленной продукции каждым отдельным членом группы, тем самым создавался соревновательный эффект в работе группы.

Для совместно-последовательного типа группового взаимодействия было организовано разделение группы по различным этапам производства мороженого, реализовав некое подобие конвейера. Каждый участник группы отвечал за свои обязанности, часть общей работы. Это позволило выполнять несколько этапов производства параллельно.

Изготовленные образцы мороженого подвергались проверке со стороны контролеров на соответствие установленным параметрам качества, а именно – определенным размерам рожка, шарика мороженого, а также размера логотипа на стикере. Параметры качества представлены на рисунке 1.

Анализ полученных данных

В результате обработки заполненных бланков от участников эксперимента, были получены следующие субъективные и объективные показатели эксперимента, описанные в таблицах ниже.

При авторитарном стиле лидерства наибольшая производительность и наименьший расход материалов достигнут при совместно-последовательном типе совместной деятельности, однако качество работ (количество продукции, соответствующей требованиям) имеет средние значения, данный параметр лучше при совместно-взаимодействующем типе. Заранее спланированный рабочий процесс и разделение обязанностей в сочетании с эмоциональным давлением лидера позволяют достичь высоких показателей продуктивности, низкие значения расхода материала, однако спешка из-за

просьб руководителя увеличить темп производства негативно сказалась на качестве работ.

Таблица №4.

Результаты эксперимента – значение объективных факторов при авторитарном стиле управления

Авторитарный			
Параметр	Совместно-взаимодействующий	Совместно-индивидуальный (общий)	Совместно-последовательный
Время работы, час: мин:сек	00:10:00	00:10:00	00:10:00
Количество изготовленной продукции, шт.	15	30	46
Количество принятой продукции, шт.	15	19	34
Затраченные ресурсы			
Пластин, шт.	6	5	6
Фольга (кв.см.)	1224	1044	1656
Стикер, шт.	15	30	37

Таблица №5.

Результаты эксперимента – значение объективных факторов при демократическом стиле управления

Демократический			
Параметр	Совместно-взаимодействующий	Совместно-индивидуальный (общий)	Совместно-последовательный
Время работы, час: мин:сек	00:10:00	00:10:00	00:10:00
Количество изготовленной продукции, шт.	14	36	36
Количество принятой продукции, шт.	14	23	36
Затраченные ресурсы			
Пластин, шт.	4	4	8
Фольга (кв.см.)	720	1296	1296
Стикер, шт.	14	36	36

При демократическом стиле лидерства высокие показатели производительности и качества работ достигаются при совместно-последовательном стиле лидерства. Из-за высокого уровня организо-

ванности, где определены задачи и алгоритм действия для каждого сотрудника, достигнуты максимальные (для группы с демократическим лидером) показатели производительности, но они ниже, чем показатели при авторитарном стиле лидерства, причиной этому может быть отсутствие эмоционального давления лидера. Однако для совместно-последовательного типа группового взаимодействия при демократическом лидерстве достигнуты максимальные показатели качества (100%), при авторитарном лидере данный критерий равен 74%. Это может быть следствием так же эмоционального давления.

Таблица №6.

Результаты эксперимента – значение субъективных факторов при авторитарном стиле управления

Авторитарный			
	Удовлетворенность результатом работы	Комфорт от работы	Продуктивность группы
Совместно-взаимодействующий			
Участник №1	45	41	30
Участник №2	100	100	50
Участник №3	81	94	86
Участник №4	100	82	67
Среднее	81,5	79,25	58,25
Совместно-индивидуальный			
Участник №1	25	31	3
Участник №2	100	8	100
Участник №3	100	8	78
Участник №4	25	0	100
Среднее	62,5	11,75	70,25
Совместно-последовательный			
Участник №1	82	100	100
Участник №2	35	58	58
Участник №3	0	0	15
Участник №4	0	100	100
Среднее	29,25	64,5	68,25

Результаты исследования субъективных факторов группы под руководством авторитарного лидера показывают, что наименьший уровень комфорта характерен для совместно-индивидуального типа совместной деятельности, поскольку данный способ групповой ор-

ганизации подразумевает самостоятельность в принятии решений, однако авторитарный лидер контролирует действия участников и самостоятельно принимает решение по организации труда. Наиболее комфортным, по мнению группы, является совместно-взаимодействующий тип совместной деятельности, поскольку в данном случае ответственность за результаты труда ложится не на конкретного сотрудника, а на группу в целом.

Таблица №7.

Результаты эксперимента – значение субъективных факторов при демократическом стиле управления

Демократический			
	Удовлетворенность результатом работы	Комфорт от работы	Продуктивность группы
Совместно-взаимодействующий			
Участник №1	83	76	64
Участник №2	85	100	57
Участник №3	68	54	56
Участник №4	59	100	55
Среднее	73,75	82,5	58
Совместно-индивидуальный			
Участник №1	44	46	43
Участник №2	81	52	91
Участник №3	91	81	74
Участник №4	100	100	0
Среднее	79	69,75	52
Совместно-последовательный			
Участник №1	100	100	100
Участник №2	100	100	100
Участник №3	100	100	100
Участник №4	100	100	100
Среднее	100	100	100

Результаты субъективных факторов при демократическом лидере показали, что совместно-последовательный тип совместной деятельности является для группы наиболее комфортным. Это возможно объяснить тем, что группа и ее лидер заранее определили обязанности и последовательность действий каждого из участни-

ков, в процессе работы производили корректировки для решения различных проблем. Все пожелания членов группы были учтены. Наилучшие результаты (наибольшее количество изделий и отсутствие брака) положительно повлияли на ценность труда для самих участников.

В таблице ниже описаны уникальные свойства различных сочетаний способов организаций совместной деятельности и стилей лидерства.

Особенности сочетаний способов организаций совместной деятельности и стилей лидерства

	Общие	Уникальные	
		Авторитарный стиль лидерства	Демократический стиль лидерства
С-ВЗ.	- Минимальное чувство ответственности у членов группы	- Лидер не участвует в решении появившейся проблемы	- Большие временные затраты на организацию работы группы - Непонятны зоны ответственности и шаги выполнения работы
С-ИНД	- Внутренняя конкуренция в процессе работы - Участники наблюдают друг за другом для сравнения процесса и результата работы - Высокое эмоциональное напряжение участников из-за соревновательного эффекта	- Высокая степень дискомфорта от работы (соревновательный эффект + давление лидера)	- Чувство азарта - Отсутствие командой работы
С-ПОСЛ	- Высокая вовлеченность участников в рабочий процесс	- Полное понимание процесса работы и обязанностей	- Организация рабочего процесса с учетом предыдущего опыта

На основании полученных данных, описанных выше, можно сделать следующие выводы:

1. Стиль лидерства влияет на продуктивность группы. Результаты эксперимента показывают, что команда с авторитарным лидером изготавливала большее количество единиц продукции, однако качество изделий было ниже, чем у команды с демократическим

лидером. В случае производства однотипной продукции, технология изготовления которой заранее определена, имеются различные инструкции и от сотрудников требуется их соблюдение, более высокие параметры продуктивности будут достигаться под контролем авторитарного лидера. Если от сотрудников требуется применение творческого подхода, то в данном случае более уместным будет лидер с демократическим стилем управления.

2. При однотипном, массовом производстве высокие показатели продуктивности достигаются при совместно-последовательном типе совместной деятельности. Сотрудники действуют на основе заранее продуманных инструкций, этапы и ответственность за их исполнение заранее predetermined.

3. Совместно-индивидуальный тип совместной деятельности создает конкуренцию внутри группы и индивидуальный подход каждого сотрудника к поставленной задаче. Участники заметили, что данный способ организации труда отличался для них чувством азарта и соревновательным эффектом. Поскольку каждый член команды работал самостоятельно, то участники выстраивали процесс работы так, как им удобно, что увеличивает вариации исполнения поставленной задачи. Данный способ организации труда будет более уместным в случае, когда необходимо рассмотреть новые пути решения проблемы.

Заключение

В современной системе управления персоналом существует множество различных теорий лидерства, однако большинство из них опираются на два основных понятия: авторитарный и демократический стили лидерства.

Демократический стиль управления персоналом характеризуется возможностью участникам влиять на организацию рабочего процесса, свободной рабочей атмосферой, а также поддержкой со стороны лидера.

Для авторитарного стиля управления персоналом характерен полный контроль рабочей ситуации, беспрекословное исполнение

задач, поставленных лидером, а также высокая напряженность в группе.

Выбор стиля управления подчиненными зависит от множества факторов: тип задачи, которую группа должна выполнить, личные способности членов группы, их уровень квалификации и т.д. Не существует универсального стиля управления персоналом, поскольку необходимо учитывать все эти факторы при определении стиля лидерства.

Авторитарный стиль лидерства рационально использовать в случае, когда необходимо выполнить однотипную, простую работы по отработанному процессу. В случае, если от группы требуется креативный подход к реализации задачи, то наиболее удачным будет использование демократического стиля лидерства.

Список литературы

1. Адизес И.К. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
2. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология: Психологические законы поведения человека в социуме. СПб.: прайм-Евразон, 2002. 560 с.
3. Базаров Т.Ю. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М: ЮНИТИ. 2002.
4. Синк Д.С.. Управление производительностью: планирование, измерение и оценка, контроль и повышение. М.: Прогресс, 1989.
5. Друкер П. О профессиональном менеджменте. М.: Вильямс, 2006.
6. Латыпова А.Д., Омерова Б.Е., Соковикова С.А., Терентьева Т.А., Чугай К.О. Продуктивность групповой деятельности в ситуации давления // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. Электронный сборник статей по материалам XXI студенческой международной заочной научно-практической конференции. Москва: Изд. «МЦНО». 2015. № 2 (20). Секция 3. Психология. С. 46-56.
7. Пригожин А.И. Социологические аспекты управления. М.: Знание, 1974.

8. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: Курс лекций. М.: ИНФРА-М, 1998. 224 с.
9. Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. 1977. С. 54-71.
10. Уманский Л.И. Психология организаторской деятельности школьников. Москва: Просвещение, 1980. 160 с.
11. Шаш Н.Н. Показатели и способы измерения производительности труда и возможность их применения на предприятиях / Н. Н. Шаш, А. И. Бородин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Экономические науки. 2015. No3. Т. 1. С. 96-101.
12. Arif F. The Influence of Transformational Leadership, Discipline, Productivity on Employee Performance // Scientific Journal of Reflection: Economic, Accounting, Management and Business. 2021. Vol. 4(1). P. 51-60.
13. Baron R.S., Kerr N.L., Miller N. Group processes, group decision, group action. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole. 1992.
14. Campbell J.W., Lee H., Im T. At the expense of others: Altruistic helping behaviour, performance management and transformational leadership // Public Management Review. 2016. Vol. 18(6). P. 795-818.
15. Lewin K., Lippit R., White R.K. Patterns of Aggressive Behaviour in Experimentally Created Social Climates // Journal of Social Psychology. 1939. Vol. 10. P. 271-301. <https://doi.org/10.1080/00224545.1939.9713366>
16. Hersey P., Blanchard K.H. Management of Organizational Behavior: Utilizing Human Resources. Prentice Hall, New Jersey. 1969.
17. Vroom, V.H., Jago A.G. The New Leadership: Managing Participation in Organizations. Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ. 1988.
18. Zajonc R. B. Social facilitation // Science. 1965. Vol. 149. P. 269-274.

References

1. Adizes I.K. *Ideal'nyy rukovoditel'. Pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduet* [The ideal leader. Why you can't become one and what follows from this]. М.: Al'pina Biznes Buks, 2008.

2. Aronson E., Uilson T., Eykert R. *Sotsial'naya psikhologiya: Psikhologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sotsiume* [social psychology: Psychological laws of human behavior in society]. SPb.: praym-Evroznak, 2002, 560 p.
3. Bazarov T.Yu. *Upravlenie personalom: Uchebnik dlya vuzov* [Personnel management: Textbook for universities] / ed. T.Yu. Bazarov, B.L. Eremin. M: YuNITI, 2002.
4. Sink D.S.. *Upravlenie proizvoditel'nost'yu: planirovanie, izmerenie i otsenka, kontrol' i povyshenie* [Performance management: planning, measuring and evaluating, controlling and improving]. M.: Progress, 1989.
5. Druker P. *O professional'nom menedzhmente* [About professional management]. M.: Vil'yams, 2006.
6. Latypova A.D., Omerova B.E., Sokovikova S.A., Terent'eva T.A., Chugay K.O. *Molodezhnyy nauchnyy forum: Gumanitarnye nauki. Elektronnyy sbornik statey po materialam XXI studencheskoy mezhdunarodnoy zaочноy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Youth scientific forum: Humanities. Electronic collection of articles based on the materials of the XXI Student International Correspondence Scientific and Practical Conference]. Moscow, pp. 46-56.
7. Prigozhin A.I. *Sotsiologicheskie aspekty upravleniya* [Sociological aspects of management]. M.: Znanie, 1974.
8. Tolstova Yu.N. *Izmerenie v sotsiologii: Kurs lektsiy* [Measurement in sociology: A course of lectures]. M.: INFRA-M, 1998, 224 p.
9. Umanskiy L.I. *Metodologiya i metody sotsial'noy psikhologii*, 1977, pp. 54-71.
10. Umanskiy L.I. *Psikhologiya organizatorskoy deyatel'nosti shkol'nikov* [Psychology of organizational activities of schoolchildren]. Moscow: Prosveshchenie, 1980, 160 p.
11. Shash N.N., Borodin A.I. *Uchenye zapiski Petrazavodstskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie nauki*, 2015, no. 3, vol. 1, pp. 96-101.
12. Arif F. The Influence of Transformational Leadership, Discipline, Productivity on Employee Performance. *Scientific Journal of Reflection:*

- Economic, Accounting, Management and Business*, 2021, vol. 4(1), pp. 51-60.
13. Baron R.S., Kerr N.L., Miller N. Group processes, group decision, group action. Pacific Grove, CA: Brooks/Cole. 1992.
 14. Campbell J.W., Lee H., Im T. At the expense of others: Altruistic helping behaviour, performance management and transformational leadership. *Public Management Review*, 2016, vol. 18(6), pp. 795-818.
 15. Lewin K., Lippit R., White R.K. Patterns of Aggressive Behaviour in Experimentally Created Social Climates. *Journal of Social Psychology*, 1939, vol. 10, pp. 271-301. <https://doi.org/10.1080/00224545.1939.9713366>
 16. Hersey P., Blanchard K.H. Management of Organizational Behavior: Utilizing Human Resources. Prentice Hall, New Jersey. 1969.
 17. Vroom, V.H., Jago A.G. The New Leadership: Managing Participation in Organizations. Prentice Hall, Englewood Cliffs, NJ. 1988.
 19. Zajonc R. B. Social facilitation. *Science*, 1965, vol. 149, pp. 269-274.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Маркушев Иван Валерьевич, студент

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Большая Печерская, 25/12, г. Нижний Новгород, 603155,
Российская Федерация
markushev.iv@yandex.ru

Плотников Михаил Вячеславович, доктор социологических наук, профессор кафедры общего и стратегического менеджмента *Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
ул. Большая Печерская, 25/12, г. Нижний Новгород, 603155,
Российская Федерация
plotnikovm@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ivan V. Markushev, Student

*National Research University Higher School of Economics
25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155,
Russian Federation
markushev.iv@yandex.ru*

Mikhail V. Plotnikov, Doctor of Sociology, Professor of the Department
of General and Strategic Management

*National Research University Higher School of Economics
25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155,
Russian Federation
plotnikovm@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0877-4727>
SPIN-code: 3811-0400
Researcher ID: L-7150-2015*

Поступила 21.08.2023

После рецензирования 12.09.2023

Принята 15.09.2023

Received 21.08.2023

Revised 12.09.2023

Accepted 15.09.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-54-75

УДК 903.01

Научная статья | Философия истории

ПРОБЛЕМА ПОИСКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

М.Ю. Неронова, А.В. Неронов

В статье формулируется проблема поиска методологической основы осмысления истории России. Современное историческое познание нуждается в тесном взаимодействии с философией истории, призванной задать логическую форму многообразному материалу, накопленному исторической наукой. Рассматривая различные философские подходы, определившие понимание логики исторического развития, авторы анализируют когнитивный потенциал каждого из них и намечают пути формирования единой методологической основы для адекватного и всестороннего изучения истории нашей страны.

Цель: *определить роль философии истории в историческом познании и выделить концептуальные подходы, которые могут стать методологической основой формирования нового взгляда на историю России.*

Метод и методология проведения работы: *применялись диалектический, исторический и сравнительный методы исследования.*

Результаты: *В процессе анализа философских подходов были выделены наиболее продуктивные из них, способные стать основой для формирования новой методологии изучения истории России.*

Область применения результатов: *Полученные результаты могут использоваться в историко-философских исследованиях, а также при изучении истории России и разработке учебной дисциплины «Основы Российской государственности».*

Ключевые слова: *история; методы исторического исследования; философия истории; историософия; исторический матери-*

ализм; диалектика; культурно-историческая типология; геополитика; фальсификация истории

Для цитирования. Неронова М.Ю., Неронов А.В. Проблема поиска методологической основы для изучения истории России // *Современные исследования социальных проблем.* 2023. Т. 15, № 3. С. 54-75. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-54-75

Original article | Philosophy of History

THE PROBLEM OF FINDING A METHODOLOGICAL BASIS FOR STUDYING THE HISTORY OF RUSSIA

M. Yu. Neronova, A. V. Neronov

The article formulates the problem of finding a methodological basis for understanding the history of Russia. Modern historical cognition needs close interaction with the philosophy of history, which is designed to give a logical form to the diverse material accumulated by historical science. Considering various philosophical approaches that have determined the understanding of the logic of historical development, the authors analyze the cognitive potential of each of them and outline ways to form a unified methodological basis for an adequate and comprehensive study of the history of our country.

Objective: *to determine the role of the philosophy of history in historical knowledge and to identify conceptual approaches that can become the methodological basis for the formation of a new view of the history of Russia.*

Method and methodology of the work: *dialectical, historical and comparative research methods were used.*

Results: *During the analysis of the existing philosophical approaches, the most productive ones were identified, which can become the basis for forming a new methodological basis for studying the History of Russia.*

Scope of the results: *The results obtained can be applied in historical and philosophical research, as well as in the study of the history of Rus-*

sia and the further development of the academic discipline “Fundamentals of Russian statehood”.

Keywords: *history; methods of historical research; philosophy of history; historiography; historical materialism; dialectics; cultural and historical typology; geopolitics; falsification of history*

For citation. *Neronova M. Yu., Neronov A. V. The Problem of Finding a Methodological Basis for Studying the History of Russia. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 54-75. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-54-75*

В октябре 2021 года в рамках проекта «ДНК России» началась работа над новым предметом, получившим название «Основы Российской государственности» (далее ОРГ), а с сентября 2023 года эта дисциплина включена в учебные планы всех российских ВУЗов. Разработка курса «ОРГ» проводилась на различных информационных площадках и представляла уникальную попытку самоидентификации страны в новых условиях, что видно из вопросов, определивших структуру учебного курса: «Что такое Россия?», «Россия – государство-цивилизация», «Российское мировоззрение и ценностные константы российской цивилизации», «Политическое устройство России», «Вызовы будущего и развитие страны». Вопросы истории страны с необходимостью входят в рамки новой дисциплины, поскольку основная задача курса – создание основ нового мировоззрения России, как суверенного государства свободного от диктата со стороны либеральных влияний, проявившихся в России с 90-х годов прошлого века. Авторы статьи, как участники процесса внедрения нового предмета в вузовское обучение, сосредоточили внимание на проблемах современной философии истории России, поскольку она имеет прямое отношение ко всем концепциям, поставленным в качестве проблем в новой дисциплине.

Тема истинности изложения истории России давно является полем жарких дискуссий. Достаточно вспомнить полемику славянофилов и западников по «норманнскому вопросу», или дискуссии, связанные с оценкой преобразований Петра Первого. В наши дни

проблема соответствия общепринятой истории страны реальным фактам истории поднята на самый высокий уровень академической науки. Значительную роль в создании адекватной формы отображения истории России призвана сыграть философия истории.

Начиная с Геродота и по сей день в истории преобладают эмпирические методы исследования. История как наука, складывалась спонтанно и основывалась сначала на хрониках и летописях, а позднее – на археологических открытиях и результатах этнографических исследований. Так накапливался материал, который систематизировался, выстраивался в упорядоченные ряды, так что история постепенно превращалась в привычную протяженность фактов и дат без достаточной концептуальной базы, что делало невозможным хоть как-то объяснять события прошлого. Однако даже тщательный сбор и глубокий анализ исторических фактов без теоретической базы не мог обеспечить адекватное понимание исторических событий и, тем более, релевантную их интерпретацию.

Интерес к концептуальному рассмотрению истории проявился в Европе начиная с XVII века и продолжился в просвещенном XVIII веке. Стоит напомнить об идеях Т. Гоббса, описавшего государство в виде чудовищного Левиафана. Гоббс также ввёл понятие общественного договора, сторонниками которого затем стали Д. Локк и Ж.Ж. Руссо. В целом можем сказать, что в указанный период времени основной интерес философов преимущественно сосредотачивался на объяснении природы общества с точки зрения формирующейся идеологии революционно настроенной буржуазии. Объяснение же истории оказывалось в подчинении идеям нового понимания общества, нацеленного на его дальнейшее преобразование в духе проекта модерна. Эта тенденция особенно ярко проявилась в работах социалистов-утопистов, создавших проекты общественного устройства, в рамках которых люди смогли бы поставить природу себе на службу и преобразовать государство на благо всех граждан. Наиболее известными утопистами считаются А. Сен-Симон, Ш. Фурье и Р. Оуэн. В результате получилось так, что формирующаяся буржуазная идеология создала собственное

понимание общества и даже наметила пути и формы его дальнейшего преобразования. Такое положение дел можно выразить в следующей фразе: мы знаем, как устроено общество, а потому имеем представление о том, как его изменить к лучшему.

В XIX веке появляются новые, более зрелые философские концепции, объясняющие общество и его историю. Наиболее значительными следует считать такие из них, как учение об обществе Г. Гегеля с его философией истории и материалистическую философию истории марксизма с подробным рассмотрением капиталистической общественно-экономической формации.

Гегель первым создал философскую концепцию истории, основанную на диалектическом методе, тем не менее, в качестве наиболее значительного феномена в области философии истории следует считать материалистическое понимание истории, представленное в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса [11], положивших в основание своего учения последовательный диалектический материализм. Диалектика была заимствована у Гегеля, который создал философию истории в рамках собственной философской концепции. Однако, гегелевская историософия не получила такого масштабного отклика просвещенных людей Европы, как марксистская философия истории. Наука второй половины XIX века в значительной мере склонялась к материализму и позитивизму, а философия Гегеля оценивалась как, скорее, идеалистическая, и понятие «самопознающего духа» не входило в поле научных интересов того времени. Зато марксистская концепция оказалась ближе к научной парадигме. Она позволяла понимать не только суть тенденций периода капитализма в Европе, но и познать прошлое, схваченное формами диалектики в последовательность определенных общественно-экономических формаций.

Применение диалектико-материалистической концепции истории заметно изменило структуру исторического континуума. В результате такого когнитивного прорыва стала формироваться новая точка зрения на историю, особенно в плане её периодизации, которая строилась с учётом общественно-экономических формаций.

Так в структуре исторического познания были выделены эпохи рабовладения, феодализма, а затем – и нового времени с капиталистическими отношениями собственности. Плодотворность философии в применении к пониманию истории оказалась очевидной. Философия дала рациональную форму для содержания исторических фактов, уплотнила их исходную «рыхлость» и позволила выстроить четкую логику исторического процесса. Это значительно расширило когнитивное пространство исторической науки, которая получила возможность объяснять события прошлого, выявлять тенденции настоящего и прогнозировать будущее.

Стоит отметить, что именно марксистский подход представил наиболее обоснованную и последовательную форму поступательного развития мировой истории и выстроил методологическую базу европоцентризма в подходах к трактовке мировой истории. В дальнейшем эта точка зрения стала методологической основой для объяснения истории не только в западных странах, но и в Советском Союзе, а также повлияла на идеологическое восприятие исторических событий во всем мире.

Вместе с тем, еще основоположники марксизма высказывали озабоченность по поводу трудностей в понимании так называемого «восточного способа производства». Диалектико-материалистическая философия истории убедительно объясняла историю стран классического капитализма, но всякий раз сталкивалась с проблемой при попытках анализа истории стран Востока в рамках разработанной ими концептуальной модели. На Востоке не было периода классического рабовладения и капиталистические отношения развивались по-своему, с учётом национальных и религиозных особенностей. К тому же, во многих восточных странах капитализм возник под давлением Запада в результате колониальной политики европейских стран и принял навязанные извне формы. В такой ситуации оставалось одно: выделить страны, которые не вписывались в установленную логику поступательного развития мировой истории и объявить их отстающими (в более мягкой формулировке «развивающимися» странами), то есть теми, которые должны еще

дойти в своей эволюции до уровня состоявшихся западных капиталистических обществ.

Стало понятно, что европоцентризм в истории основан на ограниченной философско-исторической модели, которая хорошо работает по отношению к истории тех стран, где победил протестантизм с его «духом капитализма», о котором писал М. Вебер [5]. Там же, где сохранились традиционные формы христианства (католицизм и, особенно, православие), а также – в исламских, буддийских обществах, или в Индии с её индуизмом, наблюдаются не только феномены восточного способа производства, но и другие тенденции, препятствующие развитию классического буржуазного рынка и принятию политических идей западной демократии.

Европоцентризм в истории стал одной из важнейших частей западной идеологии. Однако, говоря о недостатках западно-центрической модели, мы не станем сосредотачивать внимание на том, что эта точка зрения на историю активно использовалась Западом в политике колониализма и неоколониализма. Важно понять теоретическую несостоятельность данной концепции в качестве универсальной объясняющей теории. Марксизм, а затем и последующие «постмарксистские» учения основаны на примате экономизма и принципах строгого научного объективизма. В них история предстаёт как объективный саморазвивающийся процесс, управляемый законами диалектики. Исторический материализм основывается на диалектико-материалистической философии, где материя первична, а сознание выступает как свойство высокоорганизованной материи. Поэтому люди, творящие историю, определены в своих действиях, прежде всего, со стороны материальных потребностей, а религия, культура, особенности национальных менталитетов оказываются вторичными, хотя и не отвергаются в качестве влияющих факторов.

В последней четверти XIX века возникает историософия в корне отличная от европоцентризма. Речь идёт о культурно-исторической типологии. В России еще в конце 60-х годов позапрошлого века появляется учение Н.Я. Данилевского, написавшего знаменитый труд «Россия и Европа» и ряд других произведений [7]. Н.Я. Данилев-

ский вывел принцип множественности автономных культурно-исторических типов. Идею всемирной истории он заменил идеей параллельного развития различных культур [10]. Для рассмотрения культур он применяет биологические категории, такие как рождение, созревание и смерть.

Культурно-исторический тип по Данилевскому обладает четырьмя основами, такими как религиозная, нравственно-правовая, художественно-эстетическая и технико-экономическая. Причина, по которой цивилизации прекращали свое существование, виделась в том, что подобные типы обладали всего одним из таких оснований. Правда, в рассмотрении Российского культурно-исторического типа Данилевский вынужден выходить за рамки анализа только России, поскольку у него Россия и Европа оказываются в культурной и религиозной оппозиции друг к другу, что вынуждает исследовать и основы западноевропейского культурного типа. В целом можно сказать, что Н.Я. Данилевский выступал с позиций последовательно славянофильства, а значит, был критиком Запада и сторонником особого пути развития России. В его учении, помимо несомненных достоинств, связанных с попыткой создания нового подхода к философии истории, просматриваются и недостатки, такие как случайность выбора оснований для культурных типов и некоторая идеализация Российского культурно-исторического типа, характерная для многих представителей славянофильства.

Оригинальное учение в рамках культурно-исторической типологии создал О. Шпенглер [14]. Он также рассматривал каждую культуру как отдельно взятый тип, обладающий собственным духом и путем развития. В основе каждой культуры лежит так называемый «прасимвол». По нашему мнению, он соотносится с понятием «культурный код», которое нередко используется в последнее время. Социально-культурная особенность каждой нации выступает на первое место в качестве основной характеристики рассматриваемого народа. Так, например, западноевропейская культура предстала как «фаустовская».

Важным моментом учения Шпенглера следует считать принцип разделения понятий «культура» и «цивилизация». Культура несет в

себе творческий потенциал, а когда тот иссякает, наступает период упадка, который и есть цивилизация. Беспокойный фаустовский дух достигает своей цели, создавая развитую культурно-социальную инфраструктуру, основанную на научно-техническом гении, и когда он восклицает «остановись, мгновенье!», наступает пора цивилизации с последующим закатом Европы.

Следует отметить, что и феномен «русского коммунизма» легче объяснить с точки зрения культурно-исторической типологии, чем в рамках классического марксизма. Приведём цитату из Н.А. Бердяева:

«Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству. Даже старая славянофильская мечта о перенесении столицы из Петербурга в Москву, в Кремль, осуществлена красным коммунизмом. И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского – «ex Oriente lux». Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада. Вместе с тем коммунизм создает деспотическое и бюрократическое государство, призванное господствовать над всей жизнью народа, не только над телом, но и над душой народа, в согласии с традициями Иоанна Грозного и царской власти. Русский преобразенный марксизм провозглашает господство политики над экономикой, силу власти изменять как угодно хозяйственную жизнь страны»[3. С. 115-116]. То есть, Советская Россия не смогла отрицать «собственно российский культурный код» даже в условиях строительства нового политического и экономического строя. А после «развенчания культа личности» Хрущевым, завершилась стадия «советской культуры» и начался период «советской цивилизации».

Недостатком учения О. Шпенглера, с нашей точки зрения, является его убежденность в том, что всякая национальная культура развивается внутри себя в соответствии с прасимволом, а внешние влияния оказываются не столь существенными. Это похоже на дерево, которое растет и развивается как «в себе бытие». Понятно также, что ни о какой «всемирной истории» с точки зрения О. Шпенглера речь не идет.

А. Тойнби[12] в целом преодолел указанный недостаток, поскольку в его философии истории все культурно-исторические типы развиваются в контакте друг с другом, при котором неизбежно их взаимовлияние. Все исторические типы представлены у Тойнби как суперэтнотипы, обладающие религиозной и культурной особенностью. Их он называет локальными цивилизациями, не прибегая к шпенглеровскому делению на культуру и цивилизацию. Он выделяет 37 культурно-исторических типов цивилизации. Главным атрибутом цивилизации А. Тойнби считает способность к изменениям, что проявляется через так называемый мимесис, или социальное подражание. Способность к мимесису может привести цивилизацию к положительной мутации, то есть, к позитивному изменению.

Еще одной интересной идеей Тойнби является концепция «вызова и ответа». Каждая цивилизация сталкивается в своем развитии с теми или иными вызовами, которые могут быть как внутреннего, так и внешнего характера. Ответ на каждый такой вызов призвана давать элита общества, как наиболее активная и творческая его часть. В целом историософия А. Тойнби выглядит как наиболее предпочтительная, поскольку сочетает в себе не только учет особенностей культурно-исторических типов, но и их взаимодействие и взаимовлияние. Вместе с тем, попытка рассмотрения всемирной истории через выделенные типы цивилизаций представляется как важная и необходимая, но не вполне зрелая. Выделения именно таких культурно-исторических типов и в таком их количестве можно оспорить, если изменить систему критериев.

В целом новая философия истории в рамках направления культурно-исторической типологии представляется как очевидный шаг

вперед в отношении к концепциям европоцентризма. Различные нации стали рассматриваться как именно различные, но при этом равноправные. Каждая из них получила право на свой путь развития, хотя и под влиянием других стран и народов, составляющих всемирную цивилизацию. Деление стран на «развитые» и «развивающиеся» оказалось теоретически и практически несостоятельным, что наиболее заметно в условиях современности. Тому же Китаю для развития мощной промышленности не потребовалось идти чисто западным путем. То же можно сказать и про Индию. Соответственно, культурно-историческая типология лучше объясняет ход исторического развития стран, не принадлежащих к государствам классического капитализма, в том числе и в случае с Россией, о чём уже было сказано выше.

В России процесс формирования и развития философии истории происходил как в рамках полемики между западниками и славянофилами, так и в процессе становления данного предмета в сфере университетского образования. При этом, в русской философии истории, как академической дисциплине, сложилось два основных направления: историософское и научное (теоретико-методологическое). Историософский подход сформировался в русском средневековье под влиянием христианской концепции. Его основной чертой можно назвать признание религии главной движущей силой исторического процесса. История, согласно историософской установке, развивается закономерно, но эта закономерность часто принимает вид провиденциализма. В рамках данного направления предпринимаются поиски тайны в истории, её «подлинного смысла». Историософский взгляд выносит смысл за пределы исторических событий, однако эта «глубина» может оказаться иррациональной и алогичной.

Согласно теоретико-методологическому подходу, история представляет собой единый процесс и ход истории универсален для всех народов. Однако история как процесс отделяется от истории как формы знания. Исторический процесс понимается как совокупность фактов, значение которых устанавливается уже историей как научной дисциплиной. Значение факта во многом зависит от

позиции авторской интерпретации. Факт сам по себе недоступен, он опосредован источником, требующим истолкования и критики. Отсюда возникает возможность вариативности и фальсифицируемости истории, ее зависимость от позиции субъекта [2, С. 256-258].

Оба выше указанных подхода так и остались в состоянии непримиримого противоречия друг к другу. В советское время историко-философское направление было отклонено и полностью замещено научным подходом, основанным на концепции исторического материализма, который играл роль философского обоснования для развития исторических исследований в рамках научного подхода. Таким образом советская историческая наука оказалась определенной со стороны европоцентристской историко-философской модели, за исключением Л.Н. Гумилёва [6], работы которого приходится на поздний период существования СССР.

Ещё одним интересным феноменом, претендующим на концептуальный подход к истории, является геополитика. Данное направление исследований долгое время считалось не научным, особенно, в связи с работами К. Хаусхофера, близкого к национал-социализму. В СССР геополитика квалифицировалась как «буржуазная псевдонаука», также она подвергалась резкой критике и на западе. Вместе с тем, влияние природы и географии на общество представляется отнюдь не малозначимым фактором. Так, автор самого термина «геополитика» Р. Челлен определяет последнюю как «учение о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве, о государстве как о земле, или, точнее, прежде всего, – как о территориальном господстве» [13, С. 94].

Разумеется, определять развитие социокультурной сферы общества исключительно природными факторами было бы очевидной ошибкой, однако, не учитывать природно-географическое влияние на людей и целые народы было бы не меньшим заблуждением. В конце концов, человек есть существо не только социальное и культурное, но также и природное.

В 90-х годах прошлого века и в начале «нулевых» годов XXI века по российской социально-культурной идентичности был нанесён

мощный удар со стороны либеральной идеологии. Тогда массовыми тиражами выпускались различные учебные издания для ВУЗов и школ, в которых брались под сомнения прошлые достижения страны. Особенно жесткой критике подвергался период Советского Союза, который квалифицировался как «тоталитарное государство», а время правления Сталина представлялось как «исключительно тёмная страница» в истории России и других советских республик. По сути, происходил процесс переписывания истории, где одни факты выдвигались на первое место, а другие, напротив, умалялись или замалчивались. При этом в значительной мере менялась интерпретация исторических событий. В результате целое поколение российской молодежи оказалось под влиянием не только либеральной идеологии, но и в значительной мере искажённой истории собственной страны. На основе освоения содержания учебников и монографий, созданных в конце XX - начале XXI вв., создается впечатление будто не было огромных достижений и побед в годы Великой Отечественной войны, больших советских строек, полётов в космос, освоения атомной энергии и многого другого. Вместо этого читателя хотят убедить в том, что Россия как во времена царизма, так и в годы Советской власти представляла собой «вечно отсталую и агрессивную страну», которую, якобы, спас Запад в результате победы в холодной войне. На самом деле, это были идеология и история, продиктованные «победителями» в отношении «побежденных».

В настоящее время предпринимаются серьёзные попытки возвращения исторической науки на путь адекватного развития. Среди положительных фактов хотелось бы отметить появление первого единого учебника истории. Остается надеяться, что он будет написан с более объективных позиций и с наличием соответствующих интерпретаций. Возвращаясь к сказанному, подчеркнем особо важное значение дальнейшего развития российской философии истории, без которой невозможно произвести релевантную реконструкцию истории страны, поскольку та в ряде периодов оказалась не вполне совпадающей с исторической правдой. То есть, дело состоит не в «переписывании истории», а в её реконструкции в сторону ис-

тинного положения дел, чтобы написанная история соответствовала реальным историческим фактам, интерпретация которых не была задана «извне», а давала адекватное объяснение со стороны субъекта собственной истории.

Философия истории призвана задать логическую форму для организации исторического содержания в виде фактов и событий, верную периодизацию и так далее. Однако философская концепция может также играть роль своеобразного «прокрустова ложа», которое будет ревностно охранять уже готовую историю, не вмещающая в себя те её факты и события, которые не способна вместить. Чем более удачной окажется модель понимания, тем легче будет историкам работать со своим материалом.

Невозможно избежать вполне предсказуемых проблем, лежащих на пути построения успешной философско-исторической концепции. Прежнее направление историософии, основанное на христианстве, практически невозможно примирить с научно-историческим подходом. Если же обратиться к концепциям культурно-типологическим, то наиболее развитой кажется позиция А. Тойнби [12], однако, из этого не следует, что она свободна от недостатков, о некоторых из них мы упомянули выше. Иными словами, создание некоей универсальной (хотя бы временно) объясняющей модели для философского анализа истории России представляется сложной задачей и потому, на этом поле неизбежны весьма острые дискуссии.

Выскажем некоторые соображения, касающиеся ориентиров формирования будущей историософской концепции для удовлетворительного понимания отечественной истории. А заодно обозначим главную проблему, без решения которой не только отечественная история, но и мировая история останутся в «вероятностном состоянии», зависимом от самых разных точек зрения.

Во-первых, следует принять к рассмотрению отдельные аспекты учений ведущих концепций в области культурной типологии, дополняя подходы О. Шпенглера и А. Тойнби, одновременно преодолевая «культурный изоляционизм» первого и критически анализируя концепцию второго. В обоих из этих непохожих подходов

есть своя сильная сторона, поскольку, невзирая на активное взаимодействие стран между собой, каждая из них, тем не менее, сохраняет собственную культурную и ментальную особенность, потеряв которую, она перестает быть тем, чем была. Но этого будет недостаточно.

Во-вторых, не следует отказываться от достижений марксистской философии истории, которая доказала свою жизнеспособность. Помимо духовных интересов и культурных особенностей, люди также определены со стороны своих материальных интересов, да и значимость экономического фактора в истории продолжает оставаться высокой. Не будем забывать о том, что именно марксизм позволил создать научную историософию стран Запада, где концептуальная логика релевантно соотносится с фактической стороной исторического процесса. Невозможно также не считаться с разработанной в лоне марксизма теорией смены общественно-экономических формаций, с использованием диалектического метода и с убедительной критикой капитализма. Культурная типология во многом отрицает марксизм, усиливая роль духовно-культурного фактора, однако, здесь мы видим только момент изменения позиции, но не развития. То есть, первое отрицание—это еще не «отрицание отрицания», в ходе которого возможно появление новой качественной ступени познания.

Ещё одной сильной стороной марксизма следует считать философскую обоснованность его позиции по отношению к истории. Исторический материализм предворяется диалектическим материализмом как базовым источником всех последующих идей. Любой, даже самой интересной современной концепции по отношению к истории всегда будет не хватать собственного философского основания. Без опоры на разработанную философскую позицию подобная концепция так и останется очередной оригинальной гипотезой, которая вскоре может смениться другой, и так далее. Без методологического основания, в качестве которого выступает философия любая объясняющая концепция становится случайной формой, призванной организовать и понять историческое содержание, в

соответствии с субъективной позицией автора. Но именно такая «философская необоснованность» характерна для учений культурно исторической типологии. По этой причине историософские концепции лишаются связи с более фундаментальными основами и определяются рассудочным подходом вне глубокой философской рефлексии, позволяющей превратить их учения в полноценную философию истории.

Историософия использует в качестве методологической основы и религиозную философию. В связи с этим интересным представляется подход А.Г. Дугина, который в своих работах сочетает геополитику с христианской историософией [8, 9]. В его работах учитывается влияние на общество и историю природы, и воздействие духовно-культурного фактора. А.Г. Дугин опирается на философию, ориентированную на православную традицию, преодолевая, таким образом, геополитический объективизм, где человек определяется, главным образом, как природное существо. Кроме того, сильной стороной подхода указанного исследователя является то, что в основе своей историософии он закладывает собственный, чисто философский концепт, где излагается соответствующая метафизика абсолюта. Таким образом, к истории, состоящей из дискретных периодов «временных» событий, прибавляется философское видение «вечного и бесконечного», что можно видеть в работах Гегеля.

Однако, не смотря на «метафизическую завершенность» подхода А.Г. Дугина, его опора на христианскую философию кажется нам недостаточно релевантной в условиях современности и в связи с необходимостью сохранять в истории рационально-логическую структуру объяснений. Россия наших дней уже не имеет возможности позиционировать себя в качестве исключительно «православной державы», поскольку это противоречит равенству всех религий на территории нашей страны, а также тому простому факту, что современная Россия представлена светским государством. Кроме того, история как наука не может опираться на религиозную философию, поскольку наука и религия - это совершенно разные формы отношения сознания к миру и себе. С нашей точки зрения (и это

будет «в-третьих»), соединение науки и религии в рамках создаваемой новой философии истории представляется как попытка контрпродуктивного подхода.

Вероятно, что создание всё новых учений в области философии истории, основанной на христианской метафизике, продолжится и в будущем, поскольку историософия того же А.Г. Дугина принадлежит к традиционной русской философии истории, как и давняя борьба славянофилов с западниками. Об этом мы уже говорили выше, но тут следует добавить, что речь идёт не только о традиционном христианском подходе, но и о давней полемике с Западом, который не оставляет России её законного места во всемирной истории.

«...русская философия истории глубочайшим образом специфична. Это обусловлено особым и, что самое важное, до конца не проясненным ни для самих русских, ни для наших геокультурных контактеров местом России во всемирной истории и, как следствие, теоретическими попытками ее осмысления. Эти попытки можно рассматривать в качестве опровержения или модификации тезиса Гегеля о «внеисторичности» славянского мира и особенно России... Историчность бытия западной цивилизации проявляется в т.ч. в интенсивной рефлексии самого принципа историчности и в конструировании различных моделей исторического развития, а также теорий человечности, начиная с Ренессанса. Восток участвует в истории, но особым образом. Россия - это христианский Восток» [4, С. 14].

В результате христианский подход постулирует мессианское решение проблемы места России в мировой истории, а марксистский подход оказывается перед значительными трудностями определения России как страны, органично входящей в историю Европы. При этом сама Европа не признает за Россией такого статуса, что выразилось не только в европейской идеологии, но и в европейской политической практике. То есть, Запад прямо или косвенно сам настаивает на «особом пути» исторического развития России, что лишь усиливает необходимость серьёзной философской рефлексии

над проблемой формирования адекватной культурно-исторической идентичности современной России. Однако, как уже было сказано, объединить научный подход с религиозным невозможно по определению.

Таким образом, для дальнейшего рассмотрения объясняющих концепций в изучении истории остаются только три основных: марксизм, культурно-типологический подход и геополитика. Во всех трёх направлениях при создании объясняющих концепций истории есть свои плюсы и минусы. Марксизм выдвигает на первое место социально-экономический фактор развития истории, культурная типология – социально-культурный и духовный факторы, а геополитика позволяет лучше учитывать влияние природно-географических условий на развитие этносов. Иногда приходится слышать мнение, что разные концептуальные подходы могут рассматриваться как «взаимодополняющие». В данном случае с такой точкой зрения трудно согласиться. Очевидно, что все три подхода во многом противоречат друг другу, что говорит об отсутствии достаточной обоснованности их взаимодополнения. При этом появляется возможность произвольного применения любого из них, как и возможность бесконечных «модернизаций» этих концептуальных подходов. В результате можно выделить основную проблему, стоящую перед философией истории: создание новой, более глубокой метафизической идеи, способной, как минимум, объединить в себе все три вышеуказанных подхода. Такая работа может производиться параллельно с дальнейшими историческими исследованиями, с учетом новых открытий и достижений в области современной историографии.

Кроме того, в современном мире просматривается значительное ускорение социальных процессов, отчего история развивается необычайно быстро и события дня вчерашнего становятся «пережитым прошлым» буквально на глазах. Давно ли прошли 1990-е годы, а мир с тех пор преобразился до неузнаваемости. И это также нуждается в адекватном объяснении, поскольку подобное ускорение социально-исторических процессов становится важным фактором понимания современного этапа мировой истории.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что практически вся философия прошлого века и начала века нынешнего относится к форме познания «кризисной эпохи постмодернизма». Попытки создания «универсальной мировоззренческой метафизики» оставлены в прошлом, как это случилось в Древней Греции, когда классическая эллинская философия сменилась эллинистическими учениями с их интересом к проблемам человека в условиях социально-политической нестабильности. Начиная с философии жизни, а затем, продолженная учениями экзистенциалистов, философия современности как будто не желает рассматривать суть важных общественных проблем, с точки зрения их фундаментального понимания. И это отрицательно сказывается на состоянии не только истории, но и других наук, особенно гуманитарных. Проведенный выше анализ историософских подходов позволяет показать состояние современного развития философии истории и обозначить основные проблемы в этой области.

Список литературы

1. Багдасарян В.Э. История России в представлениях Ф.М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С.9-26.
2. Безлепкин Н.И. и др. Исследовательский проект «Становление и институализация философии истории в российских университетах XIX – начала XX века. Историко-культурный анализ» / Н.И. Безлепкин, В.В. Ворочай, А.В. Цыб // Альманах: Россия в глобальном мире. СПб.: Изд.-во Политехнического университета Санкт-Петербурга, 2015. № 6(29). С. 250-265.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
4. Богатырев Д. К. Философия истории до и после Гегеля: российский опыт. Часть 1. Историософский и богословский оптимизм // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. № 3. С. 13-34.
5. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020.

6. Гумилев Л.Н. Полное собрание сочинений. М.: АСТ, 2022.
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: АСТ, 2022.
8. Дугин А.Г. Геополитика России. М.: Изд.-во Академический проект, 2012.
9. Дугин А.Г. Метафизика Благой Вести. М.: Арктогея, 1996.
10. Камкин А.К. Сравнительный анализ культурологических концепций Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера, и их значение для современности: автореферат дисс. канд. филос. наук. М.: МГЛУ, 1994.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. М.: Изд.-во Политической литературы, 1983.
12. Тойнби А. Постижение истории. М.: Изд.-во Академический проект, 2021.
13. Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Минск: Изд.-во Поппури, 2023.

References

1. Bagdasaryan V.E. Istoriya Rossii v predstavleniyakh F.M. Dostoevskogo: istoriosofiya russkogo messianstva v proektsii istoricheskogo narrativa [The history of Russia in the views of F.M. Dostoevsky: historiosophy of Russian messianism in the projection of historical narrative]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2021, no. 3, pp. 9-26.
2. Bezlepkin N.I., Vorochay V.V., Tsyb A.V. Issledovatel'skiy projekt «Stanovlenie i instutualizatsiya filosofii istorii v rossiyskikh universitetakh KhKh – nachala KhKh veka. Istoriko-kul'turnyy analiz» [Research project “The formation and institutionalization of the philosophy of history in Russian universities of the 19th – early 20th centuries. Historical and cultural analysis”]. *Al'manakh: Rossiya v global'nom mire*, 2015, no. 6(29), pp. 250-265.
3. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and meaning of Russian communism]. М.: Nauka, 1990.
4. Bogatyrev D. K. Filosofiya istorii do i posle Gegelya: rossiyskiy opyt. Chast' 1. Istoriiosofskiy i bogoslovskiy optimizm [Philosophy of histo-

- ry before and after Hegel: Russian experience. Part 1. Historiosophical and theological optimism]. *Vestnik Rus-skoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 13-34.
5. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. M.: AST, 2020.
 6. Gumilev L.N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. M.: AST, 2022.
 7. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. M.: AST, 2022.
 8. Dugin A.G. *Geopolitika Rossii* [Geopolitics of Russia]. M.: Izd.-vo Akademicheskiiy proekt, 2012.
 9. Dugin A.G. *Metafizika Blagoy Vesti* [Metaphysics of the Good News]. M.: Arktogeya, 1996.
 10. Kamkin A.K. *Sravnitel'nyy analiz kul'turologicheskikh kontseptsiy N.Ya. Danilevskogo i O. Shpenglera, i ikh znachenie dlya sovremennosti: avto-referat diss. kand. filos. nauk* [Kamkin A.K. Comparative analysis of cultural concepts of N.Ya. Danilevsky and O. Spengler, and their significance for modern times]. M.: MGLU, 1994.
 11. Marx K., Engels F. *Izbrannyye proizvedeniya v 3-kh tomakh* [Selected works in 3 volumes]. M.: Izd.-vo Politicheskoy literatury, 1983.
 12. Toynbi A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. M.: Izd.-vo Akademicheskiiy proekt, 2021.
 13. Chellen R. *Gosudarstvo kak forma zhizni* [The State as a Form of Life]. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008.
 14. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Vol. 1. Minsk: Izd.-vo Poppuri, 2023.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Неронова Марина Юрьевна, кандидат философских наук
ФГБОУ ВО СПХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация
marina.neronova@pharminnotech.com

Неронов Александр Владимирович, кандидат культурологии
ФГБОУ ВО СПбХФУ Минздрава России
ул. Профессора Попова, 14А, г. Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация
alexander.neronov@pharminnotech.com

DATA ABOUTH THE AUTHORS

Marina Yu. Neronova, Candidate of Philosophical Sciences
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
14А, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation
marina.neronova@pharminnotech.com

Alexander V. Neronov, Candidate of Cultural Studies
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
14А, Professor Popov Str., St. Petersburg, Russian Federation
alexander.neronov@pharminnotech.com

Поступила 23.09.2023
После рецензирования 31.10.2023
Принята 07.11.2023

Received 23.09.2023
Revised 30.10.2023
Accepted 07.11.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-76-96

УДК 141.155:316.423+124.1

Научная статья | Социальная и политическая философия

ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

С.Ю. Куртов

Актуальность. Социальное измерение концепции устойчивого развития признаётся наиболее актуальным, но наименее разработанным. Обеспечение социальной устойчивости требует эффективного междисциплинарного сотрудничества на основе современной эволюционно-синергетической картины мира.

Цель. Сформулировать понятие устойчивости социальной системы в рамках эволюционно-синергетической парадигмы.

Материалы и методы. Проведён философско-методологический анализ работ зарубежных и отечественных авторов в области социальной философии, социологии и синергетики.

Результаты. Рассмотрены представления об устойчивости в синтетической эволюции Г. Спенсера. Выявлена роль разделения труда в обеспечении устойчивости социума с позиции концепции общественной солидарности Э. Дюркгейма. Описан механизм обеспечения устойчивости цивилизаций в теории исторической эволюции А. Тойнби. Отмечена преобладающая роль социокультурной метаэволюции в повышении адаптивной устойчивости общества. Проанализированы принципы антихрупкой стратегии, предложенной Н.Н. Талебом для повышения устойчивости в условиях нелинейности и неопределённости. Обоснована применимость синергетической методологии к изучению проблемы социальной устойчивости. Установлена роль личности в формировании устойчивой социальной системы в синергетической концепции С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой.

Обсуждение. Рассмотрена проблема соотношения хаоса и порядка в устойчивом обществе, а также механизмы самоорганизации социальной системы в исследованиях отечественной школы синергетики.

Заключение. С позиции эволюционизма и синергетики устойчивость общества есть свойство целерационального повышения эффективности социальных процессов при движении к аттрактору социальной справедливости по оптимальной траектории при минимальном управляющем воздействии.

Ключевые слова: аттрактор; аутопоэзис; социальная синергетика; социокультурная эволюция; устойчивость; чёрный лебедь

Для цитирования. Куртов С.Ю. Эволюционно-синергетический подход к проблеме социальной устойчивости // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 76-96. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-76-96

Original article | Social and Political Philosophy

EVOLUTIONARY-SYNERGETIC APPROACH TO THE PROBLEM OF SOCIAL SUSTAINABILITY

S. Y. Kurtov

Relevance. The social dimension of the concept of sustainable development is recognized as the most relevant but least developed. Ensuring social sustainability requires effective interdisciplinary cooperation based on a modern evolutionary-synergetic picture of the world.

Objective. To formulate the concept of social system sustainability within the framework of evolutionary-synergetic paradigm.

Materials and Methods. The philosophical and methodological analysis of the works of foreign and domestic authors in the field of social philosophy, sociology and synergetics was carried out.

Results. The notions of sustainability in synthetic evolution of G. Spencer are considered. The role of division of labor in ensuring the social

sustainability from the position of the concept of social solidarity of E. Durkheim is revealed. The mechanism of ensuring the sustainability of civilizations in the theory of historical evolution A. Toynbee is described. The prevailing role of sociocultural metaevolution in increasing of adaptive sustainability of society is noted. The paper analyzes the principles of the antifragile strategy proposed by N.N. Taleb to increase sustainability in conditions of nonlinearity and uncertainty. The applicability of synergetic methodology to the study of the problem of social sustainability is substantiated. The role of personality in the formation of a sustainable social system in the synergetic concept of S.P. Kurdyumov and E.N. Knyazeva is established.

Discussion. *The problem of the balance between chaos and order in sustainable society, as well as the mechanisms of self-organization of the social system in the studies of the Russian school of synergetics is considered.*

Conclusion. *From the standpoint of evolutionism and synergetics, the sustainability of society is a property of purposeful increase in the efficiency of social processes as it moves towards the at-tractor of social justice along the optimal trajectory with minimal controlling influence.*

Keywords: *attractor; autopoiesis; social synergetics; sociocultural evolution; sustainability; black swan*

For citation. *Kurtov S.Y. Evolutionary-Synergetic Approach to the Problem of Social Sustainability. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 76-96. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-76-96*

Введение

Главный принцип концепции устойчивого развития – политико-экологической парадигмы, направленной на поиск решения глобальных проблем человечества, заключается в том, чтобы долгосрочное развитие человечества «отвечало потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности» [4, с. 24]. Несмотря на гуманистический характер этого принципа, исследователи признают, что

социальное измерение устойчивого развития представляет собой наиболее актуальный, но в то же время наименее разработанный аспект концепции. Безусловно, комплексный характер глобальных проблем человечества требует междисциплинарного сотрудничества представителей различных областей знания на основе пост-неклассической рациональности и современной эволюционно-синергетической картины мира.

Целью настоящей статьи является выработка интегративного понятия устойчивости социальной системы в рамках формирующейся эволюционно-синергетической парадигмы для обеспечения эффективной реализации идей устойчивого развития.

Материалы и методы

С целью синтеза актуального понятия устойчивости социальной системы проведён философско-методологический анализ работ зарубежных и отечественных авторов в области социальной философии, социологии и синергетики.

Результаты

Эволюционная модель развития общества впервые была разработана основателем органической школы социологии Г. Спенсером. Согласно концепции Спенсера, развитие социума подчиняется универсальному закону эволюции. Социальная эволюция есть последовательный переход от неустойчивого однородного и неопределённого хаоса к разнородному и определённому порядку в обществе. Сложность и многообразие социальных структур и функций общества, порождаемых соединением индивидуальных действий, постепенно возрастает [21, с.44-45]. Целевым состоянием общества по Спенсеру является устойчивое состояние самоподдерживающегося ритмического равновесия антагонистических сил [21, с. 56, 130]. Внутренний механизм социальной устойчивости качественно изменяется с течением времени. На ранних этапах становления общества социальная устойчивость обеспечивается поддержанием обязательных правил поведения и подчинения закону [21, с. 352].

С развитием в народе нравственного чувства появляется возможность расширения гражданских прав и свобод с обеспечением социальной устойчивости на основе самоуправления [21, с. 239]. В индустриальном обществе, по Спенсеру, устойчивость достигается с помощью децентрализации аппарата управления и легкой степени индивидуальных различий членов общества между собой.

Разработанная основателем французской социологической школы, Э. Дюркгеймом, концепция общественной солидарности может быть рассмотрена как своеобразное развитие идей синтетической эволюции Спенсера. В работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм рассматривает динамику развития социума как переход от механической солидарности на основе коллективного сознания и сходства индивидов к органической солидарности на основе разделения труда [5, с. 155]. Главным фактором устойчивого прогресса в социологии Дюркгейма выступает непрерывное развитие разделения труда, которое позволяет человеку приспосабливаться к новым условиям жизни в изменчивой социальной среде [5, с. 258, 280]. В развитых социальных системах органическая солидарность основана на дифференциации индивидов, их функциональной взаимозависимости и взаимобмене [6, с. 114].

Признавая неравновесность и изменчивость сложной социальной среды, Дюркгейм отмечает постоянный рост адаптивности социальных функций и ослабевание их связи со структурой общества по мере разделения труда [5, с. 342]. Социальные связи продолжают сохранять устойчивость, пока сходства индивидов преобладают над различиями между ними. Однако чрезмерная степень разделения труда не производит социальной солидарности, что становится причиной правовой и нравственной аномии и ведет к разрушению устойчивой взаимосвязи солидарных институтов и дезинтеграции общества [5, с. 377]. Согласно Дюркгейму, преодолеть неустойчивое состояние аномии возможно путем разработки новой системы нравственности, направленной на достижение социальной справедливости путем ослабления внешнего неравенства. Таким образом, в социологии Дюркгейма устойчивость социальной системы – это

способность производить органическую солидарность индивидов на основе разделения труда и развитой системы взаимосвязей посредством правового и морального регулирования в условиях изменчивой социальной среды.

Основоположник теории исторической эволюции цивилизаций А. Тойнби разработал концепцию «вызов-и-ответ», в которой прослеживаются аналогии с биологическими механизмами естественного отбора и гомеостаза. Согласно концепции Тойнби, проблема на пути прогресса цивилизации представляет собой вызов, который выводит социальную систему из состояния устойчивого равновесия, а выбор ответа на вызов ведёт к дальнейшей самоорганизации или дезорганизации. Оптимальный уровень интенсивности стимулирующего вызова порождает наиболее успешный ответ [24, с. 264-265, 272]. Ответ, в свою очередь, приводит к прохождению цивилизации через состояние равновесия и способствует появлению нового вызова. Вызов, на который цивилизации не удастся найти адекватный ответ, становится критическим фактором отбора. Он возникает снова и снова, угрожая обществу уничтожением [25, с. 10]. Таким образом, устойчивость цивилизации по Тойнби обеспечивается выработкой обществом такого ответа на вызов, который возвращает социальную систему в состояние динамического равновесия, поддерживая её целостность и самоидентичность.

Формирование в последней четверти XX века эволюционно-синергетической научной картины мира привело к дальнейшему распространению натуралистических концепций на область социально-гуманитарных наук. Так, чилийские биологи У. Матурана и Ф. Варела разработали теорию аутопоэзиса, согласно которой устойчивые операционально замкнутые системы, к которым относится и человеческое общество, непрерывно самовоспроизводятся, порождая свои структуры и элементы из внутренних операций [16, с. 40, 176].

Э. Янч, опираясь на достижения Матураны и Варелы, а также синергетические идеи И. Пригожина в области динамики неравновесных процессов, построил целостную систему эволюции, основанную на фундаментальном сходстве динамики самоорганизации

в системах различной природы. Янч рассматривает социальную систему как устойчивую неравновесную органическую структуру взаимосвязанных процессов.

Саморазвитие социокультурных процессов приводит к «метаэволюции», то есть эволюции самих принципов и механизмов развития общества [28, с.147-148]. Янч, отмечает, что в социальных системах горизонтальная социокультурная эволюция на основе коммуникаций преобладает над вертикальной генетической эволюцией. Непрерывное ускорение социокультурных изменений на современном этапе развития общества обеспечивает повышение адаптивной устойчивости социальной системы [29, с.14-15].

Немецкий социолог Н. Луман, развивая идеи аутопоэзиса, разработал оригинальную теорию социальной устойчивости на основе эволюции коммуникаций [14, с. 311]. Под устойчивыми социолог понимает эволюционирующие системы, которые сохраняют свою стабильность несмотря на дестабилизирующие воздействия [11, с. 44-45]. Способными к эволюции, согласно Луману, являются динамические неравновесные аутопоэтические системы, самопорождающие вариации будущего развития [15, с. 90, 100]. Поэтому устойчивость социальной системы заключается в активной реализации всевозможных вариаций развития с ориентацией на будущее, в силу которой всё новое признаётся потенциально более жизнеспособным [13, с.220, 223; 15, с. 227]. Производство избыточной вариативности, её накопление и ускорение в обществе обеспечивается развитием большого количества разнообразных типов коммуникаций [12, с. 30; 15, с. 30-31]. При этом Луман предполагает, что современное общество пребывает в состоянии метаперехода о стационарного к нестационарному состоянию, в котором все переменные изменяются во времени [15, с. 101]. В связи с этим социолог указывает на возрастание неопределённости будущего и сложности долгосрочного планирования эволюционного развития человечества.

Автор концепции «Чёрный лебедь» Н.Н. Талеб также отмечает, что будущие свойства и качества социальной системы зависят от траектории развития, но не могут быть точно определены в долго-

срочной перспективе [23, с.539]. «Чёрные лебеди» – катастрофические события, которые не могут быть предсказаны на основе предшествующего исторического опыта, суть необходимые элементы процесса развития общества. Талеб признаёт, что абсолютная неуязвимость социума является недостижимым идеалом, а ретроспективная адаптация всегда запаздывает [22, с.112]. Поэтому устойчивому обществу необходим механизм, который будет непрерывно повышать относительную неуязвимость системы в ответ на непредсказуемые потрясения. В своей концепции Талеб критикует искусственную стабилизацию социальных структур, которая подавляет необходимую случайность и изменчивость. Регулятивные меры приводят к постепенному накоплению латентной внутренней хрупкости социума, что может привести к катастрофическим последствиям при столкновении общества с «чёрным лебедем» [22, с. 169-170]. Устойчивые к воздействиям случайных изменений системы Талеб называет «антихрупкими», подчеркивая принципиальное отличие этого свойства от неуязвимости и эластичности [22, с. 20]. Антихрупкость предполагает не простое возвращение системы в прежнее состояние, но её эволюционное развитие в результате столкновения со случайностью и неопределённостью [22, с. 385]. Обращаясь к естественным наукам, Талеб выделяет природные механизмы повышения антихрупкости, доказавшие свою долгосрочную эффективность, среди которых необходимо разнообразие, страховая избыточность, децентрализация и фрагментация структур, а также развитие взаимосвязей между элементами [22, с. 113-114; 23, с. 486].

Устойчивость антихрупкой системы обеспечивается путем добавления в неё доли хаоса, который вызывает стохастический резонанс флуктуирующих элементов, разрушая хрупкие элементы системы, чувствительные к беспорядку [22, с.161-165]. То есть временная неустойчивость отдельных частей является необходимым условием достижения устойчивости социального целого. Так в антихрупких системах в процессе разрушения хрупких частей и эволюции целого проявляется свойство фрактального самоподобия [22, с.116-117]. В условиях высокой неопределённости с фракталь-

ным распределением вероятностей для достижения антихрупкости Талеб предлагает руководствоваться двухуровневой «стратегией штанги», в которой благодаря сочетанию двух крайностей возникает благоприятная асимметрия [22, с. 348]. Суть антихрупкой стратегии заключается в том, чтобы минимизировать большие риски в областях, уязвимых для негативных «чёрных лебедей», и принимать небольшие риски в областях, открывающих окно возможностей для позитивных «чёрных лебедей» [22, с. 248-249, 256]. Так антихрупкое под воздействием случайных стрессов только приобретает дополнительную устойчивость, а не теряет её.

Экономический кризис 2008 г., пандемия COVID-19 и обострение геополитической обстановки продемонстрировали возрастающую актуальность проблемы «чёрных лебедей». В своих работах Талеб подчеркивает принципиальную неприменимость линейных моделей социальной устойчивости, дающих колоссальные погрешности при моделировании и прогнозировании кризисных процессов в сложных социальных системах в условиях VUCA-мира. Формирование современного взгляда на общество как открытую неравновесную нелинейную систему позволяет экстраполировать применение принципов синергетики на описание, моделирование и прогнозирование развития социокультурных систем. Синергетика – постнеклассическая междисциплинарная теория самоорганизации, в основе которой лежат представления о глобальном эволюционизме, который объединяет принципы эволюции и всеобщей взаимосвязи. Социальная синергетика представляет собой самостоятельное направление теории самоорганизации, которое опирается на естественнонаучные основания синергетики и изоморфизм процессов, протекающих в системах различной природы. Поэтому в социальной синергетике широко применяется общелогический метод аналогии. Математические модели рассматриваются как источник аналогий для расширения области применения естественнонаучных методов синергетики на сферу социально-гуманитарных дисциплин [7, с. 278-279]. Однако метод аналогий не является строгим научным методом и не гарантирует достоверную

применимость методов и моделей синергетики к изучению человека и общества. Поэтому синергетика представляет собой полезный аналитический и прогностический инструмент, который требует адаптации естественнонаучных моделей для выявления неявных закономерностей развития общества.

Основатель отечественной школы синергетики С.П. Курдюмов обнаружил глубокую аналогию между процессом горения нелинейной среды и глобальными историческими процессами. Структуры социального мира в моменты максимального развития вблизи момента обострения отличаются наибольшей неустойчивостью, подвергаясь угрозе разрушения. При прохождении точки бифуркации сложные социальные структуры распадаются, и в результате формируются инновационные устойчивые социокультурные образования, отличающиеся высокой степенью дифференциации [10, с. 110]. Важным результатом исследований Курдюмова и Князевой стал вывод о возможности образования сложных структур в результате эволюции функций, имеющих четное количество максимумов [8, с. 138]. Этот вывод служит математическим обоснованием целесообразности двухуровневой антихрупкой поведенческой «стратегии штанги», предложенной Талебом.

Согласно синергетической концепции Курдюмова и Князевой устойчивость структур-процессов диалектична, она динамически развивается посредством неустойчивости и со временем вновь превращается в неустойчивость, а высшая устойчивость есть динамизм развития [8, с. 41, 45, 307]. Поэтому в условиях изменчивой нелинейной среды адаптивность и целерациональность поведения становятся ценным ресурсом повышения устойчивости. Курдюмов акцентирует внимание на то, что в режиме с обострением деятельность каждого индивидуума может оказать определяющее влияние на изменение паттернов коллективного поведения и формирование новых макросоциальных структур. Таким образом, каждый человек может активно влиять на выбор траектории эволюции социокультурных процессов, непосредственно участвуя в конструировании будущей социальной реальности [9, с. 35, 40].

Человек в своей целерациональной деятельности ориентируется на одну из возможных структур-аттракторов, которая является желаемым образом будущего социальной системы. Согласно принципу синергетического холизма, человек способен ускорить общий темп социальной эволюции и приблизить достижение аттрактора путём резонансного объединения простых социальных структур в сложное коэволюционирующее целое [8, с. 170; 9, с. 40-41]. Выход социальной системы на структуру-аттрактор определяется принципами устойчивого развития социальных процессов. Такое развитие предполагает динамичную коррекцию стратегии и оперативную трансформацию социальных проектов по мере их реализации [9, с. 110, 125].

Аттракторы указывают на горизонт прогнозирования желаемого и достижимого будущего и границы неустойчивости социальной системы, за которыми общество может столкнуться с эволюционным кризисом [8, с. 300]. Управление устойчивостью социальных систем представляет собой «балансирование на краю хаоса» в пределах бассейна аттрактора, которое требует стратегического видения множества вариантов будущего, нелинейного мышления и согласованного сочетания методов «мягкого» внешнего управления и самоуправления [9, с. 174-176, 187-188].

Обсуждение

С учетом того, что социально-синергетическая парадигма находится на этапе становления, в отечественной школе синергетики наблюдается плюрализм позиций относительно оптимального баланса социальной энтропии и порядка, обеспечивающего устойчивость общества.

Академик Н.Н. Моисеев указывает на принципиальное различие соотношения хаоса и порядка в биологической и социальной эволюции. Он отмечает, что в биосфере преобладают адаптационные механизмы развития, в то время как быстроразвивающееся общество является бифуркационным [18, с. 68-72]. Моисеев допускает устойчивую коэволюцию биосферы и человека, признавая, что потенциал компенсационных механизмов биоты ограничен, и антропогенное

давление на природу может привести к неустойчивости биосферы [17, с. 48]. Для обеспечения целенаправленной коэволюции человека и природы Моисеев развивает идею Коллективного Разума, задачей которого является «рациональное» устройство будущей жизни общества на основе принципов устойчивого развития и идеи социальной справедливости [17, с. 87]. Центральное место в теории Моисеева занимает принцип минимума дисперсии энергии, согласно которому необратимый процесс самоорганизации устойчивых неравновесных систем идёт по пути минимального роста энтропии. Необходимо признать, что минимальный рост энтропии в изменчивой нелинейной среде не может гарантировать адаптивной устойчивости, поэтому в отечественной синергетике получили развитие альтернативные точки зрения на необходимый уровень энтропии в устойчивом обществе.

В.В. Василькова предложила синергетическую концепцию циклической эволюции социальных систем. Цикличность развития общества объясняется реакцией на периодические изменения природной среды, а нелинейный характер социальной среды определяет вариативность траекторий социальной динамики [3]. Василькова отмечает, что излишек энтропии в системе приводит к разрушению её целостности, но с приближением системы к состоянию минимальной энтропии, она теряет способность к адаптации [2, с. 132-133]. Следовательно, устойчивость социальной системы обеспечивается не минимальным, а динамическим изменением уровня энтропии в границах определённого диапазона. Для фазы роста энтропии характерно повышение интенсивности социальных процессов, нарастание неравновесности, конкуренции, создающего хаоса в обществе. В фазе снижения социальной энтропии, напротив, преобладают противоположные тенденции, а именно: замедление темпов развития, стремление к однородности, централизация управления [2, с. 281-282]. Поэтому, согласно Васильковой, устойчивый циклический процесс самоорганизации социальной системы может быть представлен как последовательное чередование режимов зарождения и сохранения социального порядка во всех сферах общественной жизни [2, с. 283, 330].

Физик-теоретик и философ В.Г. Буданов предложил оригинальный метод ритмокаскадов для описания процесса эволюции социума. Ритмокаскад – это самый быстрый вариант перехода системы к детерминированному хаосу через последовательное удвоение периода системы [1, с. 127, 141]. Детерминированный или динамический хаос – это сложный нерегулярный паттерн движения, который приводит систему в состояние неустойчивости, открывая её сколь угодно малым воздействиям внешней среды. Именно в этом, по мнению Буданова, заключается творческий потенциал хаоса [1, с. 36-38]. В условиях кризиса социальная система последовательно проходит этапы погружения в хаос, бытия в хаосе и выхода из хаоса путем спорадического возникновения качественно нового устойчивого порядка. Согласно Буданову, в эволюционном процессе направленного суперотбора последовательно зарождаются и сохраняются локальные структуры, находящиеся в резонансе с системой, которые формируют фрактальное дерево ритмокаскадов [1, с.123-125]. Рост дерева ритмокаскадов приводит к переносу наибольшего числа бифуркаций на более высокие уровни социальной системы, что обеспечивает максимальную скорость эволюции общества через динамический хаос и неустойчивость [1, с.147].

Философ А.П. Назаретян рассматривает устойчивость процесса социокультурной самоорганизации через призму эволюционно-исторической психологии. Тенденция биологической эволюции заключается в развитии интеллекта, которое предполагает более агрессивное индивидуальное поведение, направленное на активное преобразование окружающей среды и снижение энтропии [19, с. 38-39]. Однако эволюция социальных систем идет по пути рационализации мышления и совершенствования надынстинктивных механизмов культурно-психологического контроля над агрессивными импульсами [19, с. 85]. Согласно сформулированному Назаретяном закону техно-гуманитарного баланса, с развитием технологий требуется адекватное совершенствование культурных средств сохранения устойчивости социальной системы [19, с. 62].

Согласно закону, сформулированному философом В.В. Тузовым, степень устойчивости социальной системы зависит от меры соот-

ветствия аттрактора социальной системы сущности социального *per se* [27, с.192]. Профессор Тузов отмечает, что «социальное» в широком смысле представляет собой противоречие, обусловленное двойственной биосоциальной природой человека. Главным компонентом диалектического противоречия общественных отношений выступают равенство и гуманизм с одной стороны, и неравенство и эксплуатация – с другой [26, с.25]. Под «социальным» в узком смысле слова философ понимает особенное человеческое общество, отношения в котором организуются на основе принципа справедливости и характеризуются гуманизмом, в чем заключается главное качественное отличие социальной системы от биотического сообщества [26, с.21-23]. Разделяя точку зрения Тузова на сущность социального, в качестве главного условия устойчивости социальной системы можно выделить преобладание гуманистических отношений над биотическими.

Развивая идеи С.П. Курдюмова, профессор В.П. Бранский применил синергетический подход к философии истории и разработал концепцию суперотбора. Суперотбор представляет собой эволюционный процесс формирования универсального социального идеала через бесконечное разворачивание локальных культур, в результате чего формируется глобальный суператтрактор. Такой абсолютный идеал включает в себя общечеловеческое начало, которое содержится в человеке как социальном фрактале, обладающем свойством самоподобия. При этом каждый индивидуум вносит свой вклад в формирование глобального суператтрактора, который представляет собой цель и предел культурного развития человечества, синтез ноосферы и эстетосферы [20, с. 24-29].

Заключение

На этапе зарождения социологии как науки проблема устойчивости общества рассматривалась с позиции органицизма как динамическое равновесие сложной неоднородной структуры, возникшей в результате эволюции. Общей тенденцией развития социологии становится рассмотрение социальной реальности через категории

процесса, изменчивости, становления и развития. На современном этапе социологическая мысль развивается в соответствии с эволюционно-синергетической парадигмой. Поэтому социальная устойчивость и стабильность перестают быть синонимами. Устойчивость предполагает эволюционное развитие общества в результате глобальных кризисов, а изменчивость в условиях неопределенности превращается в ресурс повышения устойчивости. Сторонники социального эволюционизма указывают на то, что главным механизмом устойчивости социальной системы является метаэволюция социокультурных процессов на основе коммуникаций.

Трансформация представлений об обществе в постнеклассической философии и современной социологии привела к описанию социума как открытой неравновесной нелинейной системы, обладающей способностью к саморазвитию. Междисциплинарный синергетический подход даёт возможность по-новому описать социальный хаос как сложный социальный порядок и выявить в нём скрытые нелинейные закономерности, что позволяет моделировать и прогнозировать вариативные траектории устойчивого развития современного общества. Общество становится предметом изучения социальной синергетики, согласно которой устойчивость общества – это балансирование на краю динамического хаоса, свойство целерационального повышения эффективности самоорганизации социальных процессов в результате прохождения через точки бифуркации. Эволюция процессов в устойчивом обществе направлена на достижение суператтрактора – универсального идеала социальной справедливости на основе принципов гуманизма. Реализация желаемого будущего человечества находится в сильной зависимости от поведения каждого индивидуума, а эффективность самоорганизации социальных процессов предполагает их эволюцию по наикратчайшей траектории, выводящей на движение по суператтрактору при минимальном управляющем воздействии.

Разработка интегральной концепции изучения проблемы устойчивости социальной системы при органическом взаимодополнении философской и научной методологии на основе синтеза диалекти-

ческого, системного и синергетического подходов остается актуальным и перспективным направлением дальнейших исследований.

Список литературы

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е испр. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Издательство «Лань», 1999. 480 с.
3. Василькова В.В. Циклы самоорганизации в обществе // Синергетика. Труды семинара. Т.3., М.: Изд-во МГУ, 2000. URL: <https://spkurdyumov.ru/education/cikly-samoorganizacii-v-obshhestve/> (дата обращения: 02.10.2023).
4. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». Нью-Йорк, 1987. 412 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
7. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Вступ. ст. Г.Г. Малинецкого. Изд. 2-е. М.: КомКнига, 2011. 272 с.
10. Куркина Е.С., Князева Е.Н. С.П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем. Изв. вузов «ПНД», т. 21, № 4, 2013. С. 93-114.
11. Луман Н. Введение в системную теорию (Под редакцией Дирка Беккера). Пер. с нем./ К. Тимофеева. М.: Издательство “Логос”, 2007. 360 с.

12. Луман Н. Дифференциация. Пер. с нем./ Б. Скуратов. М.: Издательство «Логос», 2006. 320 с.
13. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. / А. Антоновский. М.: Издательство «Логос», 2004. 232 с.
14. Луман Н. Самоописания. Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Издательство «Логос», ИТДГК «Гнозис», 2009. 320 с.
15. Луман Н. Эволюция. Пер. с нем./ А. Антоновский. М.: Издательство «Логос», 2005. 256 с.
16. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
17. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.
18. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
19. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
20. Синергетическая философия истории: (коллективная монография) / [С.В. Бусов и др.]; под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. Санкт-Петербург: Северный колледж, 2009. 313 с.
21. Спенсер Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. К.: Ника-Центр, 1997. 512 с.
22. Талев Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса; Пер. с англ. Н. Караева. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 768 с.
23. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2-е изд., доп. Пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 736 с.
24. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. Т. I. Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670 с.
25. Тойнби А.Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. Т. II. Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 863 с.
26. Тузов В.В. Противоречивая сущность «социального» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе, 2019, №3(25). С. 12-27.

27. Тузов В.В. Самоорганизация социальной системы (социально-философский анализ): диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.11. Санкт-Петербург, 2004. 318 с.
28. Янч Э. Самоорганизующаяся Вселенная. Введение и обзор: рождение парадигмы из метафлуктуации // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. С. 143-158.
29. Jantsch E. *The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution*. New York, Pergamon Press, 1980. 343 p.

References

1. Budanov V.G. *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i v obrazovanii* [Synergetics methodology in postnon-classical science and education]. Moscow: LKI, 2008, 240 p.
2. Vasil'kova V.V. *Poryadok i khaos v razvitii sotsial'nykh sistem: (Sinergetika i teoriya sotsial'noy samoorganizatsii)* [Order and Chaos in the Development of Social Systems: (Synergetics and the Theory of Social Self-Organization)]. Saint-Petersburg, Lan', 1999, 480 p.
3. Vasil'kova V.V. *Tsikly samoorganizatsii v obshchestve. Sinergetika. Trudy seminarov* [Cycles of self-organization in society. Synergetics. Seminar papers.], vol. 3, Moscow: MGU, 2000. URL: <https://spkurdyumov.ru/education/cikly-samoorganizatsii-v-obshchestve/> (accessed October 2, 2023).
4. *Doklad Vsemirnoy komissii po voprosam okruzhayushchey sredy i razvitiya «Nashe obshchee budushchee»* [Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future]. New York, 1987, 412 p.
5. Dyurkgeym E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor]. Moscow, Kanon, 1996, 432 p.
6. Dyurkgeym E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its' subject, method, purpose]. Moscow, Kanon, 1995, 352 p.
7. Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskiy G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and predictions of the future.]. Moscow, Editorial URSS, 2003, 288 p.

8. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [Foundations of Synergetics. Regimes with aggravation, self-organization, tempo-worlds]. Saint-Petersburg, Aleteyya, 2002, 414 p.
9. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Sinergetika: Nelineynost' vremeni i landshafty koevol'yutsii* [Synergetics: Time Nonlinearity and Landscapes of Co-evolution]. Moscow, KomKniga, 2011, 272 p.
10. Kurkina E.S., Knyazeva E.N. *S.P. Kurdyumov i ego evolyutsionnaya model' dinamiki slozhnykh system* [S.P. Kurdyumov and his evolutionary model of the dynamics of complex systems]. *Izvestiya VUZ. Applied Nonlinear Dynamics*, vol. 21, no. 4, 2013. pp. 93-114.
11. Luman N. *Vvedenie v sistemnyu teoriyu* [Introduction to systems theory]. Moscow, Logos, 2007, 360 p.
12. Luman N. *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Moscow, Logos, 2006, 320 p.
13. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya Sistema* [Society as a social system]. Moscow, Logos, 2004, 232 p.
14. Luman N. *Samoopisaniya* [Self-Descriptions]. Moscow, Logos, Gnozis, 2009, 320 p.
15. Luman N. *Evol'yutsiya* [Evolution]. Moscow, Logos, 2005, 256 p.
16. Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya* [The tree of knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001, 224 p.
17. Moiseev N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' Razuma* [The fate of civilization. The Path of Mind], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000, 224 p.
18. Moiseev N.N. *Chelovek i noosfera* [Man and the noosphere]. Moscow, Mol. gvardiya, 1990, 351 p.
19. Nazaretyan A.P. *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: Ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii* [Anthropology of Violence and the Culture of Self-Organization: Essays in Evolutionary and Historical Psychology]. Moscow, Knizhnyy dom LIBROKOM, 2012, 256 p.
20. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii: (kollektivnaya monografiya)* [Synergetic philosophy of history: (collective monograph)]. S.V. Busov et al. Sankt-Petersburg: Severnyy kolledzh, 2009, 313 p.
21. Spenser G. *Sinteticheskaya filosofiya* [Synthetic philosophy]. Kiev, Nika-Tsentr, 1997, 512 p.

22. Taleb N.N. *Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa* [Antifragility. How to capitalize on chaos]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020, 768 p.
23. Taleb N.N. *Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti* [Black Swan. Under the sign of unpredictability]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020, 736 p.
24. Toynbi A.Dzh. *Issledovanie istorii: Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve* [Exploring History: Civilizations in Time and Space.]. Vol. I. Moscow, AST MOSKVA, 2009, 670 p.
25. Toynbi A.Dzh. *Issledovanie istorii: Tsivilizatsii vo vremeni i prostranstve* [Exploring History: Civilizations in Time and Space.]. Vol. II. Moscow, AST MOSKVA, 2009, 863 p.
26. Tuzov V.V. *Protivorechivaya sushchnost' «sotsial'nogo»* [The contradictory essence of the “social”]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve* [Philosophy and human sciences in the information society], 2019, no. 3(25), pp. 12-27.
27. Tuzov V.V. *Samoorganizatsiya sotsial'noy sistemy (sotsial'no-filosofskiy analiz)* [Self-organization of social system (socio-philosophical analysis)]. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy: 09.00.11. Saint Petersburg, 2004, 318 p.
28. Jantsch E. *Samoorganizuyushchayasya Vselennaya. Vvedenie i obzor: rozhdenie paradigmy iz metafluktuatsii* [The Self-Organizing Universe. Introduction and review: birth of a paradigm from metafluctuation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1999, no. 1, pp. 143-158.
29. Jantsch E. *The Self-Organizing Universe. Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution*. New York, Pergamon Press, 1980, 343 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Куртов Сергей Юрьевич, аспирант кафедры философии
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И.Ульянова (Ленина)»

*ул. проф. Попова, 5, г. Санкт-Петербург, 197376, Российская
Федерация
KurtovSY@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sergei Yu. Kurtov, Postgraduate Student, Department of Philosophy
*Saint Petersburg Electrotechnical University
5, prof. Popov Str., Saint Petersburg, 197376, Russian Federation
KurtovSY@yandex.ru
SPIN-code: 9672-2658
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9992-1412>*

Поступила 07.11.2023
После рецензирования 16.11.2023
Принята 20.11.2023

Received 07.11.2023
Revised 16.11.2023
Accepted 20.11.2023

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-97-107
УДК 81

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ

Э.В. Шулятева

В статье рассматривается явление глобализации и его влияние на языковую политику Испании. Анализируются процессы неологизации, лежащие в основе испанской языковой политики. Показано, как в условиях главенствующей роли английского языка национальные языки Испании противостоят внешнему давлению в виде англицизмов. Особое внимание уделяется основным способам фиксирования лексических инноваций в официальных языках Испании.

Цель. *Целью исследования является теоретическое и практическое исследование вопроса влияния факторов языковой глобализации на официальные языки Испании.*

Материалы и методы. *Практическим материалом для исследования послужили тексты современных периодических интернет-изданий Испании (El País, El Mundo, El ABC, LA Vanguardia) и данные толкового словаря Испанской Академии (Diccionario Real Academia Española). Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: анализ научной литературы, метод сплошной выборки, метод словарных дефиниций, описательный метод.*

Результаты. *В результате исследования было выявлено, что испанские национальные языки, испытывая влияние факторов язы-*

ковой глобализации и доминирующего на международной арене английского языка, меняют привычную картину мира во всех сферах жизни современного испанского социума. Анализ полученных данных показал, что языковая политика Испании не является достаточно эффективной в рамках актуальных процессов языковой глобализации. Несмотря на активное сопротивление иноязычным заимствованиям и неологизмам иностранного происхождения, испанские институты языковой политики не успевают выработать соответствующие традиционные эквиваленты.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах по лексикологии, лексикографии и языкознанию, а также на практических занятиях по лексикологии испанского языка.

Ключевые слова: глобализация; языковая политика; англицизмы; неологизмы

Для цитирования. Шулятева Э.В. Процессы языковой глобализации в контексте современной языковой политики Испании // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 97-107. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-97-107

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

LINGUISTIC GLOBALIZATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE MODERN SPANISH LANGUAGE POLICY

E. V. Shuliateva

The article examines the phenomenon of globalization and its impact on the language policy of Spain. The processes of neologization underlying the Spanish language policy are analyzed. It is shown how, in the conditions of the dominant role of the English language, the national languages of Spain resist external pressure in the form of Anglicisms.

Purpose. *The purpose of the study is a theoretical and practical study of the influence of factors of linguistic globalization on the official languages of Spain.*

Materials and methods. *The texts of modern periodicals of Spain (El País, El Mundo, El ABC, LA Vanguardia) and the data of the explanatory dictionary of the Spanish Academy (Diccionario Real Academia Española) served as practical material for the study. To achieve the purpose of the study, the following methods were applied: analysis of scientific literature, continuous sampling method, method dictionary definitions, descriptive method.*

Results. *As a result of the study, it was revealed that Spanish national languages, influenced by the factors of linguistic globalization and the English language dominating in the international arena, are changing the familiar picture of the world in all spheres of life of modern Spanish society. The analysis of the data obtained showed that the Spanish language policy is not effective enough in the context of the current processes of linguistic globalization. Despite the active resistance to foreign-language borrowings and neologisms of foreign origin, Spanish language policy institutes do not have time to develop appropriate traditional equivalents.*

Practical implications. *The results of the study can be used in lecture courses on lexicology, lexicography, and linguistics, as well as in practical classes on the lexicology of the Spanish language.*

Keywords: *globalization; language policy; anglicisms; neologisms*

For citation. *Shuliateva E.V. Linguistic Globalization Processes in the Context of the Modern Spanish Language Policy. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 97-107. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-97-107*

Испанский язык (el castellano) является самым распространенным романским языком в мире, а также одним из глобальных языков (наряду с английским и французским языками). Его значимость отмечается на международной арене признанием испанского литературного языка, кино, телевизионных продуктов и музыки в пределах глобализованного рынка.

Испанский язык – один из пяти крупнейших разговорных языков в мире и один из рабочих языков Организации Объединённых Наций. В настоящее время глобализация ускоряет процессы установления контактов между языками. Связь между языками и глобализацией настолько тесна, что в рамках глобализационных процессов современности предлагается новое словосочетание – «глобализация языков». Данный термин означает процесс взаимопроникновения языков в условиях доминирования одного из языков в качестве мирового. Другими словами, под языковой глобализацией понимается активное и повсеместное распространение доминирующих языков, среди которых ведущую роль на мировой арене играет английский язык как средство межэтнического общения.

М.Б. Штегер в своих трудах отмечает следующие компоненты языковой глобализации: сокращение количества языков в мире, миграция и туризм, изучение языков, использование доминирующих языков в сети Интернет. Из этого следует, что языковая глобализация стала неотъемлемой частью любого современного общества [11].

Испанский социум не является исключением. За последние десятилетия все перечисленные выше факторы языковой глобализации значительно повлияли на испанский язык. С ростом популярности социальных сетей и сети Интернет можно наблюдать за внедрением в испанский язык разного рода лексических инноваций, которые оказывают значительное влияние на языковую ситуацию в стране.

У. Лопес Моралес, занимающийся вопросами глобализации испанского языка, утверждает, что процессы глобализации оказывают существенное влияние на весь испаноязычный мир [10]. Любые изменения языковой ситуации фиксируются Испанской Королевской Академией (Real Academia Española), которая придерживается принципа «единства в разнообразии» (*unidad en diversidad*). В соответствии с данным принципом языковая политика Испании ориентируется на решение проблем, касающихся национальных вариантов испанского языка, проникновения и закрепления англицизмов в национальном языке, интерференции зарубежного информационного контента и т. д.

Наряду с позитивными последствиями глобализации, к которым можно отнести возможность изучения иностранных языков и знакомство с различными культурами по самой широкой тематике, отмечается и негативное влияние глобализационных процессов. По мнению У. Эко, опасность глобализации заключается в том, что она подталкивает любой социум к общему мега-языку [9]. Носители языковых меньшинств оставляют свой язык в стороне, прибегая к языковым средствам других языков, заменяя родные лексемы более престижными. Англоязычные заимствования все чаще становятся частью языкового обихода испанцев, что, по оценкам Академии, может в скором времени привести к обеднению испанского языка. Главными же медиаторами англицизмов в национальный язык Испании Королевская Академия считает СМИ и Интернет [12].

«Обсерватория слов», созданная при Академии, содержит информацию о словах, выражениях и их значениях, не зафиксированных в словаре, а также вызывающих трудности в употреблении. В данном банке слов можно найти англицизмы, неологизмы, профессионализмы, регионализмы и научные термины.

Приведем некоторые примеры современных англицизмов, представленных в «Обсерватории слов», но не зафиксированных в словаре Королевской Академии: *hashtag* (*хештег*), *loguear* (*ввести логин*), *spoiler* (*спойлер*), *blockchain* (*блокчейн*), *podcast* (*подкаст*), *webinar* (*вебинар*), *wasapear* (*общаться по мессенджеру «What's up»*), *giglear* (*искать в поисковой системе Google*). Представленные лексемы не являются словарными, однако активно используются и получают большое признание испаноговорящей аудитории.

Рассмотрим использование таких слов в современных испанских СМИ.

1. *Etiquetar hoy una foto con el hashtag 'Me caso con Inés Martín Alcalde' es un plus* (Пометить фотографию хештегом «Я женюсь на Инес Мартин Алькалде» это плюс – *здесь и далее перевод наш – Э.Ш.*) [4].

2. *A continuación, el profesional autónomo deberá **loguearse*** (Затем фрилансер должен зайти в систему) [Там же].

3. *Si un relato se arruina con un simple ‘spoiler’, es muy probable que no merezca la pena, que sea un mero argumento de usar y tirar* (Если рассказ испорчен спойлером, возможно оно того не стоит) [5].

4. *Y Jordi Puiggalí, su vicepresidente, un escéptico de las expectativas creadas en torno a blockchain* (И Хорди Пучгали, его вице-президент, скептически настроен по поводу блокчейна) [Там же].

5. *El chef Pau Gascó, que ha anunciado el cierre de su restaurante en el barrio barcelonés de Sants, es el protagonista del nuevo capítulo del podcast Quédate a comer* (Шеф-повар По Гаско, объявивший о закрытии своего ресторана в барселонском районе Сантс, является главным героем новой главы подкаста «Оставайся поест») [8].

6. *Durante un webinar organizado por EL PAÍS y Agbar, el experto de la firma, especialista en la gestión integral del ciclo del agua y del medio ambiente, indicó que la tecnología permite ofrecer distintas soluciones a un mismo problema* (Во время вебинара организованного изданиями el País и Agbar, эксперт фирмы, специалист по комплексному управлению водным циклом и окружающей средой, указал, что технология позволяет предлагать различные решения одной и той же проблемы) [5].

7. *En cinco años, ‘wasapear’ todo el día estará tan mal visto como fumar en un avión* (Через пять лет общаться по What’s up будет так же неодобрительно, как курить в самолете) [Там же].

Обращаясь к словарю Королевской Академии в поисках дефиниции англицизма, пользователи имеют возможность познакомиться с его испанским эквивалентом, которым можно заменить искомую лексему английского происхождения.

Проведенный анализ позволил нам распределить подобные англицизмы с рекомендуемыми испанскими эквивалентами на следующие категории:

«Спорт»

Coach – рекомендуемый испанский эквивалент entrenador (тренер), footing – correr (бег), ranking – clasificación (рейтинг).

«Кинематограф»

Best seller – superventas (бестселлер), casting – audición para un papel (кастинг), show – espectáculo (шоу), thriller – novela de suspense (триллер), tráiler – avance (трейлер), copyright – derechos de autor (авторские права).

«Еда»

Bol – cuenco (миска), bacon – panceta (бекон), sándwich – emparedado (сэндвич), lunch – comida ligera (ланч).

«Мода»

Jeans – vaqueros (джинсы), esmoquin – traje (костюм), look – apariencia (внешний вид), shorts – pantalones cortos (шорты).

«Род деятельности и профессия»

Mánager – directivo (менеджер), espónsor – patrocinador (спонсор), baby-sitter – niñero (няня), test – prueba (тест).

«Интернет и информационные технологии»

Selfie – autofoto (селфи), blog – bitácora (блог), e-mail – correo electrónico (электронная почта).

«Досуг»

Business class – clase preferente (бизнес-класс), hobby – pasatiempo (хобби), relax – relajamiento (отдых).

Одним из показателей активного использования англицизмов служит международный экзамен DELE (Diploma Español como lengua extranjera), по результатам которого носителям испанского языка выдается сертификат, аккредитующий степень компетентности и владения языком. Институт Сервантеса, которому поручено академическое, административное и экономическое руководство экзаменом, устанавливает эталонные уровни для испанского языка в соответствии с рекомендациями Совета Европы (Consejo de Europa), принимая во внимание общеевропейский стандарт владения иностранным языком (El Marco común europeo de referencia para las lenguas: aprendizaje, enseñanza, evaluación) [6]. Однако в экзаменационных текстах все чаще можно увидеть не только лексемы английского происхождения, зафиксированные в словаре Королевской Академии и разрешенные к употреблению, но и те слова, которые занимают «промежуточное» положение, и пока еще не

зафиксированы в официальном словаре. Использование подобного лингвистического материала обусловлено социальным престижем английского языка и процессами глобализации, описанными выше.

Еще одним продуктом языковой глобализации являются неологизмы. Включение новых слов иностранного происхождения и разработка новых лексем с использованием материала родного языка происходят под влиянием изменений, происходящих в социальном, культурном и научном мире.

У. Лопес Моралес в своих трудах отмечает, что некоторые новые единицы лексикона стандартизируются в языке быстрее [10]. Таким примером служат лексемы какой-либо профессиональной деятельности, так называемые, *tecnolectos* (пер. профессионализмы). С другой стороны, испанский опыт показывает, что во многих случаях судьба некоторых неологизмов непредсказуема, т.к. носители языка с недоверием относятся ко всему новому и неизвестному. Вместе с тем неологизацию можно считать инструментом языковой политики, которая препятствует проникновению и чрезмерному употреблению англицизмов в национальном языке.

Кроме Королевской Академии вопросами неологизации занимается также Университет Помпеу Фабра (Universitat Pompeu Fabra, Barcelona), на базе которого создана «Обсерватория неологизмов» (Observatori de Neologia) [13].

«Обсерватория неологизмов» анализирует процессы появления новых слов и выражений как в испанском, так и в каталонском языке. Члены Обсерватории мониторят ресурсы, которые используются для обогащения словарного запаса испанского и каталонского языков, организуют мероприятия, научные встречи и форумы, посвященные теоретической и описательной неологии.

«Обсерватория неологизмов» реализует множество онлайн-проектов, посвященных неологизации в языке:

1. Neolosfera

Блог, посвященный презентации каталонских неологизмов. Записи о новых лексемах публикуются ежедневно и содержат информацию о типе неологизма, его использование в контексте.

2. Martes Neológico

Блог, посвященный презентации неологизмов на испанском языке из базы Обсерватории. Записи в блоге публикуются еженедельно и содержат грамматическую, семантическую (примеры использования, толкование смысла) и другую информацию (этимологию, частоту использования лексемы, лексикографическую фиксацию).

3. Antenarío

Онлайн-словарь неологизмов испанского языка. В каждой статье демонстрируются возможности использования неологизмов, указано происхождение и страны, в которых было зафиксировано использование неологизмов.

4. Cercador NEOROM

База данных неологизмов сети NEOROM из ежедневной прессы, написанной на всех романских языках, собранных с 2005 г. Данная база содержит неологизмы на каталонском, испанском, галисийском, итальянском, французском и португальском языках.

5. Neologismos de lany

Банк неологизмов испанского и каталонского языков, содержащихся в СМИ с 2004 г.

6. Diccionario de neologismos online

Онлайн-словарь неологизмов на испанском языке. В словаре содержатся неологизмы, зафиксированные с 1989 по 2007 гг.

7. Neologismos de REALITER

Портал, содержащий неологизмы экономической тематики в каталонском, испанском, галисийском, итальянском, французском языках.

Отметим, что в 2022 г. «Обсерватория неологизмов» совместно с Институтом каталонских исследований организовали всенародное голосование, где около 14000 тыс. носителей каталонского языка выбирали неологизм года. Среди всех представленных неологизмов самой популярной стала лексема *birra* (пиво), имеющая все шансы официально войти в словарь каталонского языка (*Diccionario de la llengua catalana*).

Королевская Академия занимается также вопросами внедрения языковых новинок в повседневную речевую практику. В декабре

2021 г. Академия представила обновленную версию словаря, куда вошли неологизмы последних лет. В словаре появились такие лексемы, как *bitc oin* (*биткоин*), *bot* (*бот*), *ciberacoso* (*киберзапугивание*), *ciberdelincuencia* (*киберпреступление*), *criptomonedas* (*комптовалюта*), *geolocalizar* (*геолокация*) [12].

Таким образом, языковая глобализация, под которой мы понимаем активное распространение доминирующего английского языка, меняет привычную картину существования испанского языка во всех социальных сферах.

Испанские национальные языки под гнетом доминирующего языка межнационального общения испытывают некоторые трудности в сохранении своей идентичности, отдавая предпочтение англицизмам и неологизмам иностранного происхождения.

В целом языковую политику испанского государства нельзя считать достаточно эффективной в рамках процессов языковой глобализации. Несмотря на активное сопротивление заимствованиям, иноязычные англицизмы и неологизмы успевают стать частью языкового обихода испанцев до того, как институты языковой политики Испании выработают соответствующие эквиваленты традиционного происхождения.

Список литературы / References

1. Centro Virtual Cervantes. URL: <https://cvc.cervantes.es/portada.htm> (дата обращения: 01.03.2023)
2. Diccionario de Real Academia Espa ola. URL: <https://dle.rae.es> (дата обращения: 25.02.2023)
3. El ABC. Cultura. URL: https://www.abc.es/cultura/abci-siete-anglicismos-irritan-201806030253_noticia.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.abc.es%2Fcultura%2Fabci-siete-anglicismos-irritan-201806030253_noticia.html (дата обращения: 01.03.2023)
4. El Mundo. URL: <https://www.elmundo.es> (дата обращения: 01.03.2023)
5. El Pa s. URL: <https://elpais.com> (дата обращения: 01.03.2023)
6. Instituto Cervantes. Ex amen. URL: <https://exámenes.cervantes.es/es> (дата обращения: 25.02.2023)

7. La Información. URL: <https://www.lainformacion.com/asuntos-sociales/estas-son-ultimas-palabras-rae-incluye-diccionario-espanol/2878619/> (дата обращения: 01.03.2023)
8. La Vanguardia. URL: <https://www.lavanguardia.com> (дата обращения: 01.03.2023)
9. Libertad Digital. URL: <https://www.libertaddigital.com/cultura/2001-06-27/umberto-eco-advierte-del-peligro-que-supone-la-globalizacion-para-las-lenguas-34927/> (дата обращения: 01.03.2023)
10. López Morales H. Sociolingüística. Edição Espanhol, 2004, 424 p.
11. Manfred B. Steger, Globalization: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2017, 184 p.
12. Real Academia Española. URL <https://www.rae.es> (дата обращения: 25.02.2023)
13. Universitat Pompeu Fabra Barcelona (OBNEO). URL: <https://www.upf.edu/web/obneo/projectes-de-recerca> (дата обращения: 01.03.2023)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шулятева Элеонора Вадимовна, ассистент кафедры романской филологии
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
пр-кт им В. Ленина, 27, г. Волгоград, 400005, Российская Федерация
elleshy@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Eleonora V. Shuliateva, Assistant, Department of Romance languages
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27, Lenin prosp., Volgograd, 400005, Russian Federation
elleshy@mail.ru

Поступила 28.04.2023

После рецензирования 11.06.2023

Принята 26.06.2023

Received 28.04.2023

Revised 11.06.2023

Accepted 26.06.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-108-120

УДК 821

Научная статья | Литературы народов мира

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ ПИ» Я. МАРТЕЛА

Н.В. Лаштабова, А.И. Маликов

Данная статья посвящена лингвостилистическому анализу образа Писина Молитора Пателя как центральной составляющей художественного произведения в контексте сюжетного развертывания.

Цель. Выявление лингвостилистических средств создания образа главного героя и определение их роли в создании образа «естественного человека» в романе «Жизнь Пи» Я. Мартела.

В работе используются такие методы исследования, как анализ теоретической литературы по проблеме исследования, метод сплошной выборки, метод лингвостилистического анализа, корпусный анализ текста, сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты. Результаты исследования показали, что при помощи комплекса эксплицитных лингвостилистических средств Я. Мартел создает образ «естественного человека», который во всем полагается на человеческий разум и, пребывая в сложной ситуации, руководствуется здравым смыслом, а не эмоциями и чувствами, и приступает к выполнению первостепенных задач, необходимых для выживания. Кроме того, лингвостилистические средства прямой характеристики, выявленные в мыслях, прямой и внутренней речи, служат для обозначения ведущей роли здравого рассудка и интеллекта в построении образа главного героя как «естественного человека».

Ключевые слова: образ; лингвостилистические средства; естественный человек; робинзоида; Робинзон

Для цитирования. Лаштабова Н.В., Маликов А.И. Лингвостилистические средства создания образа «естественного человека» в романе «Жизнь Пи» Я. Мартела // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 108-120. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-108-120

Original article | Literature of the Peoples of the World

LINGUO-STYLISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE «NATURAL MAN» IN THE NOVEL THE LIFE OF PI BY Y. MARTEL

N.V. Lashtabova, A.I. Malikov

This article is devoted to the linguo-stylistic analysis of the image of Pisin Molitor Patel as a central component of the artwork in the context of plot development.

Purpose. *The identification and analysis of the means of creating the image of the «natural man» in the novel «The Life of Pi» by Y. Martel.*

The work uses such research methods as the analysis of theoretical literature on the problem of research, the method of continuous sampling, the method of linguostylistic analysis, corpus analysis of text, comparative-comparative analysis.

Results: *The results of the study showed that with the help of a set of explicit linguistic and stylistic means Y. Martel creates an image of a “natural man” who relies on human reason in everything and in a difficult situation is guided by common sense rather than emotions and feelings and proceeds to fulfil the primary tasks necessary for survival. In addition, the linguistic and stylistic means of indirect characterisation identified in the thoughts, direct and inner speech serve to indicate the leading role of common sense and intellect in the construction of the protagonist’s image as a “natural man”.*

Keywords: *image; natural man; robinsonade; Robinson*

For citation. *Lashtabova N.V., Malikov A.I. Linguo-Stylistic Means of Creating the Image of the «Natural Man» in the Novel The Life of Pi by*

Y. Martel. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 108-120. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-108-120

Введение

Цель исследования – выявление лингвостилистических средств создания образа главного героя и определение их роли в создании образа «естественного человека» в романе «Жизнь Пи» Я. Мартела.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили роман Я. Мартела «Жизнь Пи». В работе были использованы следующие методы исследования: анализ теоретической литературы по проблеме исследования, метод сплошной выборки, метод лингвостилистического анализа, сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и обсуждение

Фундаментальную роль для анализа произведения играет образ. Согласно позиции А.Н. Николюкина, «образ – всеобщая категория художественного творчества; присущая искусству форма воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов» [4, с. 670]. Это элемент, обладающий рядом свойств, собственной жизнью и содержанием. В одном из аспектов образ можно с уверенностью назвать знаком или способом коммуникации, несущим определенную смысловую нагрузку в контексте какой-либо определенной культуры или родственных культур. Сама же форма образа имеет личностную структуру, то есть образ в какой-то степени это изображение объективной реальности через призму субъективного видения автора.

«Робинзон» – уже не просто герой произведения, а собирательный образ в литературе. Так, по мнению А.А. Елистратовой, «образ Робинзона Крузо стал уже обобщающим символом» человека, вынужденного по определенным обстоятельствам жить вдали от человеческого общества, устраивая жизнь своим разумом и тяжелым

трудом [7, с. 103]. Согласно позиции Т.Г. Чесноковой, образ «робинзона» является концептуально-образной моделью «естественного человека» в литературе эпохи Просвещения. Иными словами – «робинзон» – это человек в «естественном состоянии» [5].

Важно отметить, что в романе Дефо изображен не один «естественный человек». По мнению И.А. Громовой, «порождением природы» в романе является дикарь Пятница, ставший олицетворением природного здравого смысла и здоровых естественных устремлений [6, с. 15].

Обратимся к роману Я. Мартела «Жизнь Пи». Сюжет произведения представлен рассказом человека, пережившего кораблекрушение и скитавшегося по морю в одной шлюпке с тигром в течение 227 дней. История мальчика Пи – это история чудесного спасения из невероятно сложной ситуации. Роман Я. Мартела «Жизнь Пи», удостоенный Букеровской премии, рассматривает обращающую вспять тенденцию к доминированию человека над животными, которая развивается в детской литературе, связанной с кораблекрушением, и уже установившуюся модель доминирования человека во «взрослой робинзонаде». С точки зрения детской литературы, к животным традиционно относились как к равным друзьям, но по мере того, как читатели и главные герои становились старше, близость ослабевала, и перерастала в доминирование одного создания над другим, то есть человека над диким животным. Однако в «Жизнь Пи» парадигма доминирования оправдывается жизненно важной необходимостью – в тех условиях, в которых главный герой оказывается вместе с тигром, только дрессировка может уберечь от оголодавшего тигра: «I started thinking seriously about how I was going to deal with Richard Parker. This forbearance on his part on hot, cloudless days, if that is what it was and not simple laziness, was not good enough. I couldn't always be running away from him» [9]. Аналогичное изменение можно также наблюдать с точки зрения исторического развития повествований о кораблекрушениях: здесь столь же новое отношение эволюционировало от рассмотрения животных как слуг или меньших воплощений людей к обращению с ними как

с равными. Писатели, такие как Я. Мартел, и современные критики, такие как Н. Ротфелс, Р. Маламуд и К. Вулф, поставили под сомнение как утилитарное, так и романтическое историческое отношение к животным, заменив их идеями, основанными на работах Ч. Дарвина. «Жизнь Пи» можно считать произведением, в котором молодой человек, потерпевший кораблекрушение, взрослеет и занимает свое место в мире, в кругу природы, а не на её вершине. Примечательно, что стремление доминировать над животными является основным в ряде рассказов о кораблекрушениях, написанных также для взрослой аудитории. Прародитель «робинзонады» Д. Дефо отражает утилитарный взгляд на доминирование цивилизованного человека над животными и даже над людьми-дикарями. Хотя Робинзон находится в компании животных – две кошки и собака добираются с ним до берега – вряд ли они могут называться его компаньонами. Он никогда не называет их по именам и на самом деле начинает относиться к кошкам как к паразитам после того, как одна из них успешно скрещивается с дикой кошкой. Более того, он убивает её отпрысков. Собака, которую он не считает товарищем по выживанию, вместо этого занесена в каталог вместе с другими счастливыми припасами, которые Крузо удается спасти с места крушения. Животное упоминается как верный слуга в течение шестнадцати лет, которые оно живет на острове, выполняя полезные функции, такие как отпугивание птиц с недавно засеянного поля и ловля заблудившегося козленка из стада диких коз острова.

Выбранный нами роман уже был предметом исследования. Так, В.В. Козлова обращается к проблеме добра и зла, а также исследует проблему одиночества в этом романе [1]. В сравнительно-сопоставительном анализе романов Д. Дефо и Я. Мартела исследователь выявляет следующие переплетающиеся признаки: «окружающая среда (море, океан как воздействующий фактор); религия (надежда на спасения, мольба к высшим силам); физический труд (способ отвлечения от состояния подавленности); коммуникация, которую главные герои обретают по ходу романа; время (длительность пребывания в одиночестве)» [1 с. 75]. Э.Р. Потаева и М.Х. Садулаева

рассматривают проблему восприятия мира главным героем и соотношение с восприятием действительности читателем. Необходимо отметить, что Э.Р. Потаева обращает внимание на легкость и непринужденность повествования несмотря на все трагические и психологические потрясения, которые пережил главный герой книги: «Она не ставит перед читателем каких-то неразрешимых моральных вопросов, она не касается глубоких пластов души, где чтение не всегда порождает приятные мысли» [2, с. 99]. Подчеркивая эпическо-философскую направленность романа Я. Мартела, исследователь приводит цитату из последней главы, которая как бы олицетворяет открытый финал: «В конце произведения автор задает вопрос о том, что же все-таки является правдой. «То, во что верить приятнее...» или «то, во что поверить легче...»?» [Там же, с. 100]. Ю.Ю. Иванов отмечает, что «именно проблемы репрезентации и идентификации являются основополагающими в рассматриваемом романе» [3 с. 110]. Такой спектр проблематики романа, по мнению автора, обусловлен мультикультурностью самого писателя, который является выходцем из Испании, живущем в Канаде, пишущем на английском и говорящем на французском. Отмечая религиозный мир главного героя романа и руководствуясь другими примерами произведений, затрагивающих вопросы веры, исследователь приходит к выводу об изменениях отношения человека к животному, изменениях национальной и религиозной идентичности как признаке современной культурной глобализации [Там же, с. 119].

Роман является в первую очередь изложением событий от лица Пи, содержащим множество мыслей и оценочных суждений. Для выживания в столь непростых условиях мысли героя заняты работой. Важным аспектом, дополняющим образ естественного человека, в романе становится роль труда. Выделяющимся мотивом «робинзонады» становится то, как главный герой находится в изоляции от человеческого общества, руководствуясь человеческим разумом и здравым смыслом, обустроивает себе жизнь своим трудом. Мальчик Пи убедился на собственном опыте, что одной удачи и надежды мало для выживания, в экстремальных условиях нужно

строить свою жизнь самому от начала и до конца: «In my experience, a castaway's worst mistake is to hope too much and do too little» [9]. В рассуждении главного героя с помощью конвергенции эпитета и сравнения подчеркивается мысль о ключевой роли труда в жизни человека, потерпевшего кораблекрушение: «To look out with idle hope is tantamount to dreaming one's life away» [Там же]. Для Пилена сидеть без дела и ждать с надеждой спасения равноценно проспать свою жизнь. Именно эти мысли натолкнули героя Я. Марте́ла на работу, которая обеспечила ему выживание: например, он соорудил плот, служащий временным убежищем и складом, научился собирать дождевую воду с помощью специальных приспособлений, приобрел бесценный опыт рыболовства, который одновременно обеспечивал пищу и его, и огромного бенгальского тигра, с нуля овладел мастерством дрессировки дикого зверя.

Одним из ключевых мотивов «робинзонады», прослеживаемых в романе Я. Марте́ла, является признак, без которого немислима классическая «робинзонада», – наличие узкопрофильных знаний, которые вносят незаменимый вклад в выживание главного героя. Как правило, такая информация представляет собой профессиональные термины и сведения, которые может дать только специалист определенной области, обладающий также насыщенным практическим опытом. Так, у Робинзона это была своеобразная система географических описаний, содержащая термины навигации и мореплавания: «The same day I went on board we set sail, standing away to the northward upon our own coast, with design to stretch over for the African coast when we came about ten or twelve degrees of northern latitude, which, it seems, was the manner of course in those days»; «As for the creature I killed, I took it to be a kind of hawk, its colour and beak resembling it, but it had no talons or claws more than common. Its flesh was carrion, and fit for nothing» [8]. Герой романа Я. Марте́ла также обладает необычайными знаниями и навыками, которые отчасти коррелируют с географическими познаниями Робинзона. Он с юных лет увлекался животными, и весь роман пронизан зоологическими наблюдениями о животном мире. В начале повествования

читателю дается пояснение, что герой провел детство в зоопарке и с ранних лет впитывал знания о животных, которые стали неотъемлемой частью его жизни. Так, с помощью сравнения герой, исходя из личного опыта, проводит необычную параллель между львами и будильником: «My alarm clock during my childhood was a pride of lions» [9]. Далее герой описывает весь свой день, сопровождающийся различными природными элементами. Например, с помощью антропоморфных эпитетов передается доброжелательный взгляд глазастых выдр, громадных бизонов, зевающих орангутанов: «I left for school under the benevolent gaze not only of Mother but also of bright-eyed otters and burly American bison and stretching and yawning orangutans» [Там же]. В связи с такими обстоятельствами детства главного героя роман изобилует знаниями о животном мире: от интересных фактов о видах до целых глав, посвященных природе, животной иерархии и описанию сути процесса дрессировки. В романе Я. Мартела читателю подробно изложены этапы обретения власти над дикими животными для понимания причин и мотивов поступков главного героя во время взаимодействия с тигром. Жизнь Пи является прямым олицетворением обуздания человеком живой природы в экстремальных условиях выживания. Пи использовал свои знания и разум для того, чтобы не только приспособиться к особенностям выживания с тигром в одной лодке, но и взять ситуацию в свои руки и научиться управлять диким кровожадным животным.

Как Робинзона нередко спасали знания географии и строительства, так и героя романа Я. Мартела оберегают глубокие познания в области зоологии. Например, когда Пи моделирует в голове гипотетические ситуации согласно своим планам по выживанию, его «план номер шесть», заключающийся в борьбе с тигром на измор, терпит крах после того, как он вспоминает малоизвестный факт, что сундарбанские тигры могут при необходимости пить и соленую воду: «As for water, have you forgotten that tigers from the Sundarbans are known to drink saline water? Do you really think you can outlast his kidneys?» [Там же].

Вследствие того, что произведение написано в форме повествования от первого лица, основным художественным приемом созда-

ния образа «робинзона» является речь героя, которая представлена как внутренним монологом, так и прямой речью, обращенной к тигру-попутчику.

Внутри этих речей можно встретить богатый арсенал лингвостилистических средств, составляющих основу создания образа «робинзона» как человека в естественном состоянии, полагающегося во всем на свой разум. Например, в тридцать седьмой главе оригинальной книги в обращении героя к тигру присутствует ряд риторических вопросов, служащих для изображения того, как разум героя берет верх над эмоциями и призывает к исполнению необходимых действий в виде избавления от тигра вместо помощи животному «In a few seconds you'll be aboard and we'll be together. Wait a second. Together? We'll be *together*? Have I gone mad?» [Там же]. Также с помощью курсива автор выделил повтор слова «together» для того, чтобы подчеркнуть внезапное понимание абсурда затеи героя. Такое внезапное проявление разума у героя участвует в создании образа «робинзона» как человека разума.

В этом же эпизоде сразу после кораблекрушения автором создается эффект некой иронии и самокритики с помощью сравнения «Truly I was to be the next goat. I had a wet, trembling, half-drowned, heaving and coughing three-year-old adult Bengal tiger in my lifeboat» [Там же]. Главный герой, сравнивая себя с козлом, прямо критикует свои действия. Разум подсказывает ему, что он совершил ошибку, которая может сократить ему жизнь в и без того сложных условиях.

Чуть позже читатель также встречается с рядом средств, показывающих господство разума Пи над человеческими инстинктами и эмоциями. Среди них метафора «if a voice hadn't made itself heard in my heart. The voice said, «I will not die»» [Там же] во внутренней речи героя, выражающая способность разума героя приводить его в чувство и наставлять на единственно верный путь для выживания.

Далее автор придает все больше человеческих черт внутреннему голосу героя, который умеет отчитывать и выговаривать, что мы видим в следующих олицетворениях: «part of my mind--the one that says what we don't want to hear--rebuked me», «The same part of

my mind that had rebuked me over my fishing fiasco scolded me again» [Там же]. Основная функция этих средств – придание разуму героя человеческих черт, что мы также наблюдаем в романе Д. Дефо.

Заключение

В создании образа «естественного человека» участвуют лингвостилистические средства непрямой характеристики. Вследствие особенностей сюжета произведения образ главного героя раскрывается через мысли, внутреннюю и прямую речь, пронизанные множеством средств выразительности языка и стилистических приемов, в основе которых лежит использование семантических, стилистических и других особенностей языковых единиц.

Метафоры и сравнения составляют основу лингвостилистических средств создания образа «естественного человека», полагающегося во всём на свой разум. Ключевую роль играют эпитеты и олицетворения, которые придают голосу разума, звучащему в голове героя, человеческие черты, изображают его как мудрого наставника, который способен наставлять.

Список литературы

1. Козлова В.В. Проблема одиночества в литературе (на примере романов Даниеля Дефо «Робинзон Крузо» и «Жизнь Пи» Янна Мартела) // Филологическое образование и современный мир: XII молодёжная научно-практическая конференция с международным участием, Чита, 30 марта 2016 года. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. С. 73-77.
2. Потаева Э.Р. Проблема восприятия мира в романе Янна Мартела «Жизнь Пи» / Э.Р. Потаева, М.Х. Садулаева // Взгляд современной молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания: Материалы ежегодной межрегиональной студенческой научно-практической конференции, Грозный, 08 апреля 2017 года. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2017. С. 98-100.
3. Иванов Ю.Ю. Проблема идентичности в романе Янна Мартела «Жизнь Пи» // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.А. Добролюбова. 2018. № 42. С. 109-119.

4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
5. Чеснокова Т.Г. Концептуально-образная модель «естественного человека» в литературе эпохи просвещения // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 267-281.
6. Громова И.А. Среда и личность в романах Даниеля Дефо: Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. наук. Н. Новгород, 2005. 26 с.
7. Елистратова А.А. Английский роман эпохи Просвещения / А.А. Елистратова. М.: Наука, 1966. 476 с.
8. Defoe D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/521/pg521-images.html> (дата обращения: 30.04.2023)
9. Martel Y. The Life of Pi. URL: <https://www.onlinereadfreebooks.com/en/Life-of-Pi/1> (дата обращения: 30.04.2023)

References

1. Kozlova V.V. Problema odinochestva v literature (na primere romanov Danielya Defo “Robinzon Kruzo” i “Zhizn’ Pi” Yanna Martela) [The problem of loneliness in literature (by the example of Daniel Defoe’s “Robinson Crusoe” and Yann Martel’s “The Life of Pi”)]. *Filologicheskoe obrazovanie i sovremennyy mir* [Philological Education and the Modern World]. Chita: ZSU Publ., 2016, pp. 73-77.
2. Potaeva E.R. Problema vospriyatiya mira v romane Yanna Martela “Zhizn’ Pi” [The problem of perception of the world in the novel Yann Martel’s “The Life of Pi”]. *Vzglyad sovremennoj molodezhi na aktual’nye problemy gumanitarnogo znaniya* [The View of Modern Youth on the Actual Problems of Humanitarian Knowledge]. Groznyy: ChSU Publ., 2017, pp. 98-100.
3. Ivanov Yu.Yu. Problema identichnosti v romane Yanna Martela “Zhizn’ Pi” [The problem of identity in Yann Martel’s Novel “The Life of Pi”]. *Vestnik Nizhegorodskogo gos. un-ta im. N.A. Dobroljubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N.A. Dobrolyubov], 2018, no. 42, pp. 109-119.

4. Nikol'yukin A.N. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary encyclopaedia of terms and concepts]. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2001, 1600 columns.
5. Chesnokova T.G. Kontseptual'no-obraznaya model' "estestvennogo cheloveka" v literature epokhi prosveshcheniya [Fictional manifestations of the "natural man" concept in the literature of the Enlightenment]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2014, no. 4, pp. 267-281.
6. Gromova I.A. *Sreda i lichnost' v romanakh Danielya Defo* [The environment and personality in Daniel Defoe's novels]. Abstract of PhD dissertation. N. Novgorod, 2005, pp. 15-16.
7. Elistratova A.A. *Angliyskiy roman epokhi Prosveshcheniya* [The English Enlightenment novel]. Moscow: Nauka Publ., 1966, 476 p.
8. Defoe D. *The Life and Adventures of Robinson Crusoe*. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/521/pg521-images.html> (accessed April 30, 2023)
9. Martel Y. *The Life of Pi*. URL: <https://www.onlinereadfreebooks.com/en/Life-of-Pi/1> (accessed April 30, 2023)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Лаштабова Наталия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

просп. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область, 460018, Российская Федерация

lashnata@yandex.ru

Александр Игоревич Маликов, студент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет»

*просп. Победы, 13, г. Оренбург, Оренбургская область,
460018, Российская Федерация
sanches13m@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Lashtabova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology and Methods of Teaching English Department
*Orenburg State University
13, prosp. Pobedy, Orenburg, Orenburg region, 460018, Russian Federation
lashnata@yandex.ru*

Aleksandr I. Malikov, student
*Orenburg State University
13, prosp. Pobedy, Orenburg, Orenburg region, 460018, Russian Federation
sanches13m@gmail.com
SPIN-code: 4827-7805
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-9793-9310>*

Поступила 02.07.2023

После рецензирования 25.07.2023

Принята 30.07.2023

Received 02.07.2023

Revised 25.07.2023

Accepted 30.07.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-121-134
УДК 808.56

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БЕСЕДЕ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КРИТЕРИИ ВЫБОРА

А.Ю. Соколова, В.О. Богданова, М.А. Кононова

Обоснование. *Общение врача и пациента является важным компонентом процесса лечения. Основная задача врача состоит в сборе всей необходимой информации о проблеме пациента и об истории ее возникновения, в выяснении всех обстоятельств сложившейся ситуации и в предложении вариантов действий. Для решения этой задачи необходимо использовать определенные речевые средства, которые должны помочь врачу получить всю информацию и добиться желаемого от пациента. Одним из таких средств, которые и определяют эффективность взаимодействия, являются вопросы.*

Цель *исследования настоящей статьи – провести анализ вопросительных предложений, используемых в диалогах «врач-пациент» на английском языке, определить их коммуникативную нагрузку, выявить наиболее частотные конструкции и описать критерии выбора типов вопросительных предложений.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили скрипты бесед врачей и пациентов на английском языке, представленные в открытых источниках. В процессе исследования была проведена сплошная выборка вопросительных предложений, используемых врачом при беседе с пациентом. Вопросы были разделены на типы согласно их грамматической структуре, определена коммуникативная нагрузка каждого типа. Выделены наиболее и наименее частотные типы вопросов, выявлены возможные основания подобной закономерности.*

Результаты. В статье описываются основные типы вопросов в английском языке с точки зрения их грамматической структуры: общие, специальные, альтернативные и разделительные. Приводятся результаты собственного исследования на материале аудиозаписей и их скриптов бесед врачей разных специальностей и их пациентов на различных этапах процесса лечения. В процессе исследования каждый тип вопросов анализировался в контексте их употребления с целью описания их коммуникативной нагрузки. Подобный подход позволил выявить критерии выбора определенных типов вопросов, которые обусловлены целевыми установками коммуникативной ситуации «врач – пациент».

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в практике преподавания английского языка как медицинского общения, в профессиональной деятельности медицинских работников при общении с пациентами, в теоретических курсах по грамматике английского языка.

Ключевые слова: коммуникация «врач-пациент»; типы вопросительных предложений; целевая установка коммуникации

Для цитирования. Соколова А.Ю., Богданова В.О., Кононова М.А. Вопросительные предложения в беседе врача и пациента на английском языке: критерии выбора // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 121-134. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-121-134

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

INTERROGATIVE SENTENCES IN DOCTOR – PATIENT COMMUNICATION IN ENGLISH: SELECTION CRITERIA

A.Yu. Sokolova, V.O. Bogdanova, M.A. Kononova

Background. Communication between doctor and patient is an important component of the treatment process. The main task of the doctor is to

collect all the necessary information about the patient's problem and the history of its occurrence, to clarify all the circumstances of the situation and to offer options for action. In order to solve this problem, it is necessary to use certain speech means that should help the doctor get all the information and get what they want from the patient. Questions are one of the means that determine the effectiveness of interaction.

Purpose. *The purpose of the study of this article is to analyze the interrogative sentences used in the doctor – patient dialogues in English, to determine their communicative load, to identify the most frequent constructions and to describe the criteria for choosing the types of interrogative sentences.*

Materials and methods. *The material of the study was the scripts of conversations between doctors and patients in English, presented in open sources. In the course of the study, a continuous sample of interrogative sentences used by the doctor was carried out. The questions were divided into types according to their grammatical structure, the communicative load of each type was determined. The most and least frequent types of questions are singled out, possible grounds for such a pattern are identified.*

Results. *The article describes the main types of questions in English in terms of their grammatical structure: general, special, alternative and disjunctive. The results of own research based on the material of audio recordings and their scripts of conversations between doctors of various specialties and their patients at various stages of the treatment process are presented. In the process of research, each type of questions was analyzed in the context of their use in order to describe their communicative load. This approach made it possible to identify criteria for selecting certain types of questions, which are determined by the target settings of the communicative “doctor-patient” situation.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the practice of teaching Medical English, in the professional activities of healthcare professionals when communicating with patients, in theoretical courses on English grammar.*

Keywords: *doctor – patient communication; types of interrogative sentences; purpose of communication*

For citation. Sokolova A.Yu., Bogdanova V.O., Kononova M.A. *Interrogative Sentences in Doctor – Patient Communication in English: Selection Criteria. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 121-134. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-121-134

Введение

Общение врача и пациента является важным компонентом процесса лечения. От того, насколько эффективно осуществляется коммуникация между врачом и пациентом, зависит успех всего процесса. Основная задача врача состоит в сборе всей необходимой информации о проблеме пациента и истории ее возникновения, выяснении всех обстоятельств сложившейся ситуации и предложении вариантов действий [7]. Для решения этой задачи необходимо использовать определенные речевые средства, которые должны помочь врачу получить всю информацию и добиться желаемого от пациента. Одним из таких средств, которые и определяют эффективность взаимодействия, являются вопросы.

Цель исследования – провести анализ вопросительных предложений, используемых в диалогах «врач-пациент» на разных этапах процесса лечения, определить их коммуникативную нагрузку, выявить наиболее частотные конструкции и описать критерии выбора типов вопросительных предложений.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили скрипты бесед врачей и пациентов, представленные в открытых источниках [8; 10; 11; 13; 15]. В процессе исследования была проведена сплошная выборка вопросительных предложений, используемых врачом при беседе с пациентом. Вопросы были разделены на типы согласно их грамматической структуре, определена коммуникативная нагрузка каждого типа. Выделены наиболее и наименее частотные типы вопросов, выявлены возможные основания подобной закономерности.

Результаты и обсуждение

Вопросы, задаваемые врачом, предназначены для получения информации от пациентов. В некоторых ситуациях до постановки вопросов врач уже имеет некие сведения о пациенте и его проблеме и с определенной степенью уверенности сделал предположения о диагнозе [9; 14]. Информация, которую врач хочет получить от пациента, может иметь разный объем: от односложного ответа до полного описания [12]. Выбор типа вопроса, таким образом, всегда мотивирован целевыми установками взаимодействия врача и пациента в каждой конкретной ситуации [1]. Рассмотрим, какие с лингвистической точки зрения типы вопросов используются в различных коммуникативных ситуациях при взаимодействии врача и пациента, и какую целевую нагрузку они несут.

Как известно, с синтаксической точки зрения в английском языке выделяют следующие типы вопросов [4; 6].

1. Общие
2. Специальные
3. Альтернативные
4. Разделительные.

Общими называют вопросы, которые требуют от слушателя ответа «да» или «нет». Они начинаются со вспомогательного глагола. Исследование показало, что во врачебной коммуникации такие вопросы составляют около 39% от основного числа представленных типов вопросов.

Например:

Do they come on at any particular time?

Have you ever been in hospital?

Are you still having your periods regularly?

В английском языке этот тип вопросов часто используется врачом для выражения просьбы. При этом вопрос перестает нести вопросительную нагрузку, так как врач ожидает от пациента не ответа, а выполнения действий. Количество таковых составляет около 19%:

Would you like to get onto the couch and lie on your face?

Would you like to lie down here on the couch, on your back?

Could you come and stand over here and I'll measure you?

Коммуникативная нагрузка общих вопросов заключается в наличии возможного предположения, которое представлено как неопределенное [3]. Общие вопросы подразумевают наличие неких знаний у врача о пациенте. Врач неявно утверждает, что знает, что одно из двух альтернативных утверждений, несовместимых друг с другом, будет иметь место (да или нет). Общие вопросы в целом не способствуют тому, чтобы пациент начал более подробный рассказ о том, его волнует. Такие вопросы называются закрытыми.

Еще более не располагающими к продолжению беседы являются альтернативные вопросы. Альтернативный тип вопросов – это вопросы, которые строятся на основе общих с включением разделительного союза *or*. Говорящий ставит собеседника перед ограниченным выбором только из указанных вариантов ответов. Этот тип вопросов используется очень редко. Их количество составляет 2%. Такого рода вопросы требуют, чтобы собеседник ответил одним из ограниченного ряда вариантов:

Is the temperature there all the time or does it come on at any particular time?

Is it summer or winter?

Эти вопросы подразумевают, что у врача уже имеются достаточно точное представление о проблеме, и он только уточняет отдельные моменты. Как показало исследование, такие вопросы используются исключительно для оценки психологического (когнитивного) статуса пациента.

Необходимо добавить, что достаточно часто в беседе врача и пациента имеет место такое явление, как эллипсис [2; 5]. Опущение грамматических элементов предложения – подлежащего и сказуемого – не только позволяет сэкономить время врача, но и значительно увеличивает акцент на смысловую часть вопроса:

Any problems with your waterworks?

Any pain in the chest, any palpitation, swelling of the ankles?

Not even seeing lights or black spots?

What about coughs or wheezing or shortness of breath?

Сокращение грамматической структуры предложения, на наш взгляд, способствует как смещению внимания пациента на суть

вопроса, так и еще большему акцентированию конкретного варианта ответа, что способствует подтверждению или опровержению предположения врача.

Подобную коммуникативную нагрузку выполняет и инверсия в общем вопросе, при которой основная смысловая информация помещается на первое место в предложении:

With the right eye can you see anything?

In this house, have you been here long?

Специальные вопросы составляют 36% от общего числа представленных типов вопросов, например:

What about your weight?

When did this start?

How does that feel?

Специальные вопросы – вопросы, которые задаются говорящим с целью уточнения, конкретизации информации. Вопросительные слова *who, how, where, why, when* и др. позволяют более четко сформулировать запрос и получить раскрытый, полный ответ. Коммуникативная нагрузка таких вопросов заключается в определении и конкретизации сведений врачом, которые ему необходимо знать о проблеме пациента: суть явления, причина, место, время. Специальные вопросы не подразумевают наличие у врача неких предположений о состоянии пациента, имеется лишь базовая информация. При использовании данного типа вопроса врач нацелен получить полную информацию, при этом у пациента нет ограничений в выборе вариантов ответов.

Специальные вопросы могут быть открытыми и конкретными. Открытые вопросы задаются говорящим с целью получения развернутого ответа, описания какой-либо ситуации более подробно:

What did you do when it happened?

What's brought you along today?

How do you feel in yourself?

Конкретный же вопрос требует указания определенного факта. В отличие от общего вопроса от собеседника ожидается не односложный ответ «да/нет», а добавление конкретной более развернутой информации, объем которой ограничен:

When did this start?

How long did it last?

When did you first notice this pain?

Разделительными вопросами называют такие вопросы,

Разделительные вопросы, которые представляют собой утвердительное или отрицательное предложение, дополненное кратким вопросом, составляют, по данным исследования, 4%. Коммуникативная функция разделительных вопросов выявляется в их построении [5]. Так, утверждение в сочетании с отрицанием в вопросительной части указывает на то, что говорящий (врач) считает свое предположение истинным и просто запрашивает согласие пациента. Отрицание в основной части предложения в сочетании с положительной вопросительной частью демонстрирует уверенность говорящего в том, что его слушатель согласен с высказанным мнением, и говорящий просто ждёт подтверждения:

You're sticking that hip out a little bit, aren't you?

Not very far, is it?

That's all very quick, isn't it?

But it feels as though it was January, doesn't it?

It'll be Wednesday, isn't it?

That was quite easy, wasn't it?

В любом случае использование разделительного вопроса предполагает наличие уверенности врача в своем предположении и попытку получить согласие или подтверждение пациента. Если врач точно уверен, что пациент подтвердит правильность высказывания, вопросительный хвостик произносится с падающей интонацией. Если степень уверенности чуть ниже, то используется повышающаяся интонация.

К разделительным вопросам, очевидно, можно приравнять и немногочисленные повествовательные предложения, используемые в качестве вопросов. Они могут быть утвердительными и отрицательными:

And they haven't made you feel sick at all?

So they're bad enough to keep you awake?

В отдельную группу необходимо выделить косвенные вопросы. Первая часть подобных косвенных вопросов выражена общим вопросом, функция которого – просьба. При этом сами вопросительные части могут быть специальными:

Can you remember when it first came on?

Can you tell me what seems to be the problem today?

Can you show me exactly where it is?

Could you tell me how long the left eye has been bad for?

Do you remember where this is?

Why do you think the baby's small?

или общими:

Can you tell me have you any trouble with your stomach or bowels?

Просьба в подобных вопросах делает любой тип вопросов открытыми: пациент не может дать краткий ответ да или нет, или просто ответить одним словом.

Заключение

Исследование показало, что наиболее часто врач использует общий тип вопросов (58% от всего числа зафиксированных вопросов, 39% из которых составляют запросы информации, а 19% выражают какую-либо просьбу). Таким образом, врач пытается получить основную информацию, убедиться в правильности своих уже имеющихся суждений/предположений или, в случае проведения каких-либо манипуляций, ожидает от пациента выполнения действий. Данный тип вопроса не предполагает развернутого ответа. Он ограничивает пациента предъявлением только строго запрашиваемой информации. При отсутствии предположений для получения более подробной информации, неограниченной по объему и содержанию, что необходимо, например, для постановки диагноза, доктор может использовать специальный тип вопросов, который составляет 36% от общего числа вопросов. В ситуациях уверенности врача в своих предположениях и желании убедить пациента (получить его согласие или подтверждение) используются разделительные вопросы. Как показала статистика, в беседе врача и пациента такие вопросы

используются редко – всего 4%. Реже всех представлено использование альтернативных вопросов, вопросов с ограниченным выбором, количество которых составило 2%.

Выбор типа вопроса, как показало исследование, обусловлен целевыми установками коммуникативной ситуации «врач – пациент» (Табл. 1).

Таблица 1.

Критерии выбора типа вопроса

Целевая установка		Типы вопросов
Предположения врача о диагнозе (состоянии) пациента	наличие	общий
	отсутствие	специальный
Уверенность врача в своих предположениях	уверенность	общий альтернативный разделительный
	неуверенность	специальный
Объем требуемой информации	четкий однозначный ответ пациента	общий альтернативный
	не ограниченный по объему информации развернутый ответ	специальный косвенный вопрос
Выражение просьбы		общий вопрос
Необходимость получить согласие пациента		альтернативный

Список литературы

1. Бондаренко И.В. Коммуникативно-прагматические особенности вопросительных предложений в английском политическом выступлении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4(78). С. 70-73.
2. Соколова А.Ю. Нефинитная парадигма английского глагола: диахроническое исследование в проспективной грамматике. Ставрополь: Центр научного знания «Логос», 2018. 164 с.
3. Соколова А.Ю. Основные принципы функционально-стилистического диахронического исследования // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 117-119.
4. Соколова А.Ю. Изменчивость языка: факторы, влияющие на развитие грамматического строя // Вестник Московского государственного университета лингвистики. 2018. № 1(10). С. 10-14.

- ного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 24-31. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-24-31>
5. Соколова А.Ю. К определению предикативности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 3. С. 109-111.
 6. Стрельцов А.А. О типах вопросительных предложений // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 38-51. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2016.3.4>
 7. Boyd E., Heritage, J. Taking the history: Questioning during comprehensive history-taking // *Communication in Medical Care: Interaction between Primary Care Physicians and Patients*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 151-184.
 8. Critical conversations in healthcare: scripts & techniques. URL: <https://www.worldcat.org/title/critical-conversations-in-healthcare-scripts-techniques-for-effective-interprofessional-patient-communication/oclc/1088737648> (дата обращения: 21.03.2021).
 9. Deppermann A., Spranz-Fogasy Th. Doctors' questions as displays of understanding // *Communication and Medicine*, 2011, vol. 8(2), pp. 111-122. <https://doi.org/10.1558/cam.v8i2.111>
 10. Glendinning E.H., Holmstrom B. *English in Medicine: A Course in Communication Skills*. Cambridge University Press, 148 p.
 11. Gross P., Baumgart D.C. *Sprachkurs Medical English*. Georg Thieme Verlag KG, Stuttgart, 2006, 216 p.
 12. Hutchby I. Active listening: Formulations and the elicitation of feelings-talk in child counselling // *Research on Language and Social Interaction*, 2005, no. 38(3), pp. 303-329. https://doi.org/10.1207/s15327973rlsi3803_4
 13. Mccarter S. *Oxford English for Careers: Medicine*. Oxford University Press, 148 p.
 14. Raymond G. Grammar and social organization: yes/no interrogatives and the structure of responding // *American Sociological Review*, 2003, no. 68(6), pp. 939-967. <https://doi.org/10.2307/1519752>
 15. Ribes R., Ros P.R. *Medical English*. Springer, 2013, 200 p.

References

1. Bondarenko I.V. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti voprositel'nyh predlozhenij v anglijskom politicheskom vystuplenii [Communicative and pragmatic features of interrogative sentences in English political speech]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 2017, no. 12-4(78), pp. 70-73.
2. Sokolova, A. Yu. *Nefinitnaya paradigma anglijskogo glagola: diahronicheskoe issledovanie v prospektivnoj grammatike* [The non-finite paradigm of the English verb: a diachronic study in prospective grammar]. Stavropol: Centr nauchnogo znaniya "Logos", 2018, 164 p.
3. Sokolova A. Yu. Osnovnye principy funkcional'no-stilisticheskogo diahronicheskogo issledovaniya [Basic principles of functional-stylistic diachronic research]. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanities Journal], 2018, vol. 7, no. 4(25), pp. 117-119.
4. Sokolova A. Yu. Izmenchivost' yazyka: faktory, vliyayushchie na razvitie grammaticheskogo stroya [Language changes: factors influencing the development of the grammatical structure]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 24-31. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-24-31>
5. Sokolova A. Yu. K opredeleniyu predikativnosti [On the definition of predicativity]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta Bulletin of the Moscow State Regional University* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University], 2010, no. 3, pp. 109-111.
6. Strelcov A.A. O tipah voprositel'nyh predlozhenij [On the types of interrogative sentences]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznanija i pedagogiki* [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Problems of linguistics and pedagogy], 2016, no. 3., pp. 38-51. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2016.3.4>
7. Boyd E., Heritage, J. Taking the history: Questioning during comprehensive history-taking. *Communication in Medical Care: Interaction*

- between Primary Care Physicians and Patients*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006, pp. 151-184.
8. *Critical conversations in healthcare: scripts & techniques*. URL: <https://www.worldcat.org/title/critical-conversations-in-healthcare-scripts-techniques-for-effective-interprofessional-patient-communication/oclc/1088737648> (accessed March 21, 2021).
 9. Deppermann A., Spranz-Fogasy Th. Doctors' questions as displays of understanding. *Communication and Medicine*, 2011, vol. 8(2), pp. 111-122. DOI: 10.1558/cam.v8i2.111.
 10. Glendinning E.H., Holmstrom B. *English in Medicine: A Course in Communication Skills*. Cambridge University Press, 148 p.
 11. Gross P., Baumgart D.C. *Sprachkurs Medical English*. Georg Thieme Verlag KG, Stuttgart, 2006, 216 p.
 12. Hutchby I. Active listening: Formulations and the elicitation of feelings-talk in child counselling. *Research on Language and Social Interaction*, 2005, no. 38(3), pp. 303-329. https://doi.org/10.1207/s15327973rlsi3803_4
 13. Mccarter S. *Oxford English for Careers: Medicine*. Oxford University Press, 148 p.
 14. Raymond G. Grammar and social organization: yes/no interrogatives and the structure of responding. *American Sociological Review*, 2003, no. 68(6), pp. 939-967. DOI: 10.2307/1519752.
 15. Ribes R., Ros P.R. *Medical English*. Springer, 2013, 200 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Соколова Алина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и латинского языков *Тверской государственной медицинской университет ул. Советская, 4, г. Тверь, Тверская область, 170100, Российская Федерация*
alinasokolova.tver@yandex.ru

Богданова Виктория Олеговна, студентка 3 курса лечебного факультета

*Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, Тверская область, 170100, Россий-
ская Федерация
viktoriabogdanova2003@gmail.com*

Кононова Мария Андреевна, студентка 3 курса лечебного фа-
культета
*Тверской государственной медицинской университет
ул. Советская, 4, г. Тверь, Тверская область, 170100, Россий-
ская Федерация
Mashakononova46@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Alina Yu. Sokolova, Doctor of philological sciences, associate profes-
sor, professor of the Department of Foreign and Latin Languages
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, Tver Region, 170100, Russian Federation
alinasokolova.tver@yandex.ru
SPIN-code: 5761-8540
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5981-2386>
ResearcherID: G-6330-2019*

Viktorina O. Bogdanova, 3rd year medical student
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, Tver Region, 170100, Russian Federation
viktoriabogdanova2003@gmail.com*

Maria A. Kononova, 3rd year medical student
*Tver State Medical University
4, Sovetskaya Str., Tver, Tver Region, 170100, Russian Federation
Mashakononova46@gmail.com*

Поступила 05.07.2023

После рецензирования 02.08.2023

Принята 10.08.2023

Received 05.07.2023

Revised 02.08.2023

Accepted 10.08.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154
УДК 81.42

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

КОГЕЗИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.В. Глазков

Обоснование. Контекст является существенным инструментом связи предложений в тексте. Формализация контекстных отношений хорошо описана для когезии. Роль когерентности в контекстных отношениях описана менее подробно. Однако оба вида связности участвуют в формировании контекстных отношений, а поэтому требуется разработать систему анализа контекста, в котором были бы учтены обе категории текстуальности. Поскольку в прагматике существуют разные подходы к изучению контекста, в работе приведен краткий анализ минималистского и контекстуалистского подходов. Показано, что контекстуалистский подход в большей степени может быть применен в анализе текста.

Цель. Определить специфику когезивных и когерентных связей между предложениями, связанными контекстными отношениями.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили фрагменты художественных и нехудожественных текстов, в которых отчетливо проявляются контекстные отношения между предложениями. Использованы методы дискурс-анализа, классификации.

Результаты. Контекстные отношения определены как отношения между базой контекста и контекстом. Базой контекста являются контекстно чувствительные выражения и фрагменты предложения, получающие контекстную чувствительность в определенных условиях. Выбранные тексты иллюстрируют, что контекстные отношения проявляются с большей или меньшей силой в зависимости от большей или меньшей контекстной чувствительности базы контекста. Выявлена закономерность, что при боль-

шей контекстной чувствительности когезивные отношения требуют подтверждения связности когерентными отношениями. При меньшей контекстной чувствительности когерентные отношения формируют когезивные отношения.

Ключевые слова: контекст; когезия; когерентность; текст; дискурс; прагматика

Для цитирования. Глазков А.В. Когезия и когерентность в контекстных отношениях // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 135-154. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

COHESION AND COHERENCE IN THE CONTEXT RELATIONS

A.V. Glazkov

Background. Context is the essential tool to connect the sentences in the text. The formalization of the context relations has been well considered for cohesion. However, the role of coherence in the context relations requires its studying. Since both kinds of the linkage participate in the forming the context relations there is a need to develop a system of analysis of context which considers both categories of textuality. There is in pragmatics different approaches to examine contexts. In the article is given a short analysis of the minimalists and contextualists approaches. It is shown that contextualists approach fits more for the text analysis.

Materials and methods. The research material comprises fragments of fiction and non-fiction texts containing clearly manifested context relations. Methods used – discourse analysis, classification.

Purpose. To establish specificity of the cohesive and coherence connections between the sentences linked by means of the context relations.

Results. Contextual relations are defined as relations between base of the context and the context. Base of context are context sensitive ex-

pressions and parts of sentence obtained context sensitivity in some conditions. The selected texts illustrate that context relations are manifested to a greater or lesser extent depending on context sensitivity of the base of context. A pattern has been revealed that the importance of coherence increases as the level of the context sensitivity while reducing the level of the context sensitivity or vice versa.

Keywords: *context; cohesion; coherence; discourse; text; pragmatics*

For citation. *Glazkov A. V. Cohesion and Coherence in the Context Relations. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 135-154. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-135-154*

Введение

Актуальность. Категория контекста, являясь одной из ключевых в семантике, прагматике, теории дискурса, анализе текста, позволяет анализировать языковой материал с разных сторон, так как сам контекст понимается по-разному. К тексту приложимо понимание контекста, с одной стороны, как внешних обстоятельств, необходимых для понимания текста [9, с. 117], а с другой – как системы внутри-текстовых отношений, необходимых для обеспечения однозначности входящих в текст предложений. Оба аспекта изучения контекста принадлежат к числу активно изучаемых в лингвистике. Второй требует выделения контекстно чувствительных языковых выражений (слов, сочетаний слов), вступающих в особые контекстные отношения. С этой стороны контекст изучается в современной прагматике [2]. Анализ внутренних контекстов укладывается в описание текста в терминах базовых категорий текстуальности – когезии и когерентности, что и представлено в настоящем исследовании.

Цель. Определить значимость категорий когезии и когерентности в формировании контекстных отношений внутри текста.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования выбраны фрагменты текстов, в которых контрастно представлены контекстно чувствительные элементы. Выбор обу-

словлен тем, что контекстные отношения (в отличие от когезивных и когерентных) не являются глобальными, то есть свойственными любому компоненту текста. Для исследования выбраны методы дискурсивного анализа, позволяющего установить семантические и прагматические отношения между предложениями, а также метод классификации, позволяющий установить таксономию контекстно чувствительных выражений.

Результаты и обсуждение

Понятие контекста в прагматике является одним из ключевых. С самого своего зарождения, с теории импликатур П. Грайса, значение рассматривалось в зависимости от контекстных условий, от внешнего окружения высказывания. Утверждая подавляемость (*cancelable*) разговорной импликатуры, Грайс писал, что она может быть подавлена, если найдется такой контекст (или внешние обстоятельства), а которых не будет основания для имплицирования некоторого значения [13, р. 44]. Большое внимание контексту было уделено и в теории релевантности, создатели которой Д. Спербер и Д. Уилсон характеризовали контекст как психологическую категорию, представляющую собой множество всех предпосылок слушающего, использующихся им для понимания высказывания [19, р. 15]. Д. Спербер и Д. Уилсон вообще позиционируют свою теорию в разрезе психологии, хотя ее нельзя рассматривать вне лингвистики, теории коммуникации, то есть тех дисциплин, без которых прагматика просто немыслима. В частности, контекст они рассматривают как общую очевидность (*mutual manifestness*) и как когнитивное окружение, состоящее из множества очевидных фактов – таких, которые могут быть ментально представлены слушающим и которые он рассматривает как истинные или могущие быть истинными [18, р. 699]. Из этого следует, что речь идет не только и не столько о психологической, сколько о когнитивной категории. Психологическая она лишь в том, что множество фактов, о которых идет речь, находится в сознании человека.

Важным моментом, который сформировал прагматическое представление о контексте, стало выделение так называемых контекст-

но зависимых выражений. Д. Каплан был одним из первых, кто поставил проблему контекста во главу угла прагматических исследований. Он противопоставил категории демонстративов (в большинстве своем указательных местоимений), которые требуют непосредственного указания на референта, и индексикалов, которые требуют контекста для референции. Функцию из контекста в контент он определил понятием «характер», где контекст – это множество из возможного мира, говорящего, времени и места [10, p. 114]. Из этого следует, что индексикалы обладают контекстно чувствительным (context-sensitive) характером в отличие от неиндексикалов (например, имен), которые имеют фиксированный характер [14, p. 506].

Категория контекста оказалась настолько существенной в прагматике, что разделила исследователей на минималистов и контекстуалистов.

Сторонники минималистского подхода утверждают, что у каждого предложения существует общее, глубинное, минимальное значение, которое и составляет суть его семантики (см.: [12, p. 122]). Это значение в большинстве случаев не зависит от контекста. Например, возьмем два предложения.

(1) Игорь готов.

(2) Игорь готов.

Пусть для (1) существует контекст «сдавать экзамен», а для (2) контекст «идти на вечеринку». Согласно минималистской точке зрения, в обоих случаях выражена одна и та же пропозиция. Доказательством этому является тест Inter-Contextual Disquotational Indirect Report test (ICD), состоящий в том, чтобы включить тестируемое предложение в предложение с прямой речью [11, p. 105]. Если пропозиция сохранит свое значение, это значит, что контекст на значение предложения не влияет.

(3) Джейн говорит, что Игорь готов.

Для обоих предложений значение предложения не меняется, поэтому в обоих предложениях выражена одна и та же пропозиция, а контекст на их значение никак не повлияет.

Совсем иначе дело обстоит для предложения, например, с личным местоимением.

(4) Я готова (слова Джейн).

Проверка этого предложения приведет к иному результату.

(5) Джейн говорит, что я готова.

Значение предложения (4) отличается от значения придаточной части предложения (5), а поэтому оно содержит контекстно чувствительный компонент, его значение определяется контекстом. Тогда контекстная чувствительность характеризует лишь небольшое количество высказываний и обязательно обусловлена грамматическими отношениями между высказываниями (см. [11: с. 144]).

Контекстуалистский подход, который резко противопоставлен минималистскому, более широко рассматривает семантическую неполноту высказывания и поэтому требует большего участия контекста в формировании значения высказывания. Ф. Реканати, самый яркий представитель контекстуализма в прагматике (которому принадлежит и введение в обиход термина «минимализм»), рассматривает процесс семантического наполнения (saturation) местоимений как восходящий (bottom-up), поскольку он инспирирован самой природой местоимения, и противопоставляет ему «свободные прагматические процессы», являющиеся нисходящими (top-down) [17]. Речь идет о таких высказываниях (предложениях), которые не имеют в своем составе контекстно зависимых выражений (типа анафорических или катафорических местоимений), однозначно требующих контекста для наполнения, но либо содержат компоненты, изменяющие свое значение в условиях данного предложения (метафоры, метонимии – этот процесс Реканати называет модуляцией), либо обнаруживают компоненты значения, не имеющие под собой определенных языковых выражений (например, при незаполненных актантных или, чаще, сирконстантных валентностях) – их Дж. Перри назвал «нев्यраженными составляющими» (точнее, это «неартикулированные составляющие» (unarticulated constituents) [16], однако буквальный перевод термина ассоциировался бы в русском языке с фонетическим аспектом изучения языка, поэтому мы пред-

почитаем использовать слово «невывраженные»). Так, в примерах (1) и (2) автором уже должно быть заложено то значение, которое он намерен передать (готов к экзамену или готов к вечеринке), а контекст в данном случае выполняет роль индикатора, вскрывающего, но не формирующего данное значение. Точно так же будет обстоять дело со следующими примерами.

- (6) Кьяра высокая.
- (7) Ты не умрешь.
- (8) Боб не позавтракал.

Минималистский подход в каждом из этих случаев увидит одно-единственное минимальное буквальное значение. Например, чтобы построить предложение типа «*X* высокий», по мнению минималиста, должна быть выполнена одна из опций: либо предмет должен входить в некоторый сравнительный класс, которому свойственна «высокость»; либо это должен быть по умолчанию высокий предмет (например, его высота закреплена в культуре); либо в некоторой ситуации во время *t* этот объект выше других; либо этот объект выше некоей средней отметки, за которой он является высоким [11, р. 171]. При этом каждый из этих вариантов выражает идею «высокости», которая и позволит в любом предложении типа «*X* высокий» увидеть одно глубинное значение. Дж. МакФарлейн, критикующий минимализм, упрекает минималистов в увлечении метафизикой (о чем пишут и сами Г. Каппелен и Э. Лепор), и говорит, что решение вопроса о значении высказывания должно иметь не философский, а лингвистический, семантический характер [15, р. 245].

С точки зрения контекстуалиста каждое из предложений (6–8) содержит контекстно чувствительные компоненты и истинно лишь в тех случаях, когда контекст соответствует заложенному в предложение значению, что показано в следующих примерах – в скобках эксплицированы невыраженные составляющие.

- (9) Кьяра высокая (для своих лет).
- (10) Ты не умрешь (от этой ранки).
- (11) Боб не позавтракал (сегодня).

Изменение контекстов показало бы, что предложения имеют другие значения. Выраженная в предложении (9) пропозиция истинна только в случае, если речь идет о маленькой растущей девочке, и ложна, если речь идет о баскетболистке. Контекст, таким образом, нужен не для того, чтобы создать значение, а чтобы маркировать выбор.

Это видно на примере предложения *Кьяра высокая*, в котором содержится оценочное слово. Что же будет, если мы возьмем предложение (12)?

(12) Кьяра была в красном платье.

Цветовое прилагательное *красный* ведет себя совершенно иначе, чем прилагательное *высокий*. Если можно поставить вопрос, почему некто считает Кьяру высокой, то вопрос, почему некто считает платье Кьяры красным, оказывается довольно сомнительным и будет более или менее оправданным, если цвет платья имеет некоторый оттенок, за счет чего его можно было бы назвать бордовым или алым. Но это совершенно другая, ономастическая проблема. В конце концов, Кьяра могла быть не в платье, а в сарафане. Тем самым, мы утверждаем, что контекстная чувствительность у языковых выражений может быть различной и представляет собой шкалу. С.М. Колесникова определила градуирование как «выражение мерительного отношения говорящего к предмету речи лексико-фразеологическими, словообразовательными, морфологическими и синтаксическими средствами» [7, с. 25]. В данном случае градуированы способы выражения контекстно зависимого компонента.

В качестве подтверждения можно взять еще один пример.

(13) Кьяра была в платье странного цвета.

Информативность этого предложения гораздо ниже за счет оценочности прилагательного, причем оценка носит субъективный характер, а экстенционал прилагательного очень размыт. Решением вопроса о том, какого же цвета было платье Кьяры, может быть исключительно контекст, причем цвет не должен быть обычным, тривиальным, то есть было бы неверным употребить прилагательное «странный», если платье красное.

Таким образом, можно сказать, что контекстная чувствительность – это градуированная категория, которая свойственна любому высказыванию, но ее степень колеблется от четко выраженной при наличии контекстно зависимых выражений (например, индексикалов) до невыраженной, если значение предложения определяется единственным образом. Как пишет В.И. Заботкина, «контекст рассматривается прежде всего как фрейм, который накладывает ограничения на содержание языковых единиц» [5, с. 72]. Очевидно, что наложить ограничения можно только на такую единицу, у которой есть на что накладывать ограничения. Иными словами, такая единица должна иметь больше одного значения, а это возможно лишь при контекстуалистском подходе. На наш взгляд, позиция контекстуализма для решения практических вопросов оказывается куда как более приемлема, чем позиция минимализма. А если мы учтем, что в настоящей работе контекст мы рассматриваем как один из инструментов текстуальности, эта позиция окажется оптимальной.

Переводя фокус исследования в область текста, заметим, что между прагматикой высказывания и анализом текста есть одно существенное отличие: классическая прагматика была полностью построена на искусственно созданных высказываниях и на придуманных контекстах, в то время как предложение в тексте существует в заданном окружении, а поэтому исследователь текста должен учитывать лишь тот контекст, который задан. Это ни в коей мере не обвинение классической прагматике, это констатация специфики прагматического анализа. Кроме этого, изолированное высказывание или короткий диалог в качестве контекста подразумевают наличие внешнего окружения или обстоятельств, а не других языковых выражений, как это есть в тексте.

Анализ контекста внутри текста подразумевает учет категорий текстуальности, из которых базовыми следует признать категории когезии и когерентности. Под когезией традиционно понимается связность предложений текста с помощью неспецифических лексических и грамматических средств (обзор подходов к изучению когезии (см. [1]). Мы говорим об их неспецифичности, так как не

существует специальных средств, которые бы обслуживали исключительно связность текста. Под когерентностью обычно понимают категорию, характеризующую текст как цельное высказывание, при этом исследователи либо приписывают когерентность всему тексту или дискурсу [6; 8], либо обнаруживают когерентные связи и между отдельными предложениями [4]. Подробнее о проблеме когерентности см. нашу статью [3, с. 185-187]. Мы рассматриваем когерентность как категорию, отражающую непротиворечивость (консистентность) дискурса, а поэтому приложимую как к цепочке предложений текста, так и целому тексту. Таким образом, когезия и когерентность трактуются нами как две разные категории текстуальности, одна из которых опирается на выраженные компоненты предложения, а поэтому является семантической (точнее, лексико-семантической и грамматико-семантической), а вторая на значения, в том числе не выраженные компоненты значения, а поэтому является прагматической.

Из сказанного следует, что когезивные и когерентные отношения в тексте вполне могут быть рассмотрены в рамках контекстных отношений, хотя, как мы покажем ниже, не покрывают их, а поэтому противопоставление контекстуализма и минимализма имеет не столько теоретическое, сколько методологическое значение. Минималистская позиция при изучении связей между предложениями приведет к тому, что контекстная связность коснется только тех случаев, когда одно из предложений содержит контекстно чувствительные элементы (прежде всего, местоимения – если говорить о тексте, то в подавляющем большинстве эндофорические), а следовательно, ограничит исследователя рассмотрением когезии. Напротив, контекстуалистский подход позволит выделить большее количество контекстно чувствительных элементов, а поэтому выделение контекстных отношений окажется значительно большим, чем при применении минималистского подхода, и будет включать в себя случаи связи предложений, не имеющих в строгом смысле когезивной связи. Если мы стоим на позиции минимализма, то должны сказать, что любое предложение в тексте семантически достаточно, выражает некий обобщенный смысл, а в контексте с другими пред-

ложениями приобретает некие новые компоненты смысла. Если мы стоим на позиции контекстуализма, мы должны сказать, что любое предложение в тексте само по себе семантически избыточно, а контекст необходим для выбора того значения, которое когерентно возникающим прагматическим дополнениям.

Контекст подразумевает наличие отношений, то есть необходима система хотя бы из двух элементов. Один из этих элементов должен обладать семантической неоднозначностью. Степень потребности в контексте у разных предложений будет разной. Покажем это на примере, интуитивно определив степень семантической неоднозначности.

(14) /1/ *Экстренное предупреждение о возможных неблагоприятных погодных явлениях в Тамбовской области.* /2/ *По данным Тамбовского ЦГМС сегодня, 12 августа, в ближайшие часы, с сохранением в ночь на 13 августа, на территории региона ожидается гроза.* /3/ *Также по прогнозам синоптиков, в ночь на воскресенье в Тамбове будет плюс 20–22 градуса тепла, завтра днем - 23–27 градусов.* /4/ *Спасатели регионального ГУ МЧС обращаются ко всем жителям и гостям Тамбовской области с просьбой о необходимости соблюдения правил безопасности при грозе.*

Предложение /1/ содержит именную группу (ИГ) *неблагоприятные погодные явления*, которая допускает конкретизацию: ливень, гроза, снежный ливень, туман и под. Если учесть, что в предложении говорится об экстренном предупреждении, то эта конкретизация необходима, поэтому предложение получает семантическую неоднозначность. Прилагательное *возможные*, входящее в эту именную группу, вносит значение времени – возможные в какое-то время (место этих явления в предложении координатно определено). Это еще увеличивает степень контекстной чувствительности предложения.

Предложение /2/, безусловно, является центральным и наименее чувствительным к контексту, если не брать во внимание то, что в координатном определении времени отсутствует год. Учитывая, что материалы на новостных сайтах хранятся долго (даже прогнозы погоды), эта информация оказывается необходимой для понимания текста читателем.

Предложение /3/ тематически выбивается из содержания заметки, так как в нем отсутствует информация о грозе, но оно содержит союз *также*, не только соединяющий два предложения, но и сообщающий, что в предложении /3/ дается дополнительная информация к сказанному в предтексте.

Предложение /4/ тоже обладает слабой контекстной чувствительностью, но предложная группа (ПГ) *при грозе* может быть как нереферентной (надо в принципе выполнять правила безопасности при грозе), так и референтной (при той грозе, которая будет в ближайшее время, надо быть осторожным и внимательным).

Таким образом, мы обнаружили, что каждое из предложений, хотя и в разной мере, требует контекстов для того, чтобы конкретизировать свои значения. Выделенные языковые выражения в предложениях создают условия для возникновения контекстных отношений. Мы предлагаем называть базой контекста языковые выражения, приводящие предложения к контекстной чувствительности и требующие конкретизации своих значений.

К базе контекста по умолчанию относятся:

- анафорические и катафорические местоимения;
- контекстно чувствительные слова с дейктическим компонентом (*сейчас, вчера, рядом*);
- вопросительные местоимения;
- союзы, не соединяющие части сложного предложения и компоненты однородных сочиненных рядов;
- нулевые местоимения при глаголах (PRO) или отглагольных существительных с незакрытой актантной валентностью.

К базе контекста могут относиться:

- слова с широким экстенсионалом, допускающим его сужение (имеющие гипонимы или группы со значением гипонима);
- слова с нечетким интенсионалом (*другой, вещь, делать*);
- имена собственные, не имеющие в рамках предложения характеризующих их именных групп с вершинным нарицательным существительным;
- референтные именные группы, имеющие референцию к именным группам за пределами данного предложения.

Дадим определение контекста, удобное для настоящего исследования. Будем считать контекстом языковое выражение, имеющее семантическую связь с базой контекста и дополняющее ее значение так, чтобы предложение, содержащее базу контекста, получало семантическую однозначность. Очевидно, что предложение с контекстом должно быть когерентно предложению с базой контекста.

Обратимся к тексту (14) и найдем в нем контексты.

Для ИГ: *возможные неблагоприятные погодные явление* это существительное *гроза* из предложения /2/.

Для ИГ: *12 августа* и *13 августа*, как мы сказали, контекстов внутри текста не нашлось, поэтому семантическая полнота предложения допустима при привлечении внешнего источника.

Для ИГ: *воскресенье* и ИГ: *завтра* контексты нельзя найти непосредственно, поэтому уделим их контекстам особое внимание. В предложении /2/ есть информация о погоде «в ночь на 13 августа», а в предложении /3/ говорится о температуре «в ночь на воскресенье», из чего можно сделать предположение, что «воскресенье» и «13 августа» кореферентны. Наречие *завтра* имеет координату 13 августа того же года, что и 12 августа (сегодня). Значит, 12 августа – его контекст.

Предложение /3/ содержит союз *также*, который сам, естественно, не может иметь контекст, но показывает, что базой становится целое предложение /2/: информация о температуре менее значима в тексте, посвященном прежде всего предупреждению о грозе. В известном смысле употребление союза *также* оправдывает включение предложения /3/ в текст.

Для ИГ: *гроза*, как мы уже сказали, контекстом будет ИГ: *гроза* из предложения /2/, так как это гроза, которая случится 12 или в ночь на 13 августа. Если изолировать предложение /4/, то возникнет вопрос, о какой именно грозе предупреждает МЧС.

Итак, база контекста вступает в семантические отношения с контекстом. Дадим определение. Контекстность – это система отношений между единицами текста, при которых одна, обладая семанти-

ческой неоднозначностью или недостаточностью, требует другой для достижения семантической однозначности или достаточности.

Контекстно чувствительные выражения (названные нами контекстно чувствительными по умолчанию), которые не имеют четкого экстенционала и требуют прагматического наполнения, формируют когезивные отношения между предложениями. Наиболее ярко это видно на словах, релевантных для создания дейктической картины, что будет показано в анализе следующего примера.

(15) /1/ *Девочка щебетала с братишкой, как птица.* /2/ *Она рассказывала ему сказки, три раза спела тоненьким голоском песенку про козлика, который жил у бабушки «вот как», показывала зайчика из пальцев и т.д.* (Д. Мамин-Сибиряк)

Местоимение *она* кореферентно существительному *девочка*, так как это единственно возможный антецедент. Существительно *птица* не может быть антецедентом по двум причинам: во-первых, актантом при глаголе *рассказывать* должен быть человек, а не животное (по крайней мере, у первого есть преимущество перед вторым); во-вторых, существительное *птица* находится в сравнительном обороте, а поэтому опять же оно «проигрывает» существительному, стоящему в позиции подлежащего. Антецедентом местоимения *ему* может быть только существительное *братишка*. Названные контекстные связи формируют когезивные отношения между предложениями. При этом выраженное в предложении /1/ представляет ту же ситуацию, что и выраженное в предложении /2/. Когерентные отношения, таким образом, не противоречат когезивным и поддерживают их.

Слова и выражения, не являющиеся контекстно чувствительными по умолчанию, ведут себя совершенно иначе. Покажем это на примере глагола *щебетать*. Он употреблен в предложении /1/ метафорически (*щебетать* своим актантом должен иметь птицу, а не человека), где действия девочки описаны в целом, но не конкретизированы. Когерентные отношения между предложениями /1/ и /2/ возникают благодаря тому, что в предложении /2/ сообщается, что именно делала девочка. В паре /1/ – /2/ нельзя увидеть выра-

женную последовательность ситуаций – последовательность мы видим в предложении /2/, так как рассказывать и петь нельзя одновременно. Тогда ясно, что глаголом *щебетать* обозначены эти действия в общем, причем значение его несколько деформировано, оно обозначает всю суету, похожую на птичью, иначе из ситуации выпадет действие «показывать зайчика из пальцев», что странно. Таким образом, получается, что в предложении вначале возникают когерентные отношения, на основании которых возникает контекстность между глаголами обоих предложений, а когезия оказывается вторичной по отношению к когерентности.

На основании анализа можем утверждать следующее: если контекстная чувствительность выражения высока, то подобные выражения требуют наличия контекста, между базой и контекстом выстраиваются когезивные отношения, которые приводят к связности предложений при условии соблюдения когерентности. Если контекстная чувствительность выражения низкая, то когерентные отношения между предложениями могут сформировать контекстность между таким выражением (базой) и контекстом, за счет чего между предложениями возникнут когезивные отношения.

Данное утверждение касается крайних точек, между которыми могут находиться зоны, где указанные условия выполняются не так четко. Покажем это на примере предложений с выраженной оценкой.

(16) /1/ *Во всем городе была единственная порядочная улица Губернаторская.* /2/ *Она перерезывала город на две неравных половины и шла от Московской заставы к реке, упираясь в городской сад.* /3/ *На Губернаторской сгруппировалось всё, что было лучшего в городе: губернаторский дом, гостиный двор, духовная консистория, две гимназии, театр и целый ряд магазинов.* (Д. Мамин-Сибиряк)

В предложении /1/ выделим оценочное прилагательное *порядочная*. Составим пару /1/ – /2/. Оценка может иметь свою мотивировку. Но в художественном тексте автор вправе дать некоторую оценку, не мотивируя ее. Улица названа приличной, а далее автор продолжает ее характеризовать с других сторон. Прилагательное не

вступает ни в какие контекстные отношения. Создадим ТГ /1 – 3/. Предложение /3/ показывает, почему Губернаторскую улицу можно считать приличной. Поскольку это предложение оказывается в тексте, оно становится контекстом для прилагательного. Другими словами, когерентные отношения оказались первичными для когезивных и, соответственно, контекстных.

На данном примере заметим одно важное свойство контекста. Поскольку контекстные отношения необходимо связаны с когерентностью, неконтактные предложения способны образовать когерентные пары. Так, в рассматриваемом примере вполне создается пара /1/ – /3/, то есть предложение /2/ вполне может быть исключено из ТГ, так как ни в предложении /1/, ни в предложении /3/ не находится баз контекстов входящих в него выражений.

Выводы

1. Контекстность в тексте представляет собой систему градуальных отношений, находящуюся в зависимости от степени контекстной чувствительности входящих в предложение выражений.

2. Оптимальным для анализа контекстных отношений в тексте оказывается контекстуалистский подход в прагматике, позволяющий обнаружить в предложении большое количество контекстно чувствительных выражений.

3. Функции когезии и когерентности в контекстных отношениях стоят в зависимости от степени контекстной чувствительности входящих в предложение выражений: высокая контекстная чувствительность обуславливает первичность когезивных отношений; низкая контекстная чувствительность обуславливает первичность когерентных отношений.

Список литературы

1. Величко М.А. Когезия и когерентность: особенности разграничения и определения понятий // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 2(177). С. 39-43.

2. Вострикова Е.В., Куслий П.С. Логико-философский анализ языка: современный взгляд. М.: ИФ РАН, 2017. 211 с.
3. Глазков А.В. К вопросу о когерентности пары предложений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 185-194.
4. Жаббарова Ф.У. Роль терминов в создании связности научно-популярного текста // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. № 2. С. 195-201.
5. Заботкина В.И. Влияние когнитивно-дискурсивной парадигмы на развитие прагмалингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. 17. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. Сборник научных трудов. Москва – Тамбов, 2014. Институт языкознания РАН; Тамбов; Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 69-75.
6. Казаченко О.В. Когерентность и когезия текста // Альманах современной науки и образования. 2009. № 8(27). Ч. 2. С.88-90.
7. Колесникова С.М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. М.: ФЛИНТА, 2016. 231 с.
8. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста: Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты: Дисс. ... ст. д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 390 с.
9. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ФЛИНТА, 2013. 208 с.
10. Brogaard B. Context and content. Pragmatics in two-dimensional semantics // The Cambridge Handbook of Pragmatics. N.Y.: Cambridge University Press, 2012, pp. 113-133.
11. Cappelen H., Lepore E. Insensitive Semantics: A Defense of Semantic Minimalism and Speech Act Pluralism. Oxford: Blackwell, 2005, 219 p.
12. Corraza E. Contextualism, minimalism, and situationalism // Pragmatics & Cognition, 2007, vol. 15(1), pp. 115-137.
13. Grice P. Studies in the Way of Words. Cambridge: Harvard University Press, 1991, 394 p.
14. Kaplan D. Demonstratives // Themes from Kaplan. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481-564.

15. MacFarlane J. *Semantic Minimalism and Nonindexical Contextualism // Context-Sensitivity and Semantic Minimalism: New Essays on Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press, 2007, pp. 240-250.
16. Perry J. *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998b.pdf> (дата обращения: 10.09.2023).
17. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: OUP, 2010, 324 p.
18. Sperber D., Wilson D. *Précis of Relevance: Communication and Cognition // Behavioral and Brain Sciences*, 1987, no. 10, pp. 697-754.
19. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell Publisher Ltd., 1995, 326 p.

References

1. Velichko M.A. Kogezija i kogerentnost': osobennosti razgranichenija i opredelenija ponjatij [Cohesion and coherence: peculiarities of differentiation and definition of concepts]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Filologija i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art Criticism], 2016, no. 2(177), pp. 39-43.
2. Vostrikova, E.V., Kuslij P.S. *Logiko-filosofskij analiz jazyka: sovremennyj vzgljad* [Logic and philosophical analysis of language: modern view]. Moscow: IF RAN Publ., 2017, 211 p.
3. Glazkov A.V. K voprosu o kogerentnosti pary predlozhenij [On the coherence between a pair of sentences]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobacheskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2022, no. 6. pp. 185-194.
4. Zhabbarova F.U. Rol' terminov v sozdanii svjaznosti nauchno-populjarnogo teksta [Role of terms in popular science text]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Journal of Humanities], 2013, no. 2(2), pp. 195-201.
5. Zabotkina V.I. Vlijanie kognitivno-diskursivnoj paradigmy na razvitiie pragmalingvistiki [The impact of cognitive-discourse paradigm on the theory of pragmatics]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka* [Cognitive Studies of Language], 2014, vol. 17. Moscow: Institut jazykoznanija RAN Publ.; Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina Publ., pp. 69-75.

6. Kazachenko O.V. Kogerentnost' i kogeziya teksta [Text coherence and cohesion]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of Modern Science and Education], 2009, no. 8(27), part. 2, pp.88-90.
7. Kolesnikova S.M. *Gradual'nost': svjazi i otnoshenija v sisteme russkogo jazyka* [Graduality: Connections and Relationships in the System of Russian] Moscow: FLINTA Publ., 2016, 231 p.
8. Milevskaja T.V. *Svjaznost' kak kategorija diskursa i teksta: Kognitiv-no-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmatičeskij aspekty* [Connectivity as a category of discourse and text (cognitive-functional and communicative-pragmatic aspects)]. PhD dissertation. Rostov-na-Donu, 2003, 390 p.
9. Chernjavskaja V.E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Discourse linguistics] Moscow: FLINTA publ., 2013, 208 p.
10. Brogaard B. Context and content. Pragmatics in two-dimensional semantics. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. N.Y.: Cambridge University Press, 2012, pp. 113-133.
11. Cappelen H., Lepore E. *Insensitive Semantics: A Defense of Semantic Minimalism and Speech Act Pluralism*. Oxford: Blackwell, 2005, 219 p.
12. Corraza E. Contextualism, minimalism, and situationalism. *Pragmatics & Cognition*, 2007, vol. 15(1), pp. 115-137.
13. Grice P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge: Harvard University Press, 1991, 394 p.
14. Kaplan D. Demonstratives. *Themes from Kaplan*. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481-564.
15. MacFarlane J. Semantic Minimalism and Nonindexical Contextualism. *Context-Sensitivity and Semantic Minimalism: New Essays on Semantics and Pragmatics*. Oxford University Press, 2007, pp. 240-250.
16. Perry J. *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. URL: <http://john.jperry.net/cv/1998b.pdf> (accessed September 10, 2023).
17. Recanati F. *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: OUP, 2010, 324 p.
18. Sperber D., Wilson D. Précis of Relevance: Communication and Cognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 1987, no. 10, pp. 697-754.

19. Sperber D., Wilson D. *Relevance. Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell Publisher Ltd., 1995, 326 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович, заведующий кафедрой дискурсивных практик, кандидат филологических наук, доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Проспект Вернадского, 82, г. Москва, 119571, Российская Федерация
alexey.glazkow@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov, Head of the Department of Discursive Practices, Candidate of Philology, Associate Professor
Russian Academy of National Economics and Public Administration
82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
alexey.glazkow@gmail.com
SPIN-code: 3699-9560
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9115-6745>
ResearcherID: E-7646-2014

Поступила 10.10.2023

После рецензирования 03.11.2023

Принята 10.11.2023

Received 10.10.2023

Revised 03.11.2023

Accepted 10.11.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-155-166
УДК 81. 367

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

АМПЛИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ

Н.Н. Чайко

Цель. Настоящая статья посвящена рассмотрению амплификации как выразительного средства стилистического синтаксиса в текстах немецких романтиков 19 в. Автор ставит целью описать различные виды перечисления как основного средства амплификации с учетом характера ритмической выразительности простого предложения и раскрыть весь стилистический потенциал перечислительных рядов.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. Проведенный анализ показал, что амплификация является значимым средством усиления, эмоциональной действенности языка поэтов-романтиков. Путем номинативного и вербального перечисления достигается эффект монотонности, уныния, нагнетания, возвышенности, радости и надежды. Особая ритмизация предложения создается за счет перечислительной интонации и ритма. Наряду с определенной синтаксической однотипностью и последовательностью, встречается расчленение однородного перечислительного ряда, что создает особый вид ритмической выразительности.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интер-

претация текста» в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст; амплификация; интенсификация; аккумуляция; климакс; обобщение; ритм

Для цитирования. Чайко Н.Н. Амплификация как средство интенсификации поэтической выразительности речи // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 155-166. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-155-166

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

AMPLIFICATION AS A MEANS OF INTENSIFYING POETIC EXPRESSIVENESS OF SPEECH

N.N. Chaiko

Purpose. This article is devoted to the consideration of amplification as an expressive means of stylistic syntax in the texts of the German Romantics of the 19th century. The author aims to describe various types of enumeration as the main means of amplification, taking into account the nature of the rhythmic expressiveness of a simple sentence and to reveal the entire stylistic potential of enumerative series.

Methods or methodology of the work. The basis of the research is formed by the continuous sampling method in the selection of practical material as well as the method of descriptive linguo-stylistic analysis.

Results. The analysis showed that amplification is a significant means of enhancing the emotional effectiveness of the language of romantic poets. By nominative and verbal enumeration, the effect of monotony, dependency, pressure, elevation, joy and hope is achieved. A special rhythmization of the sentence is created due to the enumerative intonation and rhythm. Along with a certain syntactic uniformity and consistency, there is a dismemberment of a homogeneous enumerative series, which creates a special kind of rhythmic expressiveness.

Practical implications. *The results of the research can be used at the lessons of Stylistics of the German Language, Text Interpretation, in seminars on the study of features of the language of German poetry.*

Keywords: *poetic text; amplification; intensification; accumulation; climax; generalization; rhythm*

For citation. *Chaiko N.N. Amplification as a Means of Intensifying Poetic Expressiveness of Speech. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 154-166. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-154-166*

Синтаксический строй поэтической речи немецкого романтизма непосредственно связан с выражением мысли и чувства поэтов-романтиков и обладает широкими экспрессивными возможностями. Все элементы поэтического синтаксиса являются мощным средством языкового усиления (интенсивности), количественно-качественного выделения определенной языковой единицы для актуализации экспрессивности. Интенсивность рассматривается как одна из составляющих экспрессивности и понимается как мера степени экспрессивности [5; 13; 14]. Посредством определенных языковых интенсификаторов достигается смысловое и эмоциональное повышение эффективности и впечатляемости излагаемого. Таким ярким языковым интенсификатором являются средства синтаксической выразительности, которые представляют собой широкий диапазон экспрессивности в поэзии 19 в. Используя различные средства синтаксической выразительности, поэты-романтики оказывают воздействие на читателя, глубоко проникая в его сознание.

Целью предлагаемой статьи является анализ стилистических возможностей перечисления как приема амплификации в языке поэзии 19 в. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих **задач**: методом сплошной выборки определить корпус предложений, содержащих перечислительные ряды, которые включают такие фигуры как аккумуляция, климакс, антитеза и перечисление с заключающим обобщением, охарактеризовать перечислительные отношения с учетом характера ритмизации всего

предложения, а также проиллюстрировать стилистический потенциал разнообразных комбинаций перечисления. **Научная новизна** работы заключается в том, что впервые проводится подробный анализ видов перечисления в текстах романтиков. **Актуальность** данного исследования определяется неугасающим интересом современных лингвистов к ярким средствам синтаксической экспрессии, которые занимают и в языке поэзии романтизма одну из ведущих позиций. **Практическая значимость** работы определяется возможностью использования результатов исследования в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интерпретация текста», в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии, синтаксической организации стихотворных произведений.

Теоретическую основу исследования составили теоретические положения, разработанные в трудах отечественных и зарубежных исследователей в области синтаксиса немецкого языка В.Г. Адмони [1], О.И. Москальской [12], а также труды по стилистике, поэтике, стиховедению и литературоведению В.В. Виноградова [3;4], В.М. Жирмунского [8], Э. Ризель [15;16], М.П. Брандес [2], Ю.М. Лотмана [10], W. Schneider [17], B. Sowinski [18] и др. Анализ возможных приемов экспрессивного синтаксиса посвящено много работ в различных аспектах (И.И. Ковтунова, 1980; В.В. Бабанина, 1994; М.А. Гончарова, 1999; О.А. Кострова, 2004; М.В. Емнова, 2005 и др.), а также работы по амплификации (Е. В. Буяновой, Н.В. Шаминой, 2017; Н. Н. Старостиной, М.И. Лукьяновой, 2021) и др.

Традиционно амплификация является стилистической фигурой, представляя собой ряд повторяющихся речевых конструкций или отдельных слов. Это увеличение объема высказывания за счет нанизывания семантически и грамматически соотносительных речевых средств [11, с. 18]. Одним из основных видов расширения, экспансии синтаксической структуры является перечисление – распространенное выразительное средство стилистического синтаксиса, которое создается в результате повторения однородных синтаксических единиц разного объема в рамках законченного высказывания [2, с. 102]. Выразительные возможности перечисления многообразны. Особого

внимания заслуживает построение самой синтаксической структуры, в которой заложены возможности эстетической ритмической выразительности. В.М. Жирмунский отмечал: «Первоначальными факторами композиции в стихотворении мы считаем ритм и синтаксис» [8, с. 433]. Ритм представляет художественную поэтическую организацию предложения [6, с. 83-87]. Перечисление как средство особой ритмизации простого предложения дает заряд эмоциональной действенности. Экспрессивный эффект такого риторического (непрямого) способа окрашивания предложения основан на выделении наиболее важных компонентов, подчеркивании наиболее значимого.

Настоящая работа основывается на анализе стилистических возможностей видов перечисления в немецком языке на материале стихотворных произведений поэтов-романтиков 19 в. [7]. В ходе анализа были рассмотрены фигуры перечисления, а именно: аккумуляция, климакс, антитеза, перечисление с заключающим обобщением и особая разновидность – расчленение однородного перечислительного ряда.

Как показал анализ перечислительных рядов, поэты-романтики широко используют аккумуляцию. Представляя собой простое перечисление (сгущение) синтаксически однотипных, одноуровневых, тематически близких именных или глагольных единиц, аккумуляция выступает мощным интенсификатором выразительности поэтической речи.

Именные перечисления являются абсолютно частотными в поэтическом языке и передают высокую степень интенсивности выразительности поэтической речи. Перечислительная интонация именных компонентов может создавать однообразный ритм, при котором возникает эффект спокойного повествования и даже грусти, уныния, что демонстрирует нижеприведенный отрывок. Путем перечисления однородных дополнений романтик А. Шамиссо выделяет значимые места своего детства (башни, зубцы, каменный мост, ворота), упоминая о своем роде, о родовом замке Бонкур:

Hoch ragt aus schattgen Gehegen
Ein schimmerndes Schloß hervor,
Ich kenne die *Türme*, die *Zinnen*,

Die steinerne Brücke, das Tor. (A. von Chamisso, Das Schloss Boncourt)

Усиление выразительности именных перечислений может создаваться путем удлинения перечислительного ряда. Такие расширенные, объемные ряды часто занимают целые четверостишия, предоставляя читателю яркие образы. Так, насыщенная ритмичность всего перечисления путем асиндетона создает эффект торжественности, праздности, является средством создания сжатой, компактной, динамичной речи в отрывке из стихотворения «Музыканты идут», в котором поэт Д. Лилиенкрон выделяет значимые инструменты и участников музыкального шествия (тромбон, литаврист, геликон, корнет и т.д.):

Brumbum, das große *Bombardon*,
Der *Beckenschlag*, das *Helikon*,
Die *Piccolo*, der *Zinkenist*,
Die *Türkentrommel*, der *Flötist*,
Und dann der Herr *Hauptmann*. (*D. von Liliencron, Die Musik kommt*)

Разновидностью аккумуляции является номинализация именных компонентов – обогащение их смыслового объема и расширение их состава за счет атрибутивных и адвербиальных групп, выражающая признаки высокой степени экспрессии. Каждый признак семантически значим, в нем заключен особый экспрессивный оттенок. Усилительный признак при перечислении особо выделяется и образует отдельную ритмическую группу, способствуя вместе с тем созданию цельного образа. Экспрессивный эффект основан на противопоставлении обособленности признаков и целостности всего поэтического образа, что может быть проиллюстрировано в отрывке из стиха «Странствование» поэтом Й. Эйхендорфом. Существительное в каждой строке обогащено семантическим признаком, что создает дополнительную экспрессию, ср.:

Die *Qellen von den Klüften*,
Die *Ström auf grünem Plan*,
Die *Lerchen hoch in Lüften*,
Der *Dichter frisch voran*. (*J. von Eichendorff, Allgemeines Wandern*)

Аккумуляция в поэзии романтиков широко представлена и глагольными перечислениями. Глаголы как смысловые доминанты являются интенсификаторами особой весомости. Перечисление тематически близких глаголов активизируют восприятие читателя. Особой популярной пользуются у романтиков глаголы звучания, шума. Такая переключка перечислительных элементов (синонимичных глаголов) во второй строке в нижеприведенном отрывке создает эффект возбуждения, ликования, движения, восторженности, ср.:

In Schritt und Tritt und Tritt und Schritt,
Das *stampft* und *dröhnt* und *klappt* und *flirrt*,
Laternenglas und Fenster *klirrt*. (D. von Liliencron, *Die Musik kommt*)

Контрастная разновидность амплификации реализуется посредством антитезы и градации. Перечисление разных смыслов с целью выявления их общности несет заряд высокой эмоциональной напряженности. Антитеза для романтиков является отражением их душевного состояния, переживаний, буйства души и терзаний. Ср. яркое, контрастное выражение Г. Гейне любовных переживаний (душа как море, с приливами и отливами):

Mein Herz gleicht ganz dem Meere,
Hat *Sturm* und *Ebb* und *Flut*, ... (H. Heine, *Du schönes Fischer-
mädchen*)

Поэтическую силу выражения экспрессии демонстрирует и климакс – перечисление синтаксически однотипных элементов по принципу нарастания их значимости, при котором каждый последующий элемент содержит усиливающее значение. Соотносимые в градации элементы позволяют передать глубокие переживания человека в минуту потрясения. Вот, например, как Новалис и Л. Уланд описывают свои чувства любви, страдания до смерти, до скончания:

Dich muß, wie mich ein Wesen trösten,
Das *innig liebte*, *litt* und *starb*... (Novalis, *Wer einsam sitzt*...)
“Dich *liebt* ich *heute*, dich *lieb* ich *noch immer*
Und werde dich *lieben in Ewigkeit*.” (L. Uhland, *Der Wirtin Töchterlein*)

К фигурам амплификации относится и перечисление с заключающим обобщением. Этот сильный прием эмоционального воздействия

достигается за счет емкой, развернутой аккумуляции, которая как бы резюмируется заключающим обобщающим компонентом. Выразительные возможности всей синтаксической структуры подчеркиваются особым ритмическим перебоем, возникает добавочный смысл противопоставления. Такие перечисления эстетически отражают факты общественной или личной жизни человека, субъектом которых могут быть многие лица, обладающие сходными особенностями:

Und *Mohr* und *Perser* und *Mulatt*
Und *Juden* wie Getaufte –
Das *ganze Volk* der Handelsstadt
Es kam und kaufte, kaufte. (*G. Weerth, Mary*)

Приведенный фрагмент выражает политическую позицию немецкого поэта-пролетариата Г. Веерта, который воспекает естественно рождающуюся классовую солидарность, пролетарский интернационализм, единство духа народов.

Особой разновидностью амплификации выступает расчленение однородного перечислительного ряда, резко бьющего на повышение восприятия и эмоциональной действенности. Зачастую расчлененность однородного ряда создается за счет разрушения синтаксической целостности глагольно-сказуемой рамки, когда одни компоненты располагаются внутри рамки, а другие находятся за ее пределами. Каждый компонент приобретает значимую весомость, подкрепляемую ритмически. Создается эффект сопричастности читателя с восприятием поэта текста. Ср. заявление поэта-революционера Г. Гейне о его роли и позиции в освободительной борьбе (слова-призывы раздаются как гром, как молния). Расчлененный перечислительный ряд включает однородные дополнения и занимает третью и четвертую строки:

Es wird sich grausenhaf**t** bewähren,
Wenn einst erscheint der rechte Tag,
Dann sollt ihr *meine Stimme* hören,
Das *Donnerwort*, den *Wetterschlag*. (*H. Heine, Wartet nur*)

Следующий фрагмент демонстрирует расширенный перечислительный ряд, состоящий из семи компонентов – дополнений. Ам-

плификация заполняет последние три строки. Путем расчленения каждый компонент, являясь отдельной тематической доминантой, несет мощный заряд экспрессии, обращает внимание читателя на важнейшие аспекты человеческой сущности (честь, благо, кровь, тело, душа, дыхание, жизнь):

Und magst du's nicht haben zu eigenem Gewinst,
So bleib' es gewidmet dem göttlichen Dienst,
Denn ich hab' es dem ja gegeben,
Von dem ich *Ehre* und *irdisches Gut*
Zu *Lehen* trage und *Leib* und *Blut*
Und *Seele* und *Atem* und *Leben*. (Fr. Schiller, *Der Graf von Habsburg*)

Суммируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что амплификация является распространенным выразительным средством экспрессивного синтаксиса поэтических текстов немецких романиков. Характер перечислений многолик и многогранен, создавая эффект размеренности, уравновешенности, уныния, возбуждения, торжественности, любовных переживаний, буйства и борьбы. Разновидностями перечислительного отношения можно считать удлинение его объема за счет количественного наполнения, обогащения атрибутивных признаков, контрастные отношения компонентов, накопление компонентов по их значимости, отношение общего и частного. Экспрессивный эффект расчлененных однородных перечислительных рядов основан на разрыхлении рамочных образований, выделении наиболее важных компонентов и их противопоставление предтексту.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225 с.

5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
6. Гучинская Н.О. Ритм и стиль в стихах и прозе. Ч. 2: Проза // Стилистика художественной речи. Вып. 3. Л.: ЛГПИ им. Герцена, 1977. 138 с.
7. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
8. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.
9. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 240 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
11. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 563 с.
12. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса на материале немецкого языка. М.: Высш. шк., 1981. 173 с.
13. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 303-308.
14. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.
1. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
2. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975. 315 S.
3. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963. 521 S.
4. Sowinski B. Textlinguistik: Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010. 160 S.

References

1. Admoni V.G. *Sintaksis nemeckogo jazyka* [Syntax of the German language]. Leningrad: Nauka Publ., 1973, 366 p.
2. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1983, 271 p.
3. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1971, 240 p.

4. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow: AN SSSR Publ., 1963, 225 p.
5. Vol'f E.M. *Funkcional'naya semantika ocenki*. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002, 280 p.
6. Guchinskaya H.O. Ritm i stil' v stihah i proze. Ch. 2: Proza [Rhythm and style in poetry and prose. Part 2: Prose]. *Stilistika hudozhestvennoj rechi* [Stylistics of artistic speech]. Leningrad: LGPI im. Gercena Publ., 1977, 138 p.
7. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga Publ., 1984, 704 p.
8. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sov. Pisatel Publ., 1975, 664 p.
9. Kostrova O.A. *Ekspressivnyj sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka* [Expressive syntax of the modern German language]. Moscow: Flinta Publ., 2004, 240 p.
10. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha* [Analysis of the poetic text: The structure of the verse]. Leningrad: Prosveshchenije Publ., 1972, 271 p.
11. Matveeva T.V. *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 2010, 563 p.
12. Moskalskaya O.I. *Problemy sistemnogo opisaniya sintaksisa na materiale nemeckogo jazyka* [Problems of the system description of syntax using the German language material]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1981, 173 p.
13. Rodionova S.E. Intensivnost' i ee mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij [Intensity and its place among other semantic categories]. *Slavyanskij vestnik* [Slavic Bulletin], 2004, no. 2, pp. 303-308.
14. Turanskij I.I. *Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v anglijskom yazyke* [Semantic category of intensity in English]. Moscow: Vyssh. shk. Publ., 1990, 172 p.
15. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. Moskau: Hochschule Verlag, 1974, 182 S.
16. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. Moskau: Hochschule Verlag, 1975, 315 S.

17. Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Basel-Wien: Herder, 1963, 521 S.
18. Sowinski B. Textlinguistik: Eine Einführung. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2010, 160 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Natalja N. Chaiko, Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46 Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
n.tchaiko @yandex.ru

Поступила 31.10.2023

После рецензирования 08.11.2023

Принята 12.11.2023

Received 31.10.2023

Revised 08.11.2023

Accepted 12.11.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-167-179
УДК 811.-11-112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СКАЗОК БРАТЬЕВ ГРИММ

В.В. Ловянникова

Сказки братьев Гримм – это сказки, собранные в немецких землях и литературно обработанные великими германистами Якобом и Вильгельмом Гримм. Они вошли в сборник «Детские и семейные сказки» (нем. «Kinder- und Hausmärchen»), первоначально изданный в 1812 г. Благодаря своей глубине и замечательным сюжетам эти сказки уже несколько столетий не теряют популярности и с удовольствием читаются взрослыми и детьми. Целью исследования стало выявление и описание структурных и семантических особенностей заголовков, сформулированных немецкими сказочниками.

Актуальность. *В современном мире информации заголовок требует всестороннего изучения, поскольку он является ключевым элементом глубинной части содержательной структуры текста и ориентирует читателя в мире литературы и публицистики.*

Новизна исследования. *В лингвистике на сегодняшний день отсутствует комплексное рассмотрение заголовков немецких сказок, их семантических и структурных особенностей.*

Материал исследования. *Заголовки сказок братьев Гримм из сборника «Kinder- und Hausmärchen».*

В процессе исследования применялись общенаучные и собственно лингвистические методы: описательный метод, метод классификации и систематизации, элементы структурно-семантического анализа и количественного подсчета.

Область применения. *Исследование может быть полезным при изучении и преподавании стилистики немецкого языка, прагматики и интерпретации текста.*

Результаты. Автор называет структурные особенности заголовков сказок братьев Гримм, приводит в процентном соотношении количество заголовков-слов, заголовков-словосочетаний, заголовков-предложений, перечисляет их семантические особенности, останавливается на сложных словах, говорящих именах, числительных, аппеллятивах, уменьшительно-ласкательных суффиксах, а также на фактах из сюжета сказки, которые читатель может узнать уже из заголовка.

Ключевые слова: сказка; заголовок; заголовок-слово; заголовок-словосочетание; заголовок-предложение; структура; семантика

Для цитирования. Ловянникова В.В. Структурно-семантические особенности заголовков сказок братьев Гримм // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 167-179. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-167-179

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE TITLES IN GRIMMS' FAIRY TALES

V.V. Lovyannikova

*Grimms' fairy tales are fairy tales collected in German lands and literarily processed by the great germanists Jacob and Wilhelm Grimm. They were included in the collection «Children's and Household Tales» (German: «Kinder- und Hausmärchen»), originally published in 1812. Thanks to their depth and wonderful plots, these fairy tales have not lost popularity for several centuries and are read with pleasure by adults and children. **The purpose of the research** was to identify and describe the structural and semantic features of the titles, formulated by the German storytellers.*

The relevance. *In the modern world of information, the title requires comprehensive research, since it is a key element of the deep part of the text content structure and orients the reader in the world of literature and journalism.*

The scientific novelty. *In linguistics there is no consideration of the titles in Grimms' fairy tales, their semantic and structural features.*

The research material. *The titles of the most famous and popular fairy tales of German storytellers from the Kinder- und Hausmärchen collection.*

In the research the general scientific and linguistic methods were applied: descriptive method, method of classification and systematization, elements of structural and semantic analysis and quantitative calculation.

The scope of application. *The research can be used in the study and teaching of the style of the German language, pragmatics and text interpretation.*

The results. *The author names the structural features of the titles in Grimms' fairy tales, gives a percentage of the number of title-words, title-phrases, title-sentences, lists their semantic features, focuses on complex words, talking names, numerals, appellatives, diminutive suffixes, as well as on the facts from the plot of the fairy tale that the reader can already learn from the title.*

Keywords: *fairy tale; title; title-word; title-phrase; title-sentence; structure; semantics*

For citation. *Lovyannikova V.V. Structural and Semantic Features of the Titles in Grimms' Fairy Tales. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 167-179. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-167-179*

Введение

Для нашего времени характерно стремительное развитие во всех сферах жизни человека. При этом многие вещи становятся невосребованными, теряют свою актуальность и переходят в раздел забытых и ненужных. Однако существуют ценности, которые остаются неизменными для многих поколений. Так, сказкам, несмотря на многовековую историю, удается и на современном этапе сохранять свою значимость и воспитательный потенциал.

Объяснить этот факт можно тем, сказки «служат формированию и поддержанию традиций, несут в себе коммуникативную, эстетическую, социализирующую, терапевтическую, информативную и аксеологическую функции» [10, с. 133].

Сказки по праву считаются мировым культурным достоянием, они отражают культуру и традиции народа-носителя языка, формирование его этических ценностей, а также дают уроки добра, порядка и нравственности. О роли сказки в процессе взросления человека и ее воспитательных возможностях писали многие великие лингвисты и педагоги: А.И. Никифоров [13], В.Я. Пропп [14], Д.С. Лихачев [11], Т.М. Акимова [1], Л.С. Выготский [5], Р.С. Буре [4], И.З. Гликман [7], Зимняя И.А [8].

К.Д. Ушинский называл сказки первыми блестящими попытками народной педагогики и подчеркивал мысль о том, что никто не в состоянии состязаться с педагогическим гением народа [15]. Не менее важным для нравственного становления человека можно считать знакомство с литературой других этносов. При этом особенно информативен в плане отражения менталитета чужого народа является фольклор, поскольку в его основе лежат так называемые архетипы, т.е. древнейшие, изначальные символы и образы, ставшие всеобщими [16].

Читая сказки из мировой сокровищницы, русский читатель знакомится с культурными ценностями других народов, начинает понимать их мировосприятие и мироощущение, и это помогает ему в будущем правильно выстраивать взаимоотношения с представителями других этносов и вести с ними диалог. Знакомство с немецкой культурой для русскоговорящего читателя часто начинается с чтения сказок братьев Grimm.

Целью данного исследования является изучение структурных и семантических особенностей заголовков в сказках братьев Grimm.

Актуальность данной работы обусловлена ролью заголовка в структуре текста и его значением в современном мире информации.

Научная новизна исследования заключается в том, что общетеоретические факты изучены в нем в новых условиях, и известная научная теория применена к новым объектам и предметам, что позволило автору получить собственные результаты и дать им оценку.

Материалом исследования послужили 200 заголовков из популярного сборника братьев Grimm «Kinder- und Hausmärchen» [17].

В ходе исследования были использованы **методы** семантического структурного, сопоставительного и сравнительного анализа, а также элементы количественного подсчета.

Неотъемлемым и одним из важнейших структурных элементов текста является заголовок. По мнению С.Д. Кржижановского, заголовок – самая значимая часть книги, можно сказать, заголовок и есть книга, сокращенная до пары слов, в то время как текст представляет собой его развернутое объяснение [9].

Основными функциями заголовка можно считать 1. именуемую, 2. информативную и 3. аттрактивную.

Заголовок привязан к конкретному тексту, и поэтому помогает выделить его среди других письменных сообщений. При этом «заголовок, входя в систему указателей, называющих предметы окружающего мира, отличается от них тем, что имеет общую природу со своим референтом, то есть относится к речевым явлениям» [3, с. 117]. Являясь именем текста, заголовок помогает читателю ориентироваться в мире литературы и публицистики.

Информативная функция заголовка заключается в том, что он уже соотносится с наполнением текста, его основной темой или проблемой. «Название – это компрессированное, нераскрытое содержание текста ... то в ясной, конкретной форме, то в завуалированной, имплицитной; название выражает основной замысел, идею, концепт создателя текста» [6, с. 74]. При этом заголовок и текст связаны между собой сложной двусторонней связью, поскольку, с одной стороны, заголовок предопределяет ожидания читателя относительно текста, а с другой – сам определяется им, и часто понимается читателем уже после прочтения текста.

Знакомство с текстом всегда начинается с заголовка, поэтому важно, чтобы он выполнял также аттрактивную функцию. Будет ли прочитан текст, часто зависит от того, способен ли заголовок заинтриговать читателя и разбудить его интерес. Функция привлечения внимания реализуется на первом этапе восприятия адресантом заголовка. Выделив для себя заголовок как любопытный, «читатель может заинтересоваться предлагаемой информацией,

представленной в нем кратко, и приступить к знакомству с текстом» [12, с. 25].

Результаты исследования

Анализ заголовков немецких сказок показал, что с точки зрения структуры они могут состоять из одного слова (41%). При этом заголовки-слова довольно информативны, т.к. содержат сведения о главном герое и его жизни или неодушевленном предмете, играющем важную роль в сюжете сказки. Такие заголовки называют 1. персонажей сказки: «Der Räuberbräutigam», «Hausgesinde», «Die Goldkinder»; 2. собственные имена героев: «Rotkäppchen», «Aschenputtel», «Daumesdick»; 3. их роль деятельности: «Das Hirtenbüblein», «Der Trommler»; 4. мифических существ: «Die Wassernixe», «Das Erdmännchen», «Die Wichtelmänner»; 5. животное, рыбу или птицу: «Das Eselein», «Die Rabe», «Die Scholle»; 6. растение: «Die Rose», «Die Nelke», «Die Kornähre»; 7. предмет: «Der Nagel», «Das Totenhemdchen», «Die Schlickerlinge»; 8. небесное тело: «Der Mond»; 9. постройку: «Das Waldhaus»; 10. топоним: «Simeliberg»; 11. событие: «Die Brautschau»; 12. промежуток времени: «Die Lebenszeit»; 13. волшебное слово: «Hurleburlebutz». Интересны для читателя заголовки «Das Rätsel» и «Räselmärchen», поскольку они привлекают его возможностью разгадать на страницах сказки еще неведанную тайну.

Большой процент заголовков-слов у братьев Гримм можно объяснить склонностью немецкого языка к образованию атрибутивных композитов, где первый компонент слова характеризует второй, а поэтому такие заголовки, как «Die Bienenkönigin», «Häsichenbraut», «Die Gänsemagd», по значению приравниваются к гетитивной группе, и поэтому являются емкими в смысловом плане. «Процесс словосложения способствует упрощению структуры группы, созданию лаконизма в выражении связи двух понятий» [2, с. 64]. Оказиональные словообразовательные конструкции в заголовках сказок наделены часто образностью и экспрессивностью и обладают большими прагматическими возможностями.

Обращает на себя внимание тот факт, что многие онимы в заголовках-словах, например, Rotkäppchen, Rapunzel, Daumesdick, Aschenputtel, можно считать смысловыми именами, поскольку они содержат в своей структуре характеристические и оценочные качества персонажа, как положительные, так и отрицательные.

Имя Rapunzel связано с названием растения из семейства колокольчиковых, которое играло ключевую роль в жизни героини. Этот цветок очень нежный, трогательный, хрупкий и уязвимый, и все эти качества ассоциируются с главной героиней сказки.

Основным компонентом антропонима Aschenputtel стало слово Putte (девочка-подросток) с уменьшительным суффиксом -l, характерным для имен собственных, а в качестве определяющего компонента использована лексема Asche (пепел, зола). Следовательно, это имя сразу вызывает у читателя образ маленькой замарашки.

Говорящее имя Rotkäppchen создано авторами на основе метафоры, поскольку называет девочку по характеризующему ее признаку, в данном случае головному убору.

Особенности внешнего вида главного героя одной из сказок, а именно его крошечный рост, ярко передает имя Daumesdick, представляющее собой сложное прилагательное, указывающее на рост размером с большой палец. Как видим, антропонимы играют важную роль при создании заголовка сказки, поскольку они способны концентрировать в себе различные смысловые оттенки и ассоциации.

В процентном соотношении большинство заголовков сказок братьев Гримм (55%) представляют собой словосочетания. Такие заголовки называют двух или нескольких персонажей сказки, которыми могут быть люди, животные или неодушевленные предметы: «Fischers Vogel», «Der Wolf und der Mensch», «Strohalm, Kohle und Bohne». В некоторых заголовках главные герои вводятся через предлог von: «Von dem Fischer und seiner Frau», «Vom Mäuschen, Vögelchen und der Bratwurst». Использование предлога приближает название сказки к простонародному, разговорному стилю и даёт читателю ощущение, что какой-то невидимый рассказчик повествует ему о необычных приключениях сказочных героев.

Часто заголовки-словосочетания информируют читателя о 1. качествах характера персонажей: «Der treue Johannes», «Die kluge Grete», «Das tapfere Schneiderlein»; 2. их возрасте: «Der junge Riese», «Der alte Hildenbrand»; 3. занятии: «Die Bremer Straßenmusikanten»; «Der Gaudieb und sein Meister»; 4. свойстве вещи: «Die zertanzten Schuhe», «Der gestohlene Heller», «Der gläserne Sarg»; 5. месте, где происходит действие: «Der Jude im Dorn», «Die Gänsehirtin am Brunnen», «Der arme Junge im Wald».

Многие апеллятивы в составе заголовков-словосочетаний указывают на принадлежность героев к высшему сословию в обществе: «Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich», «Die beiden Königskinder», или наоборот на низкое социальное положение: «Die alte Bettelfrau», «Der kluge Knecht». Часто героями сказок братьев Гримм становятся крестьяне, ремесленники, рыбаки и охотники, о чем свидетельствуют следующие заголовки: «Das Bürlü im Himmel», «Die drei Spinnerinnen», «Die drei Handwerkerburschen», «Die zwölf Jäger», «Von dem Fischer und seiner Frau».

Большой интерес представляют собой заголовки-словосочетания, содержащие числительные, поскольку каждое число в культурной традиции народа несет в себе особое значение. Чаще всего встречается в заголовках число «drei»: «Die drei Sprachen», «Der Teufel mit drei goldenen Haaren», «Die drei Federn». Оно связано с тремя испытаниями, правильным выбором из трех вариантов, с тремя ритуальными действиями, со счастливым троекратным обладанием какой-то вещью. Число «три» с древних времен имеет значение законченности, завершенности и полноты чего-либо. Изучая окружающий мир, древний человек обращал внимание, что все в нем трехмерно: он делил вселенную на небо, землю и воду; в небе видел луну, солнце и звезды; у вещей измерял высоту, ширину и высоту; в жизни различал прошлое, настоящее и будущее. И все эти наблюдения навели людей на мысль о священности этого числа и его особом значении.

Интересно, что другие числительные в заголовках сказок братьев Гримм, а именно zwei: «Die zwei Brüder»; vier: «Die vier kunstreichen

Brüder»; sechs: «Die sechs Diener», «Die sechs Schwäne»; sieben: «Der Wolf und die sieben jungen Geißlein», «Die sieben Raben»; zwölf: «Die zwölf Brüder», указывают на число персонажей сказки, связанных между собой родством, общей деятельностью или даже общей бедой.

Привлекают внимание многочисленные уменьшительно-ласкательные суффиксы -chen и -lein в заголовках сказок братьев Grimm: «Läuschen und Flöhchen», «Die drei Vögelchen», Vom klugen Schneiderlein», «Das Lämmchen und Fischchen». И хотя диминутивные суффиксы способны передавать широкую палитру чувств, употребление слов с такими суффиксами показывает в сказках нежное отношение авторов к героям, чувство умиления и покровительства им.

Отдельные заголовки-словосочетания могут отражать уже в краткой форме сюжет сказки: «Katze und Maus in Gesellschaft», «Von dem Tode des Hühnchens», хотя таят еще в себе интригу, как именно будет развиваться действие.

Довольно редко (4%) братья Grimm используют заголовки-предложения: «Hans heiratet», «Die klare Sonne bringt's an den Tag», «Märchen von einem, der auszog das Fürchten zu lernen». Такие заголовки играют важную роль в коммуникативной перспективе повествования, поскольку программируют ожидания читателя относительно сюжета сказки. Предложения в качестве заглавий могут быть как простыми, распространенными и нераспространенными, так и сложными. Обычно количество слов в них невелико, но объем передаваемой информации значителен. Интересно, что сказочники сформулировали заголовки-предложения так, что в них можно наблюдать и некоторую недосказанность, благодаря которой читателю будет интересно прочесть сказку. Использование авторами повествовательных предложений объясняется основной целью заголовка, а именно сообщением темы сказки.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что в процентном соотношении среди заголовков сказок братьев Grimm преобладают заголовки-словосочетания (55%). Они называют персонажей

сказки, их количество, качества характера, возраст, роль деятельности, сословные характеристики, место действия, свойство предмета, играющих ключевую роль в сюжете сказки.

Значительным можно считать число заголовков-слов (41%). Такие заголовки содержат информацию о главном персонаже сказки, которым может быть человек, животное, рыба, птица, растение, мифическое существо или даже неодушевленный предмет. Заголовки-слова довольно информативны в смысловом плане. Этот факт объясняется преобладанием сложных слов в заголовках, а также наличием в них говорящих имен, содержащих оценочные и характеристические признаки героя.

Минимальным является в сказках братьев Grimm количество заголовков-предложений (4%). Эти заголовки передают основную сюжетную линию сказки, но сохраняют определенную интригу, а поэтому привлекают читателя и вызывают у него желание прочитать сказку.

Информация о конфликте интересов. Конфликт интересов отсутствует.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Список литературы

1. Акимова Т.М. Сказки саратовской области / Сборник сост. Т.М. Акимова, П.Д. Степанов. Саратов: Типография Саратовского облместпрома, 1937. 206 с.
2. Белоусова Т.А., Фисунова Н.В. Субстантивные генитивные словосочетания в современном немецком языке // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015, № 6. Вып. 25. С. 60-65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26000162> (дата обращения: 20.07.2023).
3. Богданова О.Ю. Заголовок как элемент текста // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. Т. 13, № 1. С. 116-119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15129225> (дата обращения: 22.07.2023).

4. Буре Р.С. Социально-нравственное воспитание дошкольников. М.: Мозаика Синтез, 2012. 80 с.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: АСТ, 2008. 671 с.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
7. Гликман И.З. Теория и методика воспитания. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2002. 176 с.
8. Зимняя И.А. Педагогическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт, 2010. 448 с.
9. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», 1931. 34 с.
10. Кулагин Д.Л. Функции русских сказок: философско-культурологический анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017, № 1. С. 133-136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27683198> (дата обращения: 25.07.2023).
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 145 с.
12. Моница Т. С. Аттрактивная функция газетного заголовка // Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. М.: Перо, 2018. С. 22-28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36326757> (дата обращения: 19.07.2023).
13. Никифоров А.Н. Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2009. 376 с.
14. Пропп В. Морфология сказки. Л.: «Academia», 1928. 152 с.
15. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения в 6 томах. Т. 2. Сост. Егоров С.Ф. М.: Педагогика, 1998. 350 с.
16. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. 304 с.
17. Brüder Grimm. Kinder- und Hausmärchen. Auswahl. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971, 288 S.

References

1. Akimova T.M. *Skazki saratovskoy oblasti* [Tales of the Saratov region]. Saratov: Tipografija Saratovskogo oblimestpoma, 1937, 206 p.

2. Belousova T.A., Fisunova N.V. Substantivnye genitivnye slovosochetaniya v sovremennom nemetskom yazyke [Substantive genitive phrases in the modern German language]. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Bulletin], 2015, no. 6(25), pp. 60-65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25612431> (accessed July 20, 2023).
3. Bogdanova O.Y. Zagolovok kak element teksta [Title as a text element]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov], 2007, no. 1, pp. 116-119. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15129225> (accessed July 22, 2023).
4. Bure R.S. *Sotsial'no-nravstvennoe vospitanie doshkol'nikov* [Social and moral education of preschoolers]. Moscow: Mosaic Synthesis Publ., 2012, 80 p.
5. Vygotsky L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow: AST Publ., 2008, 671 p.
6. Galperin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga Publ., 2007, 144 p.
7. Glikman I.Z. *Teoriya i metodika vospitaniya* [Theory and methodology of education]. Moscow: VLADOS-PRESS Publ., 2002, 176 p.
8. Zimnaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. Moscow: MPSI Publ., 2010, 448 p.
9. Krzhizhanovskiy S.D. *Poetika zaglaviy* [Poetics of headings]. Moscow: Kooperativnoe izdatel'stvo pisatelej «Nikitinskie subbotniki», 1931, 34 p.
10. Kulagin D.L. Funktsii russkikh skazok: filosofsko-kul'turologicheskii analiz [Functions of Russian fairy tales: philosophical and cultural analysis]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2017, no. 1, pp. 133-136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27683198> (accessed July 25, 2023).
11. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of ancient Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979, 145 p.
12. Monina T.S. Attraktivnaya funktsiya gazetnogo zagolovka [The attractive function of a newspaper headline]. *Sovremennaja paradigma gumanitarnykh issledovaniy: problemy filologii i kul'turologii: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Modern Paradigm of

- Humanitarian Research: Problems of Philology and Cultural Studies: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow: Pero Publ., 2018, pp. 22-28. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36326757> (accessed July 19, 2023).
13. Nikiforov A.N. *Skazka i skazochnik* [Fairy tale and storyteller]. Moscow: OGI Publ., 2009, 376 p.
 14. Propp V. *Morfologiya skazki* [Morphology of fairy tales]. Leningrad: «Academia» Publ., 1928, 152 p.
 15. Ushinsky K.D. *Pedagogicheskie sochineniya v 6 tomakh* [Pedagogical works in 6 volumes], vol. 2. Moscow: Pedagogika Publ., 1998, 350 p.
 16. Jung K.G. *Arkhitip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Renaissance Publ., 1991, 304 p.
 17. Brothers Grimm. *Kinder- und Hausmärchen. Auswahl*. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1971, 288 S.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Ловяникова Виктория Васильевна, доцент кафедры романо-германских языков, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Российская Федерация
lovyannikova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Lovyannikova, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, PhD in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov
44-46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russian Federation
lovyannikova@yandex.ru

Поступила 21.08.2023
После рецензирования 12.09.2023
Принята 16.09.2023

Received 21.08.2023
Revised 12.09.2023
Accepted 16.09.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199

УДК 811.111

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО МЕДИАДИСКУРСА В КОРОНАВИРУСНУЮ ЭПОХУ

А.В. Зорина, К.М. Амирханова

Обоснование. *Статья посвящена семантическому и дискурсивному анализу лексических единиц англоязычных новостных статей, направленных на освящение проблемы коронавируса в период 2020-2022 гг.*

Цель. *Данное исследование представляет анализ новостных статей газеты The Guardian, посвященных проблеме пандемии Covid-19 в период 2020-2022 гг.*

Материалы и методы. *В качестве материалов исследования были выбраны английские тексты газеты The Guardian, посвященные вопросам коронавируса. В исследовании применялись методы семантического и дискурсивного анализа, прием частичной выборки, описательный метод.*

Результаты. *В статье приводится подробный семантический и дискурсивный анализ используемых лексических средств. В результате анализа были выявлены наиболее типичные для данных текстов лексические средства, обеспечивающие такие его особенности, как информативность и экспрессивность. Подробно описаны особенности функционирования средств выразительности в количестве 2658 единиц.*

Область применения результатов. *Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по дисциплинам «Практический курс английского языка», «Иностраннный (англий-*

ский) язык», «Лексические аспекты перевода», а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Ключевые слова: новостной медиадискурс; лексические средства выразительности; лексема коронавирус; Covid-19

Для цитирования. Зорина А.В., Амирханова К.М. Лексические особенности англоязычного новостного медиадискурса в коронавирусную эпоху // *Современные исследования социальных проблем*. 2023. Т. 15, № 3. С. 180-199. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

LEXICAL FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE NEWS MEDIA DISCOURSE IN THE CORONAVIRUS ERA

A.V. Zorina, K.M. Amirkhanova

Background. *The article is devoted to the semantic and discursive analysis of lexical units of English-language news articles aimed at highlighting the coronavirus issue in the period of 2020-2022.*

Purpose. *The paper presents the results of the analysis of The Guardian news articles devoted to Covid-19 pandemic in the period of 2020-2022.*

Materials and methods. *The news articles of The Guardian newspaper devoted to coronavirus issues were selected as the research materials. The methods of semantic and discourse analysis, partial sampling, as well as descriptive method were used in the study.*

Results. *The article provides a detailed semantic and discursive analysis of the lexical means used in the texts. The analysis results reveal the most typical lexical means, providing such features as informativeness and expressiveness. The article provides a detailed description of functioning of expressive means in the total number of 2658 units.*

Practical implications. *The practical significance of the research lies in the fact that the results obtained can be used in practical classes in the disciplines “Practical course of the English language”, “Foreign (En-*

glish) language”, “Lexical aspects of translation”, as well as when writing term papers and final qualifying papers.

Keywords: news media discourse; lexical means of expression; lexeme; coronavirus; Covid-19

For citation. Zorina A.V., Amirkhanova K.M. *Lexical Features of the English-Language News Media Discourse in the Coronavirus Era. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2023, vol. 15, no. 3, pp. 180-199. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199

Такой значимый общественный институт, как массмедиа, не мог не претерпеть изменений и не оказаться под влиянием сложных трансформации и масштабные социальных изменений рубежа XX-XXI вв., которые затронули все стороны жизни современного общества: политическую и экономическую сферу, культуру, повседневность, стиль жизни. Эти изменения привели к преобразованию их структур, процессов взаимодействия с обществом и его институтами, массовой аудиторией и индивидуумами [1; 5, с. 85; 12]. В самом общем виде медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [2; 3; 6, с. 328].

В отечественной и зарубежной лингвистике особое внимание уделяется новостному дискурсу как старейшей разновидности медийного дискурса. Нидерландский лингвист Тён А. ван Дейк, говоря о новостном дискурсе, отмечает, что структуры медиатекстов необходимо рассматривать как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, а также каких интерпретации на основе собственного опыта читателями газет [9].

В связи с последними событиями, связанными с распространением коронавирусной инфекции по всему миру, и последующими изменениями в лексико-семантической системе языка, соответствующая англоязычная лексика сформировала определенную информационную картину мира, которая, в свою очередь, не могла не найти отражение в англоязычных СМИ. В связи с появлением

исследований так называемого «пандемического дискурса», под которым понимается многообразие текстов, репрезентирующих реальность пандемии, которую многие исследователи рассматривают как развивающуюся систему, у лингвистов появилась возможность изучать интенсивный процесс функционирования лексики конкретного языка и ее пополнения новыми словами не только для выражения новых значений, но и для выражения эмоциональных состояний высказывающихся по теме [4; 7; 10; 11], в том числе технологии построения алармистского дискурса [13, с. 153; 8, с. 56], а также изучать их лексические и стилистические особенности [14; 15].

Материал для настоящего исследования был организован в качестве мини-корпуса текстов. Эмпирической основой исследования послужили 90 новостных статей о коронавирусной инфекции англоязычного журнала *The Guardian* [16] за период с 2020 по 2022 гг. Анализ текстов выявил различные языковые средства выразительности в количестве 2658 единиц, 1115 из которых – средства выразительности в статьях 2020 г., 726 единиц – в статьях 2021 г. и 817 единицы – в статьях 2022 г.

Тематика рассматриваемых текстов обусловлена повышенным интересом читателей к проблеме COVID-19 в мире в первые годы его возникновения и распространения. Несмотря на то, что круг читателей широк, он ограничен спецификой их интересов. Термин является одним из показателей специфичности тематически обусловленных текстов. В изученном материале нами выявлено 362 термина (155 – в 2020 г., 70 – в 2021 г., 137 – в 2022 г.), из них 330 общемедицинских терминов (128 – в 2020 г., 89 – в 2021 г., 113 – в 2022 г.) и 32 медицинских термина с ковидным компонентом (18 – в 2020 г., 4 – в 2021 г., 10 – в 2022 г.).

Примеры из дискурса:

*“Early notification is critical to ensure **patients** receive the care they need, including access to **antivirals**”* (The Guardian, 2022).

*“Prioritising eye protection and face masks will prevent the spread of **coronavirus** more than disinfecting surfaces, research shows”* (The Guardian, 2021).

Отметим, что большая часть терминов (142 единицы: 79 – в 2020 г., 15 – в 2021 г., 45 – в 2022 г.) представляют собой словосочетания, т.е. включают в себя два и более компонента: *Coronavirus vaccine* (вакцина против коронавирусной инфекции), *vaccination programme* (программа вакцинации), *infectious disease* (инфекционное заболевание), *intensive care unit* (отделение реанимации и интенсивной терапии) и т.д.

Примеры из дискурса:

“*Prof Graham Medley, an expert in **infectious disease** modelling at the London School of Hygiene and Tropical Medicine, said the relaxation could lead to further lockdown measures in the new year*”. (The Guardian, 2020)

“*Hospitals have been told to prepare for the rollout of a **coronavirus vaccine** in as little as 10 days’ time, with NHS workers expected to be at the front of the queue, the Guardian has learned*” (The Guardian, 2020).

Отметим, что применение терминов связано с необходимостью реализации функции информативности в медийном тексте. Во-первых, общемедицинские термины используются с целью обозначения статуса медработников: *nurse* (медсестра), *medical adviser* (врач-консультант), *chief medical officer* (главврач), *family doctor* (семейный врач), *GP* или *General Practitioner* (врач общей практики) и т.д.:

“*NHS organisations have been asked to start vaccinating **nurses, doctors** and other staff as soon as additional supplies become available*” (The Guardian, 2020).

Во-вторых, термины используются с целью выделить заболевания, при которых коронавирус несет повышенную угрозу для пациентов: *cancer* (рак), *bronchial asthma* (бронхиальная астма), *diabetes mellitus* (сахарный диабет), *cardiovascular diseases* (сердечно-сосудистое заболевание), *tuberculosis* (туберкулез) и т.д.:

“*Diagnosis and treatment of **cancer**, including surgery, could be among the services at risk, he said in a separate tweet to Jeremy Hunt, the chair of the health select committee*” (The Guardian, 2020).

В-третьих, общемедицинские термины применяются для обозначения медицинских учреждений и их отделений: *hospital* (больница), *laboratory* (лаборатория), *intensive care unit* (отделение интенсивной терапии) и т.д.:

“And I understand this person had problems with breathing, and in many cases that’s because your oxygen levels drop dramatically, to the point where you collapse and need to be taken to an intensive care unit to receive oxygen” (The Guardian, 2020).

В-четвертых, отмечается использование общемедицинских терминов для обозначения медицинских процедур: *saliva test* (анализ слюны), *Swab test* (тест на мазок), *emergency department* (отделение неотложной помощи) и т.д.:

“Johnson said on 16 October that the tests would become available “to help control localised outbreaks” but the latest strategy also extends beyond saliva test trials announced for schools, universities and care homes” (The Guardian, 2020).

Наиболее частотными в текстах 2020 г. являются следующие общемедицинские термины – *hospital* (больница) – 103 совпадения; *health* (здоровье) и *virus* (вирус) – по 89 совпадений каждого термина; *test* (тест, анализ) – 88 совпадений; *vaccine* (вакцина) – 86 совпадений; в текстах 2021 г. – *test* (тест, анализ) – 102 совпадения; *health* (здоровье) – 88 совпадений; *vaccine* (вакцина) – 79 совпадений; *death* (смерть) – 69 совпадений; в текстах 2022 г. – *vaccination* (вакцинация) – 87 совпадений; *death* (смерть) – 76 совпадений; *vaccine* (вакцина) – 75 совпадений; *case* (случай заболевания, заболевание) – 74 совпадения.

Примеры из дискурса:

“However we are asking people to think carefully about their actions and the risk of spreading the virus” (The Guardian, 2020).

“With the advent of vaccines and the imminent ending of lockdowns, we might think that the impact of Covid-19 is coming to an end” (The Guardian, 2020).

“For almost two years we’ve been glued to a set of numbers: the grim trio of cases, hospitalisations and deaths that defined coronavirus in the UK” (The Guardian, 2020).

Медицинские термины с ковидным компонентом используются для маркировки следующих понятий: 1) название инфекции: *coronavirus* (коронавирус, коронавирусная инфекция), *Covid-19* (Ковид-19); 2) план действий по вакцинации населения против коронавирусной инфекции

и программ вакцинации: *Covid vaccination strategy* (стратегия вакцинации против коронавирусной инфекции); *Oxford vaccination programme* (Оксфордская программа вакцинация); 3) повседневные события, связанные с эпидемиологической ситуацией коронавирусной инфекции: *Covid immunization* (иммунизация против коронавирусной инфекции), *coronavirus regulations* (правила борьбы с коронавирусом), *coronavirus symptoms* (симптомы коронавируса), *Covid infection rates* (показатели инфицирования коронавирусом), *coronavirus death* (летальный исход от коронавируса); 4) название вакцин и *Pfizer/BioNTech* (Файзер), *AstraZeneca* (АстраЗенека), *Moderna* (Модерна); 5) название штаммов коронавирусной инфекции: *Omicron* (Омикрон) и т.д.

Примеры из дискурса:

*“But the government announced a change to its **Covid vaccination strategy** on Wednesday, saying second doses of the newly approved Oxford/AstraZeneca vaccine and the previously approved **Pfizer/BioNTech** jab would now be given up to 12 weeks after the first dose”* (The Guardian, 2020).

*“The prime minister is keen to claim victory for weathering the **Omicron** wave and placate lockdown-sceptics on his backbenches, who object to legal restrictions on daily life”* (The Guardian, 2020).

Наиболее частотными выступают следующие термины с ковидным компонентом: в текстах 2020 г.: *Covid-19* (Ковид-19) – 123 совпадения; *coronavirus* (коронавирус, коронавирусная инфекция) – 50 совпадений; в текстах 2021 г. – *Covid-19* (Ковид-19) – 140 совпадений; *coronavirus* (коронавирус, коронавирусная инфекция) – 26 совпадений; в текстах 2022 г. – *Covid-19* (Ковид-19) – 229 совпадений в 2022 г.; *coronavirus* (коронавирус, коронавирусная инфекция) – 35 совпадений в 2022 г.

*“Aside from key workers, PCR tests are only available to people with symptoms of **Covid-19**”* (The Guardian, 2020).

*“With the advent of vaccines and the imminent ending of lockdowns, we might think that the impact of **Covid-19** is coming to an end”.* (The Guardian, 2020).

*“Britain’s safety at work regulator refused to investigate reports from NHS trusts that 10 frontline staff had died as a result of catching **Covid-19** during the pandemic”* (The Guardian, 2020).

Наличие общемедицинской лексики и новой лексики с конкретным компонентом (в данном случае с компонентом, маркирующим название заболевания) способствует информационной насыщенности новостного текста: оценка качества исполнения дополнена перечислением элементов программы.

Ономастическое пространство выступает в качестве одной из важнейших характеристик новостного медийного дискурса. В рассматриваемых текстах были выявлены антропонимы в количестве 155 единиц (61 единица в текстах 2020 г., 53 единицы в текстах 2021 г., 41 единица в текстах 2022 г.). Среди них имена политиков (15 фамилий в текстах 2020 г., 14 – в текстах 2021 г., 15 – в текстах 2022 г.), врачей (9 фамилий в текстах 2020 г., 9 – в текстах 2021 г., 6 – в текстах 2022 г.), административных работников сферы здравоохранения, к которым относятся руководители медицинских учреждений, работники Министерства здравоохранения (37 фамилий в текстах 2020 г., 23 – в текстах 2021 г., 4 – в текстах 2022 г.), профессоров университетов и колледжей (9 – в текстах 2021 г., 9 – в текстах 2022 г.), медийных личностей в текстах 2022 г. (спортсмены, актеры, журналисты и т.д.) – 7 единиц. В текстах 2020 г. наиболее часто встречаются имена премьер-министра Великобритании (с 2019 по 2022 гг.) Бориса Джонсона (*Boris Johnson*) (27 употреблений), премьер-министра Уэльса Марка Дрейкфорда (*Mark Drakeford*) (26 употреблений), министра здравоохранения Великобритании (с 2018 по 2021 гг.) Мэттью Хэнкока (*Matt Hancock*) (13 употреблений). В статьях 2021 г. наиболее частотными выступают имена Бориса Джонсона (*Boris Johnson*) (14 употреблений) и Марка Дрейкфорда (*Mark Drakeford*) (4 употребления). В текстах 2022 г. наиболее частотными являются имена первого директора Института инфекций и иммунитета им. Питера Доэрти Шарон Левин (*Sharon Lewin*) (11 употреблений) и исполнительного директора вневедомственного органа в Англии, отвечающего за надзор фондов Национальной службы здравоохранения *NHS Improvement*, Аманды Притчард (*Amanda Pritchard*) (10 употреблений). Использование антропонимов в новостных медийных текстах акцентирует внимание на личности, ее отношении и оценке происходящего.

Примеры из дискурса:

“**Mark Drakeford**, first minister for Wales, said before the meeting: “The choice is a grim one” (The Guardian, 2020).

“**Boris Johnson** is not expected to announce further restrictions on Monday after he is briefed on the impact Christmas had on Covid infections and hospital pressures” (The Guardian, 2020).

“But the Doherty Institute’s **Sharon Lewin**, a professor of medicine and an infectious diseases physician and one of the experts at the forefront of the national effort against the pandemic, said comparing case numbers between countries is now “meaningless” (The Guardian, 2020).

В рассматриваемых текстах был зафиксирован такой вид онимов, как топоним – названия стран, городов, улиц и т.д. – в количестве 166 единиц (75 единиц в текста 2020 г., 36 единиц в текстах 2021 г., 55 единиц – в текстах 2022 г.). В текстах, посвященных проблеме распространения коронавирусной инфекции в мире, топонимы употребляются для указания стран и городов, в которых зафиксировано наибольшее или наименьшее количество случаев заражения коронавирусом, смертей и поправившихся пациентов, мест введения карантинных мер на момент создания статьи, для маркировки местоположения медицинских учреждений и иных организаций, имеющих отношение к проведению различных мероприятий, связанных с пандемией COVID-19 – проведение вакцинации и лабораторных исследований, открытие нового медицинского центра, проведение научно-практических конференций и симпозиумов, посвященных проблеме коронавируса и т.д. В текстах 2020 г. наиболее частотными являются следующие географические названия: Англия (*England*) – 89 употреблений, Уэльс (*Wales*) – 62 употребления, Лондон (*London*) – 21 употребление. В текстах 2021 г. также наиболее часто фигурируют Англия (*England*) – 70 употреблений, Уэльс (*Wales*) – 47 употреблений, Лондон (*London*) – 19 употреблений. В текстах 2022 г. частотность словоупотреблений сохраняется за указанными выше географическими названиями, при этом наблюдается существенное снижение количества употреблений: Англия (*England*) – 32 употребления, Уэльс (*Wales*) – 9 употреблений

и Лондон (*London*) – 6 употреблений, так как снижается острота темы распространения нового вируса и основной акцент делается на предупреждении повторения пандемии.

Примеры из дискурса:

*“The changes mean people from tiers 1 and 2 in **England** can go on holiday to **Wales**”* (The Guardian, 2020).

*“In **London**, the decrease in rough sleepers was the largest on record, with numbers down by 422 people from 2019, a 37% drop”*. (The Guardian, 2021)

*“**Australia** has now had a total of 7,794 Covid deaths: 2,239 over 2020 and 2021 and 5,555 in 2022 so far”* (The Guardian, 2020).

Еще одной разновидностью онимов, обнаруженных нами в рассматриваемых текстах, выступили эргонимы – названия организаций (названия политических органов, учебных заведений, медицинских организаций, домов престарелых и т.д.) – в количестве 144 единиц (71 единица в текста 2020 г., 62 единицы в текстах 2021 г., 11 единиц – в текстах 2022 г.). Наиболее частотная лексема данного типа – название правительства Великобритании (*The British Government, UK Government*) используется 71 раз в текстах 2020 г., 77 – в текстах 2021 г., 55 – в текстах 2022 г. В текстах 2020 г. наиболее часто по сравнению с текстами 2021 г. и 2022 г. упоминается Национальная служба здравоохранения Великобритании (*National Health Service*) – 14 употреблений по сравнению с 5 и 3 употреблениями в статьях 2021 г. и 2022 г. соответственно. В рассматриваемых текстах в количестве 1 единицы также встречается такой вид эргонима, как гемероним (названия СМИ) – «Гардиан» (*The Guardian*). В текстах 2020 г. данная лексема встречается 22 раза, в текстах 2021 г. – 8 раз, в текстах 2022 г. – 31 раз. Применение эргонимов придает новостному тексту официальность, а также характеризует отношение мирового медицинского, политического, образовательного и других сообществ к проблемам, связанных с распространением коронавирусной инфекции.

Примеры из дискурса:

*“There was, Johnson told Keir Starmer at prime minister’s questions, “unanimous agreement across all the **UK government**, across all the*

devolved administrations, including members of all parties, including his own, that we should proceed in principle with the existing regulations, because we don't want to criminalise people's long-made plans" (The Guardian, 2020).

"In an interview with the Guardian, Drakeford said: "What ought to happen is the mirror image of what the UK government is doing" (The Guardian, 2020).

Для медийного новостного дискурса характерна передача эмоциональной стороны происходящего события. Выразительность обеспечивается использованием положительно или негативно окрашенной лексики. Лексика с негативной коннотацией составляет 386 единиц (147 лексем в текстах 2020 г., 82 лексемы в текстах 2021 г., 157 лексем в текстах 2022 г.), в то время как лексические единицы с положительной коннотацией составляют 182 единицы (62 лексемы в текстах 2020 г., 35 лексем в текстах 2021 г., 85 лексем в текстах 2022 г.). Во всех рассматриваемых текстах наиболее частотными выступают описательные прилагательные: 180 прилагательных с отрицательной коннотацией (88 единиц в текстах 2020 г., 44 единицы в текстах 2021 г., 48 единиц в текстах 2022 г.) и 55 прилагательных с положительной коннотацией (19 единиц в текстах 2020 г., 13 единиц в текстах 2021 г., 23 единицы в текстах 2022 г.). Во всех рассматриваемых текстах наиболее частотным прилагательным с отрицательной коннотацией является лексема *high (высокий)* – 29 совпадений в текстах 2020 г., – 48 совпадений в текстах 2021 г., 27 совпадений в текстах 2022 г.: *high risk (высокий риск)*, *high level of coronavirus restrictions (высокий уровень ограничений в отношении коронавируса)*, *high levels of Covid patients (высокий уровень заболеваемости ковидом)*, *not high vaccination rates (невысокие показатели вакцинации)*; *a death toll higher than any other country (число смертей выше, чем в любой другой стране)*. Также наиболее часто встречающимися отрицательно окрашенными прилагательными в текстах 2020 г. являются следующие лексемы – *rising (растущий, возрастающий)* – 12 совпадений: *rising number (растущее число)*, *rising caseloads (растущее количество пациентов)*; *intense (интенсивный, напряжённый)* – 11

совпадений: *intense pressure* (жесткое давление). В текстах 2021 г. наиболее часто встречается прилагательное *poor* (плохой, слабый, скудный, недостаточный) – 16 совпадений: *poor mental health* (слабое психическое здоровье), *poor vaccination rollout planning* (плохое планирование внедрения вакцинации). В статьях 2022 г. наиболее частотными также является прилагательное *vulnerable* (уязвимый, ранимый) – 15 совпадений: *vulnerable students* (уязвимые учащиеся), *vulnerable segments of the population* (уязвимые слои населения).

Примеры из дискурса:

“*She also told Scots to avoid all travel between **high prevalence areas** and low prevalence areas – in particular, avoiding travel to or from Scotland and tier 3 areas in England*” (The Guardian, 2020).

“*On Thursday the first minister, Nicola Sturgeon, requested military support for ambulance crews to help with the **intense pressure** services have been experiencing, adding she expected challenges to remain “for a period as the **Covid pressure** continues and as we go into the winter months*” (The Guardian, 2021).

“***Vaccination levels are high, antibody levels are high, and the spread of infectious disease tends to increase in the summer***” (The Guardian, 2022).

Среди прилагательных с положительной коннотацией наиболее часто встречающаяся лексема в текстах 2020 г. – прилагательное *safe* (безопасный) – 11 совпадений: *safe environment* (безопасная среда); *keep staff safe* (обеспечить безопасность персонала). В текстах 2021 г. было выявлено прилагательное *low* (низкий) с положительной окраской в количестве 55 повторений: *low Covid prevalence areas* (районы с низкой распространенностью коронавирусной инфекции); *low rates of disease development* (низкие темпы развития заболевания). В текстах 2022 г. наиболее частотным выступает прилагательное *available* (доступный, имеющийся в наличии; пригодный) – 19 совпадений: *available free tests* (доступные бесплатные тесты); *vaccination appointments available* (доступны записи на вакцинацию).

Пример из дискурса:

“*He said healthcare workers “deserve to work in a **safe environment**”.* (The Guardian, 2020).

Среди лексических единиц, подчеркивающих напряжение в обществе, связанное с пандемией коронавируса, можно также выделить следующие лексемы в текстах 2020 г.: *rule* (*правило*) – 55 употреблений, *restriction* (*ограничение*) – 40 употреблений, *isolation* (*изоляция*) – 36 употреблений, *spread* (*распространение, распространяться*) – 29 употреблений, *increase* (*повышение, повышаться*) – 28 употреблений, *death* (*смерть*) – 27 употреблений; в текстах 2021 г. – *restriction* (*ограничение*) – 42 употребления, *risk* (*риск, рисковать*) – 40 употреблений, *spread* (*распространение, распространяться*) – 26 употреблений; в текстах 2022 г. – *risk* (*риск, рисковать*) – 46 употреблений, *die* (*умирать*) – 34 употребления, *increase* (*повышение, повышаться*) – 26 употреблений. В текстах 2020 г. положительно окрашенная лексика представлена следующими лексемами: *effectiveness* (*эффективность*) – 14 употреблений, *relaxation* (*восстановление сил, ослабление, облегчение*) – 9 употреблений. В статьях 2021 г. и 2022 г. наиболее частотными являются две лексемы: *hope* (*надежда, надеяться*) – 15 употреблений в текстах 2021 г. и 11 употреблений в текстах 2022 г., *fall* (*падение, снижение, падать, снижаться*) – 15 употреблений в текстах 2021 г. и 11 употреблений в текстах 2022 г., *freedom* (*свобода*) – 7 употреблений в текстах 2021 г. и 8 употреблений в текстах 2022 г.

Примеры из дискурса:

“*Labour backed the idea of a circuit breaker – a short lockdown severing some social contact – on Tuesday but cabinet ministers are understood to be split over its **effectiveness** and the desire to protect the economy*” (The Guardian, 2020).

“*Since March 2022 case numbers from the daily government dashboard have **tumbled**. A fall that has coincided with the government’s Living with Covid plan: as restrictions **fell** away in England, so did cases*” (The Guardian, 2020).

С целью экономии места в новостных статьях часто встречается использование аббревиатур. Наиболее частотными являются: 1) названия организаций и групп, например, *NHS* (*National Health Service*) (*Национальная служба здравоохранения Великобритании*) –

89 упоминаний в текстах 2020 г., 14 упоминаний в текстах 2021 г., 24 упоминания в текстах 2022 г.; *ONS (Office for National Statistics) (Национальная статистическая служба Великобритании)* – 97 упоминаний в текстах 2020 г., 139 упоминаний в текстах 2021 г., 221 упоминание в текстах 2022 г.; *SAGE (Scientific Advisory Group on Emergencies) (Научно-консультативная группа по чрезвычайным ситуациям)* – 14 упоминаний в текстах 2020 г., 12 упоминаний в текстах 2021 г., 15 упоминаний в текстах 2022 г.; 2) названия государств: *UK (United Kingdom) (Великобритания)* – 111 упоминаний в текстах 2020 г., 51 упоминание в текстах 2021 г., 34 упоминания в текстах 2022 г.; *US (United States) (Соединенные Штаты)* – 344 упоминания в текстах 2022 г.; 3) названия должностей и профессий: *GP (General Practitioner) (врач общей практики)* – 46 упоминаний в текстах 2020 г.; *Dr (Doctor) (доктор, врач)* – 82 упоминания в текстах 2021 г.; *Prof (Professor) (профессор)* – 21 упоминание в текстах 2021 г.; 4) названия государственных программ: *PBS (Pharmaceutical Benefits Scheme) (Схема фармацевтических льгот правительства Австралии)* – 12 употреблений в текстах 2022 г.; 5) названия тестов: *RAT (rapid antigen test) (экспресс-тест на антиген)* – 17 употреблений в текстах 2022 г.

Примеры из дискурса:

“The first minister, Mark Drakeford, insisted the two-week “fire-break” – under which schools, shops, pubs and hotels will close and citizens will be told to stay at home – was needed to prevent thousands more deaths and the NHS becoming overwhelmed” (The Guardian, 2020).

“Last month, the NSW Law Society president, Joanne van der Plaats, wrote to Perrottet, warning him the fines were having “a disproportionate and unjust impact on certain vulnerable groups of people, and in particular children and Aboriginal people” (The Guardian, 2020).

Показательным представляется факт присутствие в так называемой «коронавирусной лексике» слов, относящихся к следующим темам:

1) «война»: **fight** against coronavirus; **fight** anti-vaccine misinformation, Covid **frontline**:

*“In a letter seen by the Guardian, NHS test and trace claims it is embarking on an “important new front in our **fight** against coronavirus”*

and asks all directors of public health to sign up to receive rapid-result test kits for up to a tenth of their populations every week, to contain outbreaks and preserve freedoms” (The Guardian, 2020).

*“NHS staff on **Covid frontline**: “There’s no let-up, it’s just constant”* (The Guardian, 2020).

2) «спорт»: *It wasn’t a **race**; the prime minister famously said; yet now he’s claiming the **win**:*

*“In the far west, the tiny town of Wilcannia reached a total of 88 cases on Friday, as authorities **raced** to build temporary accommodation for the surge in the healthcare workforce”* (The Guardian, 2021).

3) «преступление»: *virus is still a killer; imprisonment; conviction; evidence; accusation:*

*“Whitty said mortality rates from Covid-19 were “significantly greater” than seasonal flu, which **killed** about 7,000 annually, or up to 20,000 in a bad year”* (The Guardian, 2020).

Данный прием используется как средство передачи тревожных настроений и характерен прежде всего для текстов 2020 и 2021 гг.

Таким образом, можно сделать вывод, что новостной дискурс в период развития и распространения коронавирусной инфекции отмечен использованием большого количества общемедицинских терминов и специфических терминов, появившихся с возникновением Covid-19. Использование аббревиатур позволяет кратко передавать информацию, используя сокращенные названия организаций, государств, должностей и т.д. Ономастическое пространство новостных статей представлено топонимами, эргонимами и антропонимами. Эмоциональность текстов обеспечивается при помощи использования лексем с негативной и положительной коннотацией.

Список литературы

1. Варганова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: МГУ, 2019. 224 с.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. М.: URSS. 2020. 286 с.

3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/medialingvistika-aktualnye-napravleniya-izucheniya-mediarechi> (дата обращения: 03.10.2023).
4. Изотова О.В. Корпусное исследование пандемического дискурса // Nomolocoens: язык и культура. Диалог культур в условиях открытого мира. Вып. 6. СПб: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. С. 268-272.
5. История и теория медиа: учебное пособие / А.Н. Кабацков. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 89 с.
6. Календр А.А. Медийный дискурс как преобразование информации // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5(60). С. 326-329. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynnyu-diskurs-kak-preobrazovanie-informatsii> (дата обращения: 07.09.2023).
7. Карачина О.Е. Язык пандемии: лингвокультурологические аспекты // Russian Linguistic Bulletin. 2020. №2 (22). URL: <https://rulb.org/archive/2-22-2020-june/iazyk-pandemii-lingvokulturologicheskie-aspekty> (дата обращения: 02.10.2023).
8. Катермина В.В. COVID-19 как лингвистическое явление (на материале текстов англоязычных СМИ) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 51-58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-19-kak-lingvisticheskoe-yavlenie-na-materiale-tekstov-angloyazychnyh-smi/viewer> (дата обращения: 21.04.2022).
9. Тён А. ван Дейк Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
10. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палоши И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63-79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>
11. Редкозубова Е.А. Covid-лексика: этимологический и словообразовательный аспекты (на материале русского, английского и немецкого

- языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 193-199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-leksika-etimologicheskij-i-slovoobrazovatelnyy-aspekty-na-materiale-russkogo-angliyskogo-i-nemetskogo-yazykov> (дата обращения: 10.08.2023).
12. Татаринov В.А. Язык СМИ как объект филологического исследования и как предмет медиалингвистики // Язык средств массовой информации. 2007. С. 14-30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-kak-obekt-filologicheskogo-issledovaniya-i-kak-predmet-medialingvistiki> (дата обращения: 02.10.2023).
13. Храброва Е.С. Конструирование дискурса алармизма в медиапространстве Великобритании (на примере освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 2(37). С. 152-162.
14. Billig M. Rhetorical uses of precise numbers and semi-magical round numbers in political discourse about COVID-19: Examples from the government of the United Kingdom // *Discourse & Society*. 32(5), pp. 542-558. <https://doi.org/10.1177/09579265211013115>
15. Castro Seixas E. War Metaphors in Political Communication on Covid-19 // *Frontiers in Sociology*, 2020; no. 5. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.583680>
16. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Vartanova E.L. *Teorija media: otechestvennyy diskurs* [Media theory: Native discourse]. Moscow: Moscow State University Publ., 2019, 224 p.
2. Dobrosklonskaya T.G. *Voprosi izuchenija mediatekstov: Opit issledovaniya sovremennoi angliyskoy mediarechi* [Questions of studying media texts: Research experience of modern English media language]. Moscow: USSR Publ., 2020, 286 p.
3. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: Aktualnie napravlenija izuchenija mediarechi* [Media linguistics: Current trends in the study of media speech]. *Vestnik Moscovskogo universiteta* [The Moscow University Bulletin], 2020, vol. 4, pp. 26-38.

4. Izotova O.V. Korpusnoe issledovanie pandemicheskogo diskursa [Corpus research of pandemic discourse]. *Homoloquens: Yazik i kultura. Dialog kultur v usloviyah otkritogo mira* [Homoloquens: language and culture. Dialogue of cultures in an open world], 2021, vol. 6. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., pp. 268-272.
5. Kabatskov A.N. Istoriya i teoriya media: uchebnoe posobie [History and theory of media: book for students]. Perm: Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, 2020, 89 p.
6. Kalendr A.A. Medijnyj diskurs kak preobrazovanie informacii [Media discourse as interpretation of information]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Culture, Science and Education], 2016, no 5 (60), pp. 326-329. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediynnyy-diskurs-kak-preobrazovanie-informatsii> (assessed September 09, 2023).
7. Karachina O.E. Jazyk pandemii: lingvokul'turologicheskie aspekty [Language of pandemic: linguistic and cultural aspects]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 2(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/language-of-pandemic-linguistic-and-cultural-aspects> (assessed October 02, 2023).
8. Katermina V.V. COVID-19 kak lingvisticheskoe yavlenie (na materiale tekstov angloyazychnykh SMI) [COVID as a linguistic phenomenon (jn the material of foreign mass media texts)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [Bulletin of the Chuvash State University named after I. Yakovlev], 2020, no. 3(108), pp. 51-58.
9. Teun A van Dijk. Diskurs i vlast': Rerezentacija dominirovaniya v jazyke i kommunikacii [Discourse and power: representation of dominance in language and communication], Moscow: Knizhnyy dom «Librokom» Publ., 2013, 44 p.
10. Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Paloshi I.V. Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the coronavirus era: Linguo-cognitive aspect. *Nauchnyi dialog* [Science Dialogue], 2021, no. 1, pp. 63-79. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>
11. Redkozubova E.A. Covid-leksika: etimologicheskij i slovoobrazovatel'nyy aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov) [COVID-vocabulary: etymology and word-formation aspects]

- (based on Russian, English, German)]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2020, no. 4, pp. 193-199. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/covid-leksika-etimologicheskii-i-slovoobrazovatelnyy-aspekty-na-materiale-russkogo-angliyskogo-i-nemetskogo-yazykov> (assessed August 10, 2023).
12. Tatarinov V.A. *Yazyk SMI kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya i kak predmet medialingvistiki* [The language of mass media as an object of philological research and the focus of medialinguistics]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [The Language of Mass Media], 2007, pp.14-30.
 13. Khrabrova E.S. *Konstruirovaniye diskursa alarmizma v mediaprostranstve Velikobritanii (na primere osveshcheniya pandemii COVID-19)* [Construction of alarmism discourse in the UK media (on the basis of COVID pandemic media coverage)]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*. [Actual Issues of Modern Philology and Journalism], 2020, no. 2(37), pp. 152-162.
 14. Billig M. *Rhetorical uses of precise numbers and semi-magical round numbers in political discourse about COVID-19: Examples from the government of the United Kingdom*. *Discourse & Society*, 2021, no. 32(5), pp. 542-558. <https://doi.org/10.1177/09579265211013115>
 15. Castro Seixas E. *War Metaphors in Political Communication on Covid-19*. *Frontiers in Sociology*, 2021, no. 5(20). <https://doi.org/10.3389/fsoc.2020.583680>
 16. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/international> (accessed February 06, 2023).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зорина Анна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры европейских языков и культур
*Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан,
420008, Российская Федерация
azorina@mail.ru*

Амирханова Карина Муратовна, старший преподаватель кафедры европейских языков и культур
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, Республика Татарстан, 420008, Российская Федерация
carrie11@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna V. Zorina, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of European Languages and Cultures
Kazan Federal (Volga Region) University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
azorina@mail.ru
SPIN-code: 1211-5779
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9642-3803>
ResearcherID: O-4587-2016
Scopus Author ID: 57142169300

Karina M. Amirkhanova, Senior Lecturer, Department of European Languages and Cultures
Kazan Federal (Volga Region) University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420008, Russian Federation
carrie11@yandex.ru
SPIN-code: 2001-0370
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7461-3270>
Researcher ID: E-4878-2015
Scopus Author ID: 57191969495

Поступила 10.10.2023
После рецензирования 03.11.2023
Принята 10.11.2023

Received 10.10.2023
Revised 03.11.2023
Accepted 10.11.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-200-220

УДК 811.111.373

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИТИВНОСТИ КОНЦЕПТА ИДЕНТИЧНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ)

Л.Б. Здановская

Обоснование. *Глобальное перераспределение соотношения сил, вызванное нарушением баланса геополитических интересов ведущих мировых держав, способствовало актуализации в границах русского лингвокультурного пространства явлений, сопряженных с акцентуацией категорий экзистенциальной значимости, среди которых особую позицию занимает концепт ИДЕНТИЧНОСТЬ.*

Цель. *Статья посвящена исследованию реализации ценностно-го аспекта оппозитивности концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в русской лингвокультуре.*

Материалы и методы. *Материалом для данного исследования послужила статья президента РФ В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021г.»; интервью министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова; интернет-публикация российского журналиста И.А. Яковенко «Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы; выступления государственных и политических деятелей России в телевизионном политическом шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым». При написании статьи применялись следующие методы: лексико-семантический, сравнительно-сопоставительный, дискурсивный, контекстуальный анализ.*

Результаты. *В ходе исследования была проанализирована специфика дифференцированной объективации концепта ИДЕНТИЧ-*

НОСТЬ в русском языке; систематизированы различные теоретические подходы к обоснованию оппозитивной природы языковой реализации исследуемого концепта; установлена фактуальная взаимозависимость исследуемого концепта с категорией «языковое сознание»; выявлена интегративная особенность реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в русском языковом пространстве; описана признаковая характеристика концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в составе субъектов оппозиции СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ.

Область применения результатов. Полученные результаты исследования могут найти практическое применение при разработке учебных пособий и учебников по лингвокогнитивному анализу концептов на основе дихотомических моделей.

Ключевые слова: аксиология; концепт; концептуальная оппозитивность; субъекты дихотомии; языковое сознание; языковая личность; языковое пространство; ценности

Для цитирования. Здановская Л.Б. Аксиологический аспект реализации оппозитивности концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ (на примере дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 200-220. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-200-220

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE CONCEPT IDENTITY OPPOSITION REALIZATION (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY)

L.B. Zdanovskaya

Background. The global redistribution of the balance of power, caused by the imbalance of the geopolitical interests of the leading world powers, contributed to the actualization within the boundaries of the Russian linguistic and cultural space of phenomena associated with the accentuation

of existential significance categories among which the concept IDENTITY occupies a special position.

Purpose. *The article is devoted to the study of the implementation of the value aspect of the concept IDENTITY opposition in Russian linguistic culture.*

Materials and methods. *The material for this study was the article of the President of the Russian Federation V.V. Putin On the historical unity of Russians and Ukrainians. July, 12, 2021; interview with the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov; Internet publication of the Russian journalist I.A. Yakovenko Disintegration of the Russian Federation: Scenarios and Prospects; speeches of state and political figures of Russia in the television political show Evening with Vladimir Solovyov. When writing the article, the following methods were used: lexical-semantic, comparative-contrastive, discursive, contextual analysis.*

Results. *In the course of the study the specifics of the differentiated objectification of the concept IDENTITY in the Russian language were analyzed; various theoretical approaches to the substantiation of the oppositional nature of the language implementation of the concept under study were systematized; the factual interdependence of the studied concept with the category “linguistic consciousness” was established; an integrative feature of the implementation of the concept IDENTITY in the Russian language space was revealed; the indicative characteristic of the concept IDENTITY in the composition of the subjects of the opposition CREATION – DESTRUCTION was described.*

Practical implications. *The results of the study can find practical application in the preparation of teaching aids and textbooks on the linguo-cognitive analysis of concepts based on dichotomous models.*

Keywords: *axiology; concept; conceptual opposition; subjects of dichotomy; linguistic consciousness; linguistic personality; language space; values*

For citation. *Zdanovskaya L.B. Axiological Aspect of the Concept Identity Opposition Realization (by the Example of the Creation – Destruction Dichotomy). Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 200-220. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-200-220*

Введение

Цель. Обосновать специфику аксиологической составляющей репрезентации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ субъектами дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ.

Актуальность предпринятого исследования определяется контекстно-вариативной актуализацией концепта «идентичность» в русском языковом пространстве. Дифференцированные походы к изучению и описанию указанного понятия обусловили сложность систематизации теоретических концепций, представленных в исследованиях российских лингвокультурологов, представителей аксиологической лингвистики и лингвокогнитологии. Научная новизна исследования заключается в предложенном автором описании интегративной структуры концепта «идентичность», отображенной субъектами дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ, демонстрирующими нежесткую закреплённость границ оппозиции, сопряжённую с проявлением внутрисемантической трансформации. Принципиальное изменение методов и способов политико-идеологического обоснования приоритетной значимости мультикультурной представленности национальных интересов способствовало актуализации в русском языковом сознании ценностных категорий, противопоставляемых идее однополярного доминирования отдельного этноса в мировом культурно-лингвистическом мейнстриме.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили труды ученых, крупнейших представителей российской аксиологической лингвистики когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, публикации руководителей РФ, работы российских журналистов, выступления политологов и общественных деятелей России. Выявленная в ходе исследования признаковые характеристики аксиологической составляющей концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ, реализованные субъектами дихотомии СОЗИДАНИЕ / РАЗРУШЕНИЕ, подвергнуты лексико-семантическому, сравнительно-сопоставительному, дискурсивному, и контекстуальному анализу.

К явлениям, актуализируемым процессами оппозитивности в политическом дискурсе, относят противоположения, отмеченные аксиологической направленностью реализации национальная идентичность ↔ региональная идентичность. Указанная оппозиция соотносится с противопоставлением *стирание границ политического, социально-культурного, экономико-географического плана* ↔ «активизация национальной и региональной идентичности» [16, с. 110]. Процесс дифференциации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ обусловлен актуализацией в языке и речи категорий, отправляющих к ценностному обоснованию значимости человеческой личности в отображении национального и этнокультурного самосознания и понимания собственной сопряженности с событиями и явлениями окружающей действительности в границах определенного культурно-языкового пространства. Итогом явилась объективация в русском языке следующего тематического ряда: *национальная идентичность, общероссийская гражданская идентичность, региональная идентичность, языковая идентичность, культурная идентичность, религиозная идентичность, историческая идентичность, этническая идентичность, ценностная идентичность.*

Теоретическое обоснование категории *языковое сознание*, выступающего главным условием знаковой реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в социальном и лингвокультурном пространствах изложено в трудах В.И. Карасика, рассматривающего указанное понятие в качестве одной из ключевых составляющих организации речи человека, формой выражения которой выступает избранное им средство общения – коммуникативная способность [6]. И.В. Привалова, подчеркивая этнокультурную значимость сознания, настаивает на его обязательном структурировании [12]. А.П. Чудинов, М.В. Никифорова акцентируют внимание на отображаемом в языковом сознании внутреннем мире человека, формирование которого обусловлено фактором «региональной идентичности» [16]. Э.А. Китанина, Цзэн Ялинь настаивают на взаимозависимой корреляции понятий *ценностная идентичность личности* и *гражданская позиция политического деятеля* [7].

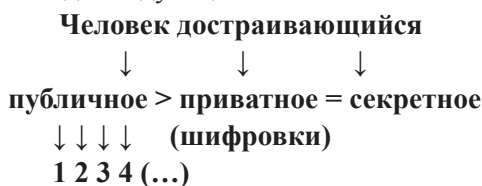
Результаты и обсуждение

Категория идентичности применительно к ситуации общения в реальной действительности обусловлена языковым сознанием индивида. *Человек разумный (homo sapiens)*, выступая носителем языкового сознания, определяется как языковая личность, тип которой обусловлен ценностным, поведенческим, познавательным факторами. В.И. Карасик указывает на закрепление в языковом сознании человека понимания собственной идентичности, соотносимой с этническими и социальными условиями его существования и в пределах уникальности собственной личности [6, с. 6]. Для понимания специфики реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в русском языковом пространстве обратимся к данным толковых словарей. В большинстве источников определение лексемы *идентичность* выводится из латинского атрибута *identicus* – *тождественный, одинаковый*, обозначая тождественность или полное совпадение чего-л. с чем-л. [9, с. 417; 10, с. 236]. Вычленяемые в языковом сознании фрагменты осмысленной человеком действительности объективируются в языке и могут иметь следующие измерения: этно-, социо-, личностно-культурное [6, с. 6]. И.В. Привалова обосновывает правомерность существования этнолингвокультурного сознания, представленного в виде триединой структуры, оформленной взаимно проницаемыми лингвистическим, когнитивным и культурным компонент-пространствами, соразмерными национальному пространству [12, с. 42]. Приведенные концепции позволяют предположить о взаимообусловленном характере терминов *идентичность*, *языковое сознание* и *этнолингвокультурное сознание*. Близкими в семантическом плане являются единицы *идентификация* и его дериват *самоидентификация*. Лексема *идентификация* в области психологии и социологии обозначает процесс признания тождественности, самоотождествления личности с другим человеком или группой людей эмоционального либо другого плана выражения [9, с. 417]. Компонент *само* в слове *идентификация* придает значение обращенности к самому себе [10 с. 693]. Проследим использование указанных единиц в следующих высказываниях: «Зачатки

*патриотизма как отношения к границам «своего пространства» <...> возникли <...> из чувства родовой кровной связи и ощущения коллективной самоидентификации» [1, с. 4]; «Национальная идентификация потеряна. Огромный глубинный пласт культуры уничтожен» (2.06.2022, С. Михеев, «Вечер с Вл. Соловьевым», Россия 1). В представленных иллюстрациях словосочетания *коллективная самоидентификация* и *национальная идентификация*, демонстрируя семантическое сходство в языковом выражении, актуализируют полярно противоположные смыслы. В первом случае единица *коллективная самоидентификация* имплицитно подразумевает положительный коннотативный признак *необходимое условие формирования любви к Отечеству*, усиливаемый использованием посессива *свое* и прилагательных *родовая, кровная (связь)*. Исторически предопределенное формирование преданности Родине на основе *коллективной самоидентификации* ассоциативно сопряжено с концепцией СОЗИДАНИЯ. Во втором примере словосочетание *национальная идентификация*, вбирая негативный смысл *невосполнимая утрата*, передает общую отрицательную эмоционально-экспрессивную тональность высказывания, соотносимую с идеей РАЗРУШЕНИЯ.*

Исходя из главенствующей роли человека как основного и единственного актанта действия, проявляющего себя как личность в рамках определенного этнокультурного пространства и придерживающегося определенных стандартов, и ориентиров поведения в зависимости от конкретных обстоятельств и мотивации, следует предположить возможную трансформацию понятия *человек разумный (homo sapiens)* в современных условиях. В.И. Карасик, характеризуя языковые способы означивания меняющейся действительности, констатирует факт появления и закрепления в языковом пространстве понятия *«человек в новой реальности»*. Единица *человек разумный (homo sapiens)*, по наблюдению исследователя, интерпретируется в современной действительности как *«человек достраивающийся»* [5, с. 13]. Данное «перевоплощение», как отмечает В.И. Карасик, находит отображение в коммуникативном плане реализации, обуславливая вероятностное изменение соотношения

пространств *публичное – приватное – секретное*. Основываясь на предположении ученого об изменении данной корреляции в современных условиях, представим трансформацию соотношения данных категорий в виде следующей схемы:

Указанный график отображает представленные исследователем характеристики пространств, актуализирующие изменение их соотношения: 1) неравнозначность компонентов *публичное пространство / приватное пространство*, демонстрирующих расширение сферы первого («*публичное первое, публичное второе, публичное третье, публичное четвертое*») и сомнительные перспективы выделения второго; 2) приватное пространство, принимающее форму «особых шифровок»; 3) уподобление *приватного* пространства *секретному* при их фактической дифференциации в прошлом [Там же]. Появление в языковом пространстве концепта «коллективный иммунитет», в понимании исследователя, отражает степень защищенности *человека достраивающегося* от угрозы здоровью физическому и психическому, обладающего «коммуникативной сопротивляемостью», то есть «коммуникативным иммунитетом» [Там же, с. 14]. Указанная метафора, с одной стороны, воплощает идею СОЗИДАНИЯ (формирование «коммуникативной защиты от потенциальной опасности здоровью и жизни человека), с другой стороны, содержит имплицитный смысл РАЗРУШЕНИЯ как необходимого противодействия угрозе экзистенциальной человеческой ценности. *Человек достраивающийся*, с точки зрения В.И. Карасика, обладает необходимыми качествами (гибкий, приспособливающийся») для существования в измененных условиях *новой идентичности*, приспособливаясь к новой реальности, *достраивая, созидая, и трансформируя, разрушая* ее.

Трансформация понятия *человек разумный (homo sapiens)*, сопрягается, в нашем представлении, с противопоставлением *ста-*

тическая позиция актанта действия (разумный) ↔ динамическая позиция актанта действия (достраивающийся). По В.И. Карасику, отличительная характеристика человека *достраивающегося* – «постоянное увеличение собственных возможностей» – актуализирует на ассоциативном уровне концептуальный признак *созидательное действие*. Исходя из указываемой ученым специфики разграничения пространств коммуникативного плана, считаем возможным обозначить принцип взаимообусловленных отношений, реализуемый в составе следующих субъектов оппозиции: *публичное ↔ приватное; приватное ↔ секретное; публичное ↔ секретное*.

Устанавливаемые границы пространства соотносимы с понятием *региональная идентичность*. Фокус исследования феномена *региональной идентичности* раскрывается на основе противопоставления *дифференциация ↔ объединение* разноплановых компонентов региональной идентичности (природно-географический, духовно-нравственный, исторический и др.). Процесс формирования региональной идентичности отмечен оппозитивностью проявления. С одной стороны, ограниченный, локальный характер выражения идентичности акцентируется использованием адъектива *региональный*, противопоставляемого в семантическом плане атрибуту *национальный*; с другой стороны, человек, обозначающий свою личную соотнесенность с этнической территорией, осознает себя частью национальной культуры, будучи интегрированным в ценностные ориентиры социума, ограниченного территориально-географическим фактором. Формирование *региональной идентичности*, анализируемое на психологическом и психолингвистическом уровнях, строится на основе соотношения *внутренний мир личности – внешняя среда*. А.П. Чудинов, М.В. Никифорова обращают внимание на позицию зарубежных исследователей, рассматривающих понятие *региональной идентичности* как составляющую *коллективной* [16, с. 110]. Разграничение *региональной, национальной и общеевропейской* идентичности подчинено полярно выраженной актуализации действия: *интеграция ↔ дезинтеграция*. На основании данных толковых словарей лексема

интеграция закрепляет свое значение по глаголу *интегрировать* – объединять в одно целое [10, с. 249; 15, с. 227]. Единица *интеграция* определяется как понятие, предполагающее связность в единое целое дифференцированно представленных частей, функций системы, и процесс, приводящий к подобному состоянию [9, с. 435]. Префикс *dez-* обозначает удаление, прекращение, уничтожение чего-л. [8, с. 152]. Таким образом, единицы *интеграция* / *дезинтеграция* демонстрируют оппозитивность семантической закреплённости значений. Реализация взаимообратного процесса противоположения прослеживается в следующем высказывании: *«Интегративные и дезинтегративные тенденции присутствуют постоянно в каждом государстве. Доминирование интегративных обеспечивает устойчивое существование государства. Если же берут верх дезинтегративные тенденции, государство распадается. Российская Федерация выстраивается заново»* [17]. В представленном примере оппозитивность соотношения *интегративные тенденции – дезинтегративные тенденции* подкрепляется использованием противоположных по значению словосочетаний *существование государства – государство распадается*, иллюстрирующими реализацию противоположения, аналогичную взаимообусловленной специфике соотнесенности субъектов дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ. И.А. Яковенко относит понятие «русский народ» к категории устойчивых стереотипов, не подверженных расчленению, представляющих собой синкретичную целостность. Опровержением этого сложившегося представления является исторически сформировавшееся разделение населения на две противоположные в географическом отношении группы: *северяне – южане* [17]. На своеобразное противостояние близких, но существенно различающихся народностей, обращал внимание Д.К. Зеленин, который настаивал не только на отсутствии сходства, но и сохранении принципиальных отличий указанных групп населения: *Север России – Юг России* [3]. По мнению ученого, отнесенность к определенной группе, выступающая своеобразным идентифицирующим фактором, нашла отражение в нацио-

нальной политике. В качестве обоснования своего вывода автор приводит факт наличия «неустранимого южнорусского акцента» у М.С. Горбачева, негативно воспринимавшегося в политических кругах России. Отсылка к конкретным историческим событиям содержится в следующей цитате: «Еще недавно советская идеология соединяла страну в единое целое, предлагала общие идентичности и маскировала цивилизационные различия регионов» [17]. В приведенном высказывании словосочетание *советская идеология*, отмеченное негативной коннотацией, имплицитно отрицательный смысл *инициатор принудительного объединения*. Субъекты противоположения, формирующие соотношение *общие идентичности* ↔ *цивилизационные различия*, соотносимые с актантами оппозиции СОЗИДАНИЕ / РАЗРУШЕНИЕ, демонстрируют тенденцию к проявлению внутрисемантической трансформации, при которой концептуальный признак *искусственное единство*, сопряженный с идеей СОЗИДАНИЯ, противопоставлен характеристике *этнокультурное своеобразие*, отправляющей к процессу РАЗРУШЕНИЯ.

Примером языковой реализации единицы *общероссийская гражданская идентичность* может служить следующий фрагмент: «Осмысление социальных, культурных <...> процессов и явлений с опорой на традиционные ценности <...> позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность» [14, с. 2]. Определение *общероссийская* в составе указанного словосочетания имплицитно признает *интеграционное единство народов*, позволяя сделать заключение о семантическом сходстве с единицей *национальная идентичность*. Актуализация указанного концептуального признака фиксируется в следующей иллюстрации: «<...> взаимное признание исторической общности белорусского и русского народов, признание культурной, языковой, религиозной идентичности <...>» [11]. Использование автором различных определений к лексеме *идентичность*, усиливая эмоционально-экспрессивный оттенок высказывания, передает *созидательный* смысл *коллективное самосознание братских народов*.

Отрицательное отношение главы российского государства В.В. Путина к сложившейся политической ситуации передано в следующем фрагменте: «<...> *Но дело в том, что на Украине сегодня ситуация совершенно другая, поскольку речь идёт о принудительной смене идентичности*» [13]. Негативная коннотация прилагательного «принудительный» в составе единой смысловой конструкции имплицитно признаёт: *насильственные действия, отречение от родственных корней, предание традиций, уничтожение преемственности, лишение выбора.*

Ценностная идентичность личности, с позиции Э.А. Китаниной, Цзэн Ялинь, определяется вектором гражданской позиции политических деятелей. Исследователи понимают под системой ценностей модель мышления, отмеченную признаком относительной стабильности, формируемую в определенных условиях социального и экономического развития общества. Анализ ценностных убеждений, установленных стандартов, ориентации и норм, отправляют к понятию «устойчивая концептуальная модель», в которой понятие «ценность» и «концепт» получают тождественные определения [7, с. 230].

Система ценностей, исследуемая авторами в аспекте политического дискурса, раскрывается на основе выразительных средств языка национальный менталитет и психологические особенности политических деятелей. Исследователи, исходя из концепции о закреплении за определенной языковой личностью уникального в языковом плане менталитета, указывают на выявленные различия ценностных смыслов, отстаиваемых представителями российской политики. Ценностные ориентиры российских политиков и государственных деятелей, как утверждают исследователи, опираются на ценностный уровень развития страны, основой которого выступают *независимость, автономность, культурная уникальность нации* [Там же, с. 228]. К основополагающим ценностям, выделяемым в языковом менталитете российских политиков, исследователи относят *великодержавность, безопасность, справедливость, «свой путь».*

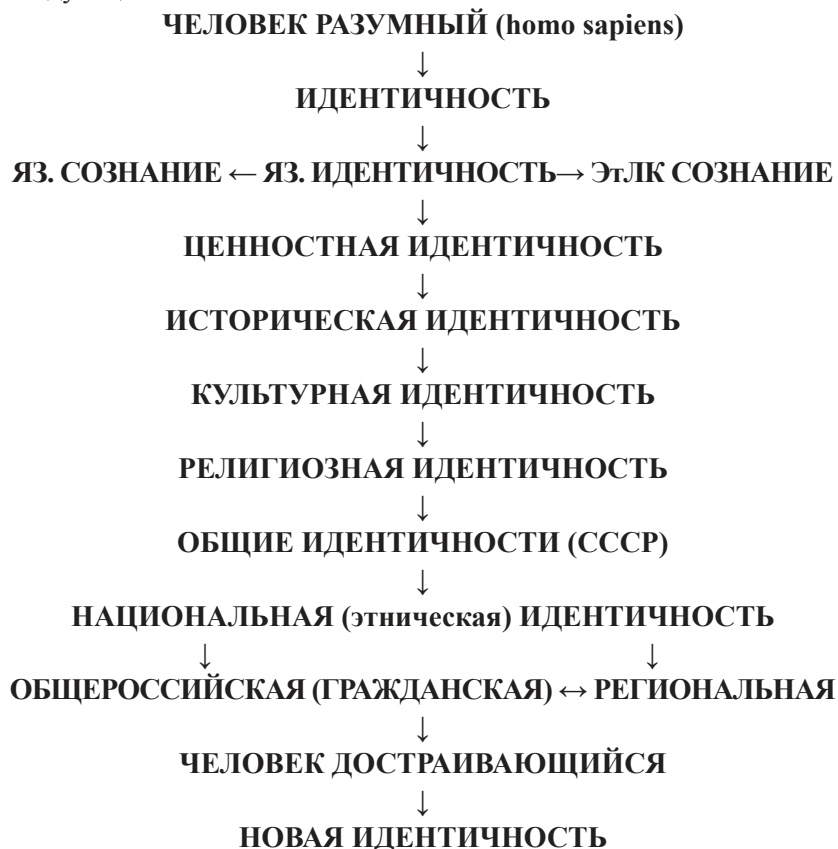
В отобранной нами цитате С.В. Лавров акцентирует внимание аудитории на проблеме цивилизационных ценностей, отстаиваемых Российским государством на протяжении длительного исторического периода: «*После революции Советский Союз <...> никогда не бросал в общий «плавильный котел» присоединившиеся или присоединенные народы. Наша страна всегда сохраняла их языки, традиции, культуру, религию, их этническую и историческую идентичность*» [2]. Субъектами оппозиции в данном фрагменте представлены следующим соотношением: *плавильный котел* (РАЗРУШЕНИЕ) ↔ *этническая и историческая идентичность* (СОЗИДАНИЕ). Повышенная эмоционально-экспрессивная окрашенность высказывания достигается включением метафоры «плавильный котел», актуализирующей признак *вероятностное исчезновение национальной уникальности многочисленных малых народов*. Министр противопоставляет конструктивную, *созидательную* деятельность Советского Союза *деструктивным* методам «переплавляющего» народы американского правительства, руководствующегося принципом американской исключительности.

Интересным, на наш взгляд, является дифференцированное употребление Э.А. Китаниной, Цзен Ялинь ключевой категории аксиологии – «ценности» при сопоставлении высказываний государственных чиновников и президента России. Применительно к речам С.В. Лаврова и М.В. Захаровой ученые используют лексику *ценности*, при анализе выступлений В.В. Путина ими вводится конкретизирующий адекатив *политические* [7, с. 229]. Учитывая факт присутствия общей для указанных лиц сферы деятельности – *политики*, следует

сделать предположение о возможной соотнесенности данного различия с реализацией аксиологической характеристики *степень государственной ответственности*. В данном контекстном прочтении единицы *ценности* и *политические ценности* отмечены оппозитивной актуализацией признаковых характеристик: *интегративность (коллективная ответственность госчиновников)* ↔ *дифференциация (личная ответственность главы государства)*

перед народом). С.И. Ионова, указывая на значимость аксиологической составляющей в речи общественных и государственных деятелей, акцентирует внимание на факте позиционирования официальной системы ценностей политиками, обусловленном их коммуникативной ролью и социальным статусом [4, с. 22-23].

Рассмотренные иллюстративные примеры, демонстрирующие дифференцированность объективации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в русском языковом пространстве, указывают на взаимозависимость категорий *актант коммуникативного действия (homo sapiens) – языковое сознание – идентичность*, отображенную в следующей схеме:

Представленная схема, отображающая интегративную специфику реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ, позволяет указать следующее толкование: концепт ИДЕНТИЧНОСТЬ, структурируясь в ментальном сознании человека (единственного обладателя коммуникативной способности), объективируется в знаковой форме, формируя *языковую идентичность* на основе *языкового сознания*, отправляющего к *этнолингвокультурному сознанию* (*ЭтЛК сознание*). Указанные структуры воплощают собой совокупное, целостное образование – *ценностную идентичность*, вбирающую последовательно формируемые *историческую, культурную, религиозную составляющие*, «слияние» которых (период существования СССР) привело к закреплению в русском языке понятия *общие идентичности*. Последующее «вычленение» *национальной (этнической) идентичности*, реализованное в границах пространства, определенного языковым сознанием социума (отдельной личностью), принимает форму оппозиции, субъектами которой выступают единицы *общероссийская (гражданская) идентичность* ↔ *региональная идентичность*. Фактуальный характер непрерывно меняющейся действительности означен трансформацией единицы *человек разумный*, следствием которой явилось закрепление в русском языковом пространстве понятие «человек *достраивающийся*» (термин В.И. Карасика) – «человек в *новой реальности*», соотносимое с термином *новая идентичность*.

Предпринятое исследование аксиологического аспекта репрезентации оппозитивности концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ на примере дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ позволило нам заключить о следующем:

1. Аксиологическая специфика реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ обусловлена актуализацией в языке и речи признаков характеристик, отправляющих к ценностному обоснованию значимости человеческой личности в отображении национально-го и этнокультурного самосознания: *патриотизм, кровная связь, традиционные ценности, единство, историческая общность, культурная уникальность нации, безопасность, угрозы и вызовы, вели-*

кодержавность, независимость, автономность, культурная уникальность нации, интеграционное единство народов, коллективное самосознание братских народов.

2. Анализ изложенных теоретических концепций, обосновывающих оппозитивность реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ, подтверждает обязательность присутствия категории *языковое сознание*, выступающей главным условием знаковой реализации исследуемого концепта в русском лингвокультурном пространстве.

3. Интегративность реализации концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ в русском языке подтверждается следующим тематическим рядом: *национальная идентичность, общероссийская гражданская идентичность, региональная идентичность, языковая идентичность, культурная идентичность, религиозная идентичность, историческая идентичность, этническая идентичность, ценностная идентичность.*

4. Указанная структура концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ представлена субъектами дихотомии СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ, демонстрирующими нежесткую закрепленность границ оппозиции, сопряженную с проявлением внутрисемантической трансформации в составе следующих соотношений: *человек разумный (статическая позиция) ↔ человек достраивающийся (динамическая позиция); общие идентичности ↔ цивилизационные различия; коллективная самоидентификация и национальная идентификация; интеграция ↔ дезинтеграция; общие идентичности ↔ цивилизационные различия.*

5. Закрепление в языковом сознании человека аксиологического смысла *уникальность собственной личности*, обусловленного этническими и социальными условиями его существования, является признаковой характеристикой концепта ИДЕНТИЧНОСТЬ.

Список литературы

1. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008. 200 с.
2. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова к информационно-просветительскому уроку «Разговор о

- важном», посвященному теме «Россия и мир», Москва, 12 февраля 2023 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1853575/ (дата обращения: 27.05.2023).
3. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Издательство «Индрик», 1995. 432 с.
 4. Ионова С.И. Круглый стол «Языковые способы обозначения меняющейся действительности», 31 октября 2020 г. (Тезисы) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. инст. рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. С. 22-23.
 5. Карасик В.И. Круглый стол «Языковые способы обозначения меняющейся действительности», 31 октября 2020 г. (Тезисы) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. инст. рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. С. 13-14.
 6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
 7. Китанина Э.А., Цзэн Ялинь Отражение ценностных ориентиров в языковом менталитете политика // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. инст. рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. С. 225-231.
 8. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2007. 960 с.
 9. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2007. 1456 с.
 10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. 944 с.
 11. Пленарное заседание Евразийского экономического форума, 24 мая 2023 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71198> (дата обращения: 27. 05. 2023).
 12. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. М.: Гнозис, 2005. 472 с.

13. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. 12 июля 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 14.06.2022).
14. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 27.05.2023).
15. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2008. 960 с.
16. Чудинов А.П., Никифорова М.В. Вербализация региональной идентичности в политическом дискурсе: Большой Урал – Урал – УрФО – Свердловская область – Екатеринбург // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Гос. инст. рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. С. 110-118.
17. Яковенко И. А. Дезинтеграция РФ: сценарии и перспективы. URL: <https://polit.ru/article/2002/08/29/475587/> (дата обращения: 25.05.2023).

References

1. Vorkachev S.G. *Ideya patriotizma v russkoj lingvokul'ture* [The idea of patriotism in Russian linguistic culture]. Volgograd: Paradigma Publ., 2008, 200 p.
2. *Interv'yu Ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii S. V. Lavrova k informacionno-prosvetitel'skomu uroku «Razgovor o vazhnom», posvyashchennomu teme «Rossiya i mir»* [Interview of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov for the information and educational lesson “Talk about the Important”, dedicated to the theme “Russia and the world”, Moscow, February 12, 2023]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1853575/ (accessed May 27, 2023).
3. Zelenin D.K. *Izbrannye trudy. Oчерki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian mythology: Those who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995, 432 p.

4. Ionova S.I. Kruglyj stol «Yazykovye sposoby oboznacheniya menyayushchejsya dejstvitel'nosti» 31 oktyabrya 2020 goda (Tezisy) ["Linguistic ways of designating changing reality" panel, October 31, 2020 (Abstracts)]. *Sovremennaya rossijskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik statej* [Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity: Collection of Articles]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina Publ., 2020, pp. 22-23.
5. Karasik V.I. Kruglyj stol «Yazykovye sposoby oboznacheniya menyayushchejsya dejstvitel'nosti» 31 oktyabrya 2020 goda (Tezisy) ["Linguistic ways of designating changing reality" panel, October 31, 2020 (Abstracts)]. *Sovremennaya rossijskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik statej* [Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity: Collection of Articles]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina Publ., 2020, pp. 13-14.
6. Karasik V.I. *Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002, 477 p.
7. Kitanina E.A., Czen Yalin'. Otrazhenie cennostnyh orientirov v yazykovom mentalitete politika [Reflection of value orientations in the language mentality of a politician]. *Sovremennaya rossijskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik statej* [Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity: Collection of Articles]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina Publ., 2020, pp. 225-231.
8. Kuznecov S.A. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The modern explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint Publ., 2007, 960 p.
9. *Novyj enciklopedicheskij slovar'* [New encyclopedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija Publ.: RIPOL classic Publ., 2007, 1456 p.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: OOO ITI Tekhnologii, 2007, 944 p.

11. *Plenarnoe zasedanie Evrazijskogo ekonomicheskogo foruma. 24 maya 2023g.* [Plenary meeting of the Eurasian Economic Forum, May 24, 2023]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71198> (accessed May 27, 2023).
12. Privalova I.V. *Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii): Monografiya* [Interculture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication): Monograph]. Moscow: Gnozis Publ., 2005, 472 p.
13. Putin V.V. *Ob istoricheskom edinstve russkih i ukraincev. 12 iyulya 2021g.* [On the historical unity of the Russians and Ukrainians. July 12, 2021]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (accessed June 14, 2022).
14. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 g. «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej»* [Decree of the President of the Russian Federation of November 09, 2022 “On the approval of the foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed May 27, 2023).
15. Ushakov D.N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya redakciya* [The unbridged dictionary of the Russian language. Modern edition]. Moscow: OOO Dom slavyanskoj knigi, 2008, 960 p.
16. Chudinov A.P., Nikiforova M.V. Verbalizaciya regional'noj identichnosti v politicheskom diskurse: Bol'shoj Ural – Ural – UrFO – Sverdlovskaya oblast' – Ekaterinburg [Verbalization of the Regional Identity in Political Discourse: Greater Urals – Urals – Ural Federal District – Sverdlovsk Region – Yekaterinburg]. *Sovremennaya rossijskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti: sbornik statej* [Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity: Collection of Articles]. Moscow: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina Publ., 2020, pp. 110-118.
17. Yakovenko I.A. *Dezintegraciya RF: scenarii i perspektivy* [Desintegration of the Russian Federation: Scenarios and Prospects]. URL: <https://polit.ru/article/2002/08/29/475587/> (accessed May 27, 2023).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Здановская Лидия Борисовна, доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
ул. Калинина 13, г. Краснодар, 350044, Краснодарский край, Российская Федерация
zdanovskaya2903@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Lidia B. Zdanovskaya, Associate Professor of the Chair of Foreign Languages
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
13 Kalinina Str., 350044, Krasnodar, Krasnodar Region, Russian Federation
zdanovskaya2903@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2488-2506>

Поступила 11.06.2023

После рецензирования 11.07.2023

Принята 17.07.2023

Received 11.06.2023

Revised 11.07.2023

Accepted 17.07.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-221-234
UDC 81 – 112.2

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

FILM TITLE AS UNIT OF TRANSLATION AND IMAGE-SENSE (BASED ON ENGLISH AND KOREAN)

E.A. Kolodina, I.V. Pashkova

Purpose. *The article focuses on the study of film titles that we consider an integral part of cinema text from the point of view of its special sign nature. A film title gives the key to the subject matter of the film story line. The translator faces a number of challenges as it is essential to capture the semantic multidimensionality of the original title in order to transmit accurately the same vision, sense and tonality embodied in the original title.*

Methodology. *The study is done in the light of the synergetic approach to film translation that emphasizes the dominant role of the image-sense and its influences on translation solutions. The polysemiotic nature of a film text should be taken into account while dealing with film title translations.*

Results. *The image-sense is an integral unity that can be cognized only in the context of the whole as the essence of semiosis, unity of individual and general, creating an authentic image in a viewer's mind. Image-sense is characterized by unpredictability and ambiguity that can be eliminated due to video image and the interaction of some semiotic systems in creating an integral entity. The research materials are film dialogues of Korean and American feature films.*

Keywords: *film translating; cinema text; image-sense; film title; synergetics*

For citation. *Kolodina E.A., Pashkova I.V. Film Title as Unit of Translation and Image-Sense (based on English and Korean). Sovremennyye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 221-234. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-221-234*

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

НАЗВАНИЕ ФИЛЬМА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА И СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА-СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Е.А. Колодина, И.В. Пашкова

Цель. Настоящая статья посвящена проблеме изучения названия фильма как неотъемлемого элемента кинотекста с точки зрения его особого знакового статуса. В статье анализируется его специфика и роль при переводе названий фильма, что в конечном итоге позволяет выявить доминантную роль образа-смысла, влияющую на выбор того или иного переводческого решения.

Методология проведения работы. На основе синергетического подхода создана теоретическая модель, в рамках которой дано научное объяснение закономерностей синергетического взаимодействия семиотических систем фильма в процессе создания образа-смысла кинодиалога, функционирующего в пространстве кинодискурса.

Результаты. Смысл исследуемого объекта формируется по принципу образования образа-смысла – единства индивидуального и общего, создающего оригинальную аутентичную картину в сознании реципиента. Образ-смыслу свойственна непрогнозируемость и неоднозначность, устраняемая благодаря наличию видеоряда и взаимному влиянию нескольких семиотических систем в процессе создания целого.

Материалом исследования послужили кинодиалоги художественных фильмов корейского, российского и американского производства, вышедших на экраны в период с 2000 по 2018 гг.

Ключевые слова: киноперевод; кинотекст; образ-смысл; название фильма; синергетика

Для цитирования. Колодина Е.А., Пашкова И.В. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла (на материале английского и корейского языков) // *Современные исследования социальных проблем.* 2023. Т. 15, № 3. С. 221-234. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-221-234

Introduction

Being an integral part of modern society, cinema has strong influence on shaping personal and linguo-cognitive attitudes of an individual: “It is often films (irrespective their artistic merits or demerits) that are both the main source and a means of creating the image of a ‘foreign’ culture [13 p. 65]. Films are considered a complex media multimodal representation of the world, they are the object of a certain linguistic and cultural environment [15, p. 159]. The popularity of a particular film is largely determined by its title. The title usually complies with the story, idea, philosophy and style of the film, reflect the content and artistic conception. It implies, therefore, that titles should be comprehensible, succinct, intriguing, designing as soon as they should be attractive for the target audience [1, p. 1199]. It is worth noting that film titles are vivid representative materials for the study of modern translation practices in the light of the cultural transference concept taking into account their structural, semantic, and functional pragmatic features [2, p. 435]. It is well known that “The title begins its life long before the release of a film: gripping minds, giving rise to some associations and making potential spectators watch or reject it” [5, p. 227]. Thus, the film title is the key to its success and effective perception; it leads to viewers’/recipients’ positive reviews.

Theoretical framework

From a linguistic point of view, the film title or the “filmonim” (in terms of E.V. Knysh) is analyzed along with the text title. This means there is a functional similarity of the two above-mentioned notions. Being an integral element of the film text, it is important to emphasize that the film title has a particular sign status. Its linguistic nature reveals its unique sign theory: the reception of a film can be predicted before-

hand by the perception of its film title. The relation that exists between the *signifier* and the *signified* is arbitrary, *based* on convention, or, to use the technical term, unmotivated. The sign becomes motivated after watching a film, the connection between the sign and its denotatum is conventional: “On the one hand, the title is a formal sign (it denotes the form, which content is unknown at first). On the other hand, it is motivated and has its unique meaning” [14, p. 8-9].

In other terms, the title used *before* the film text is a conventional sign “giving a clue” to the content of the film text. It is an indicator referring to the text as a physical object (seeing only a set of graphic signs, viewers don’t know about a film’s content).

The title informs consumers of a given text’s content *after* the film text when the latter is represented as a whole. Therefore, it is logical to conclude that the film title is a “metatext sign” since the viewer/recipient tries to understand the text by means of constant sense-giving (Hans-Georg Gadamer’s term). H.G. Gadamer points out that “a person who is trying to understand a text is always projecting.” He projects a meaning for the text as a whole as soon as some initial meaning emerges. Again, the initial meaning emerges only because he is reading the text with particular expectations. “Working out this fore-projection, which is constantly revised in terms of what emerges as he penetrates into the meaning, is understanding what is there” [3, p. 269].

According to N.A. Kozhina, the title “has two categorical relationships with an artistic text: nomination (serves as the title of the text itself) and predication (makes the statement about the text)”. The title represents the main theme of a work in a summary form. Moreover, the understanding of the object-matter is retrospective for a reader; it arises after finding out more about the title and the text. The end of the text “makes the reader refer to the title again, this time implicitly, in order to interpret the nomination foundation of an artistic text” [10, p. 21].

Consequently, we find it appropriate to speak of image-sense formation because analyzing film titles has a high degree of complexity since it is connected to a few semiotic systems. Its detailed study facilitates defining denotative meaning of the text. In our view, it can be used for

translating film titles which are according to V.E. Gorshkova apt remark: “a kind of quintessence of the image-sense” [5, p. 246].

Based on the ideas of the prominent philosopher and theorist of cinema G. Deleuze, who considers this form of art to be the technology of creating image-senses, V.E. Gorshkova has introduced the term “image-sense”.

Considering them to be component parts of cinema as a system of images and signs, G. Delueze explores time-image and movement-image. The author concludes that “Cinema itself is a new practice of images and signs, whose theory philosophy must produce a conceptual practice” [8, p. 641]. Relying on the notions proposed by the philosopher G. Delueze, V.E. Gorshkova attempts to expand the technology of film images by introducing the notion of “image sense.” Such interpretation makes it possible, on one hand, to create an integral representation of the cinematographic image, and, on the other hand, to take into consideration a verbal component of the film: the film dialogue, which is of great importance as subject matter of cinema translation [7].

V.E. Gorshkova gives a detailed analysis of image-sense’s dominant role in a film that determines both the translation and the choice of the title itself. The researcher classifies titles according to the principal of retaining the image-sense [6, p. 33-34]: translation of film titles based on the use of absolute equivalents along with retaining the image-sense; adequate film title translation into Russian; inadequate film title translation into Russian.

Statement of the problem and method

The purpose of our research is the use of image-sense within the framework of the translation process from the theory of self-organising systems’ point of view: synergy. We consider it possible to use postulates of the modern synergetic paradigm to analyze the object in our work. Since it puts forward an idea of dynamic process polyvariety, it suggests alternative ways to develop complicated systems. We believe that this approach will let us see the dynamic nature of image-sense formation. The choice of an appropriate translation is determined by a number of possible directions through the image-sense system.

There is still no theoretical basis for film analysis as a set of semiotic systems despite a huge influence of cinema on our life. This is mostly due to the fact that films are the most complicated semiotic objects of study. The research study is verbal and nonverbal means of cinema text, creating the sense of film dialogue that is revealed in the film discourse. Film dialogues play a key role in understanding the film as a whole therefore it is essential to determine what methods and approaches have certain specifics in film title translation.

In our opinion, it is essential to use this approach to analyze translation strategies within the framework of synergy. We will reveal the status of image-sense as the fundamental unit and this, in turn, can help the translator make the right decision and avoid mistakes working on film text.

The methodological basis for the research is the works devoted to the study of verbal and non-verbal in creolized/polycode texts, cinema language, current research based on the linguistic approach to cinema texts, film scripts and dialogues. The methodology of this study has a comprehensive nature and comprises traditional and time-proven research methods of linguistics. The paper utilizes general scientific methods of collection/selection, description, analysis and generalization of the empirical material and scientific data. The study employed the linguistic analysis method, the comparative and contrastive method, cognitive discourse analysis, a synergetic approach to linguistics to produce the chief study findings.

L.V. Kushnina gives a detailed analysis of the essence of translation as a synergetic process revealing the systematic nature of translation with regard to the theory of harmonization. Translation is understood as a continuous process of interlingual and intercultural communication consisting of synergetic communication of the meaning on continuum field structures [13, p. 111]. The energy field of translation space is the energy content of this process and the translator conveys it as emotive meaning. As noted by the researcher, the distinguishing characteristic of synergy is that this field is not the only one. The translator deals with many similar fields and each of them is the source of different meaning. Therefore, the translator must adjust these meanings taking into

consideration synergy's collective effect or harmonization of meaning and leaving the principle of overall unity unattended (in terms of L.V. Kushnina) [11].

Discussion

We assume that image-sense can be this “collective effect”. It is “holistic, it is understood only after taking into account the whole context. Image-sense is the essence of semiosis. It is the unity of the individual the whole, which creates a unique, authentic image in the recipient's mind” [9, p. 10].

Let us explain the previous paragraph by analyzing the title of the most popular South Korean film. It is a disaster film that attracted around 10 million viewers. The original name indicates health resort Haeundae located in the port city Busan. During its release in Russia, the film was titled *Tsunami*. Moreover, the year 2012 was on the film poster referring to the apocalypse. Therefore, we can consider this image-sense as a system of heterogenous codes to be interpreted and expressed in the target language by the translator.

The South Korean film *Parasite* by Bong Joon-ho is full of the codes that refer viewers to the “collective effect” transforming the image-sense into integral entity. This film won four awards at the 92nd Academy Awards, i.e., Best Picture, Best Director, Best Original Screenplay, and Best International Feature Film. *Parasite* is a social satire depicting class inequality and telling its viewers about two families, the poor Kim family and the rich Park family. The Kims live in a squalid basement flat, while the Parks lead an Instagram-perfect life. Capitalism, greed and class discrimination are the stand-out themes. Nowadays these problems are relevant and urgent than ever. This film is very interesting within the context of our study because its plot is rich in purely Korean moments, various hints, references and subtexts that refer to Korean reality, and therefore can clear to native speakers but Korean realities may be incomprehensible to people of different cultural backgrounds.

Firstly, let us turn to the names of the main characters. The father of the poor family Kim is called Ki-taek, his son is Ki-woo, and his daugh-

ter is Ki-jung. It should be recalled that, despite the fact that the Korean language is alphabetic-syllabic, all Korean names also have a hieroglyphic spelling, and in each case, the hieroglyph has a certain meaning. For example, according to the dictionary of the National Institute of the Korean language (국립국어원), the syllable 기 has several hieroglyphic analogues: 1) 기 氣 – power, energy; 2) 기 期 – class.

However, the Director Bong Joon-ho added the hieroglyph to the family names that in not used in people's names: 1. 맡기다, 위임하다 2. 기대다, 의지하다 3. 붙여 살다, 임시로 얹혀 살다 “to join, to adhere, to adapt”. The same hieroglyph is used in the film's name (기생충 (寄生生)). In fact, it consists of three hieroglyphs: “stick”, “life”, “insect”. In other words, it is “a living thing that sticks to others and lives at their expense”. Thus, it is logical to assume that the character's names reveal their lifestyle, attitudes and of course, they all are clear to any Korean. The image-sense is formed on the basis of a common collective linguistic entity. The mother has a completely different name. According to the Korean tradition, a woman does not take her husband's surname after the marriage, and the children belong to the father. However, the heroine also has an unusual name Mungwan consisting of two hieroglyphs in Korean that literally mean “gates, doors” and “stupidity, madness”.

Consequently, the approach presented allows us to use image-sense as a research tool to analyze patterns among film titles. Image-sense reveals similar approaches to the translation process and is often characterized by different substitutes and changes due to the peculiarities of various languages. Stylistic and axiological systems as well as the differences of cognitive processes connected with the particular nature of perception and translation of an “alien” culture-bound term, an (arte) fact, an event [13, p. 65]. The translator must provide a translation that correlates with each of the systems of image-sense.

Regarding image-sense as an actualizator of a cinema dialogue sense, [5, p. 247] we believe that the latter can be an invariant or a “target unit” that is essential to make sense of the source text and take the translator's decision [4, p. 262-263]. The translator renders sense by considering image-sense as a whole and giving a relevant equivalent in the target

language. Thus, having finished the interpretation stage, the translator makes a decision concerning the choice of a speech unit. This stage aims at linking the lexical item in the *target language* with its *equivalent* in the mother one.

The following example considers Andrew Niccol's film *In Time* released in the USA in 2011. The plot takes place in the future where the aging gene automatically stops at age 25. To extend one's life, time must be bought in increments of days, hours, or even seconds. The rich "earn" decades at a time (remaining at age 25), which allows them to become essentially immortal, while the rest beg, borrow or steal enough hours to make it through the day. The main character is Will Salas (Justin Timberlake), who is a poor man with rarely more than one day's worth of life on his life clock. When he saves Henry Hamilton (Matt Bomer) from time thieves, Will receives the gift of a century. He goes to the world of the wealth in New Greenwich to fight the system where time is a currency. The original title is *In Time*, but in the Russian release the film was under the name *Time* (*Vremya* / *Vremja*). We consider it to more adequate because it includes all the constituents of image-sense and appeals to Russian viewers'/recipients' cognitive attitudes to try to value time in the fast-paced world. Consequently, the title *Time* is a hyperonym and can form a holistic image-sense.

A wide range of meanings can be noticed when translating a film title into different languages. Let us take the film *Empty House* by Kim Ki Duk as an example. The main character, a young man, whose only possession is a motorcycle, spends his time riding around the city looking for empty apartments. After finding one, he spends time fixing himself something to eat, washing laundry and making small repairs in return for favors. The translation *Empty House* is a lexical transformation that holistically represents the image-sense. The film was released in the USA under the title *3-Iron*. It is worth mentioning that 3-Iron is a golf club used by the main character to punish the husband of an oppressed girl found in one of the empty houses. There are some transformations that indicate differences between the translation and the original. This example is essential for our research because it represents polyvareity when

choosing the most appropriate translation match by taking into account linguo-cognitive and ethnospecific peculiarities of the image-sense. However, in our opinion, this film title translation is not adequate because it does not reflect the main idea the film text. It can cause viewers' / recipients' cognitive dissonance and it is unlikely to make an impact and could even prevent the literal perception of the plot.

It should be noted that in some cases, this polyvariance requires clarification when choosing a translation solution, since it may be important in a particular case. For example, in the film *Parasite* (2019), one of the main characters Ki-woo forges a diploma of Yonsei university in order to get a job in a rich house and shows it to the lady of a rich house. The choice of the University is not accidental: no other University would be suitable for the purposes of Ki-woo, because each University has its own image. The top three universities in the country are abbreviated SKY, each letter means one of the universities: Seoul State University (Seoul National University), Korea University and Yonsei University. But you need to know that, according to the Koreans, the graduates of Seoul State University have the image of nerds and geeks who are not adapted to social life. The graduates of Korea University have a reputation of being lady-killers and businessmen who drink a lot, party and have fun. Yonsei has a reputation as the University of "gilded youth", it is a university for the elite, i.e., smart people with connections and position. Therefore, from the Korean point of view, the choice of the university is obvious. However, as we can see, there has not been made any remarks in the translation referring to this information, and therefore the image-sense in this case is not formed and is not fully foregrounded.

Conclusion

Thus, film name translation is a complex work, because to make a good name, the translator should have strong language foundation of basic knowledge, the strong cultural background information and translation exercise [6, p. 124]. The study of *film title translations has shown that considering image-sense as a synergetic, whole unit*

with all its components in the translation process allows the choice of the most adequate translation aimed at cognitive and linguo-cultural specifics of the original. Image-sense creates an authentic image in viewers' minds, this integral entity can be cognized only in the context of the whole as the essence of semiosis, unity of individual and general.

References

1. Akeleksandrova O.I. Original'nye i perevodnye nazvaniya kinofil'mov kak osobyie funktsional'nye edinicy. [Original and translated film titles as specific naming units]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2017, 8(4), pp. 1191-1199. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199>
2. Anissimov V.E., Borissova A.S., Konson G.R. Lingvokul'turnaja lokalizacija kinozagolovkov [Linguocultural Localization of Movie Titles]. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(2), pp. 435-459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>
3. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy` filsofskoj germenevtiki* [Truth and Method: foundations of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress Publ., 1988, 704 p.
4. Garbovskiy N.K. *Teoriia perevoda* [Translation theory], Moscow: MSU Publ., 2004, 544 p.
5. Gorshkova V.E. et al. *Kinodialog. Obraz-smysl. Peregod* [Film dialogue. Image-sense. Translation]. Irkutsk: MGLU EALI Publ., 2014, 367 p.
6. Gorshkova V.E. Nazvanie fil'ma kak edinitsa perevoda i sostavliaiushchaia obraza-smysla [Film Title as a Unit of Translation and a Unit of Image-Sense]. *Vestnik PNIPU* [PNIPU Bulletin], 2014, no. 10, pp. 26-37.
7. Gorshkova V.E. Peregod kinodialoga v svete kontseptsii Zhilia Deleza [Film dialogue translation in the light of Gilles Deleuze's conception]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], 2016, pp. 16-26.

8. Deleuze G. *Kino I. Obraz-dvizhenie. Kino II. Obraz-vremia* [Cinema I. The Movement-Image. Cinema II. The Time-Image], Moscow: Ad. Marginem Publ., 2004, 622 p.
9. Kozhina N.A. *Zaglavie khudozhestvennogo proizvedeniia: Struktura, funktsii, tipologiia (na materiale russkoi prozy XIX–XX vv.)* [Artwork title: structure, function, typology (based on Russian prose XIX XX centuries)]. Abstract of PhD dissertation, 1986, 30 p.
10. Kolodina E.A. *Vzaimodeistvie semioticheskikh system pri formirovanii smysla kinodialoga* [Semiotic systems interaction in the formation of film dialogue sense]. PhD dissertation. Irkutsk, 2013, 168 p.
11. Kushnina L.V. *Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtalt- sinergeticheskii podkhod* [Dynamics of translation Space: gestalt and Synergetic Approach]. Perm': PSU Publ., 2003, 232 p.
12. Kushnina L.V. *Perevod kak sinergeticheskaiia sistema* [Translation as a synergetic system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaia i zarubezhnija filologiia* [Perm University Bulletin. Russian and Foreign Philology], 2011, no. 3(15), pp. 81-86.
13. Milevich I.G. *Strategii perevoda nazvanii fil'mov* [The translation strategies of movie titles]. *Russkii iazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad], 2007, 5, pp. 68-69.
14. Podymova Yu.N. *Nazvaniia fil'mov v strukturno-semanticheskoi i funktsional'no-pragmaticheskoi aspektakh* [The titles of movies in a structurally-semantic and functional-pragmatic aspects]. PhD dissertation. Maikop, 2006, 205 p.
15. Vokhrisheva E.V. *Film genre and contents presupposition: the influence of the title and trailer. Media Education (Mediaobrazovanie)*, 2018, no. 58(3), pp. 159-164. <https://doi.org/10.13187/me.2018.3.159>

Список литературы

1. Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, №4. С. 1191-1199. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199>.

2. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23, №2. С. 435-459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>
3. Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.
5. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод: коллективная монография / под общ. ред. В.Е. Горшковой. Иркутск, 2014. 367 с.
6. Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла. // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*. 2014. Вып. 10. С. 26-37.
7. Горшкова В.Е. Перевод кинодиалога в свете концепции Жиля Делёза // *Вестник МГУ. Сер. 22. Теория перевода*. 2010. № 1. С. 16-26.
8. Делёз Ж. Кино I. Образ-движение. Кино II. Образ-время / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004. 622 с.
9. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы 19-20 веков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1986. 30 с.
10. Колодина Е.А. Взаимодействие семиотических систем при формировании смысла кинодиалога: Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 168 с.
11. Кушнина Л.В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2003. 232 с.
12. Кушнина Л.В. Перевод как синергетическая система // *Вестник Пермского гос. ун-та*. 2011. Вып. 3(15). С. 81-86.
13. Милевич И.Г. Стратегии перевода названий фильмов // *Русский язык за рубежом*. 2007. № 5. С. 65-71.
14. Подымова Ю.Н. Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах: Дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 205 с.

15. Vokhrysheva E.V. Film genre and contents presupposition: the influence of the title and trailer. // Media Education (Mediaobrazovanie), 2018, no. 58(3), pp. 159-164. <https://doi.org/10.13187/me.2018.3.159>

DATA ABOUT THE AUTHORS

Evgeniia A. Kolodina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of linguistics and lingvodidactics, International Institute of Economics and Linguistics
Irkutsk State University
6, Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk, 664002, Russian Federation
kolodinaevg@mail.ru

Irina V. Pashkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of European languages, International Institute of Economics and Linguistics
Irkutsk State University
6, Ulan-Batorskaya Str., Irkutsk, 664002, Russian Federation
ipashkovairk@mail.ru

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Колодина Евгения Анатольевна, канд. филол. наук, доц., заведующая кафедрой лингвистики и лингводидактики Международного института экономики и лингвистики
Иркутский государственный университет
ул. Улан-Баторская, 6, г. Иркутск, 664002, Российская Федерация
kolodinaevg@mail.ru

Пашкова Ирина Владимировна, канд. филол. наук, доц., Международного института экономики и лингвистики
Иркутский государственный университет
ул. Улан-Баторская, 6, г. Иркутск, 664002, Российская Федерация
ipashkovairk@mail.ru

Поступила 04.09.2023

После рецензирования 28.09.2023

Принята 30.09.2023

Received 04.09.2023

Revised 28.09.2023

Accepted 30.09.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-235-248

УДК 81.42

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОППОЗИЦИЯ «БОГАТСТВО - БЕДНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ)

Г.Р. Ижбаева, А.С. Мырзагалиева, Л.Н. Темрешева

Обоснование. В данной статье рассматривается оппозиция концептов «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық» в паремиологических единицах казахского и татарского языков. Общеизвестно, что пословицы в основном тесно связаны с внешними факторами человеческой жизни. Паремии реалистично реагируют на явления, отражают этническое мировоззрение, выражают философские, эстетические и религиозно-прагматические народные взгляды.

Целью исследования является определение особенностей выражения оппозиционных концептов «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық» в казахских и татарских паремиях.

Материалы и методы. В исследовательской работе проведен детальный анализ пословиц и поговорок казахского и татарского языков, содержащих единицы лексико-семантических групп «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық». В работе использованы следующие методы исследования: понятийный, диахронный анализы, методы сопоставительного лингвокультурологического анализа.

Результаты. Концепты «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық» в казахской и татарской паремиологической системе презентуют как универсальные, так и специфические особенности языковых картин мира двух народов посредством различных этноспецифических образов. В результате исследования вы-

явлено, что данные концепты в паремиях служат отражением не только материального положения, но и духовного состояния человека. Краткий диалог с использованием паремий отличается поучительным характером и часто утверждает приоритет моральных ценностей над материальными благами.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы как в основном курсе обучения казахскому и татарскому языкам, так и в элективных курсах когнитивной лингвистики, концептологии, литературоведения, фольклора, а также могут быть полезными для исследований в области языковых картин мира казахского и татарского народов.

Ключевые слова: паремия; концепт; лингвокультурология; богатство – бедность

Для цитирования. Ижбаева Г.Р., Мырзагалиева А.С., Темрешева Л.Н. Оппозиция «богатство - бедность» в языковой картине мира (на материале казахских и татарских паремий) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 235-248. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-235-248

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

THE «WEALTH - POVERTY» OPPOSITION IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF KAZAKH AND TATAR PAREMIAS)

G.R. Izhbaeva, A.S. Myrzagalieva., L.N. Temresheva

Background. This article examines the opposition of the concepts “baylyk-baylyk”, “kedeilik-yarlylyk” in the paremiological units of the Kazakh and Tatar languages. It is well known that proverbs are mostly closely related to the external factors of human life. Paremiias react realistically to phenomena, reflect an ethnic worldview, and express philosophical, aesthetic, and religiously pragmatic folk views.

Purpose. *The aim of the study is to determine the features of the expression of the oppositional concepts “baylyk-baylyk”, “kedeilik-yarlylyk” in Kazakh and Tatar proverbs.*

Materials and methods. *In the research work, a detailed analysis of proverbs and sayings of the Kazakh and Tatar languages containing units of lexical and semantic groups “baylyk-baylyk”, “kedeilik-yarlylyk” was carried out. The following research methods are used in the work: conceptual, diachronic analyses, methods of comparative linguoculturological analysis.*

Results. *The concepts “baylyk-baylyk”, “kedeilik-yarlylyk” in the Kazakh and Tatar paremiological system represent both universal and specific features of the linguistic world pictures of the two peoples through various ethnospecific images. As a result of the study, it was revealed that these concepts in the paremias serve as a reflection not only of the material situation, but also of the spiritual state of a person. A brief dialogue with the use of paremias is instructive in nature and often asserts the priority of moral values over material goods.*

Practical implications. *The results of the research can be used both in the main course of teaching Kazakh and Tatar languages, and in elective courses of cognitive linguistics, conceptology, literary studies, folklore, and can also be useful for research in the field of linguistic worldviews of the Kazakh and Tatar peoples.*

Keywords: *paremia; concept; linguoculturology; wealth – poverty*

For citation. *Izhbaeva G.R., Myrzagalieva A.S., Temresheva L.N. The «Wealth - Poverty» Opposition in the Linguistic Picture of the World (based on the Material of Kazakh and Tatar Paremias). Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 235-248. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-235-248*

Введение

Целью исследования является определение особенностей выражения оппозиционных концептов «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық» в казахских и татарских паремиях.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью осмысления контрарных концептов «байлық-байлық»,

«кедейлік-ярлылык» как базовых концептов казахской и татарской культуры.

Материалы и методы

В исследовательской работе использовались пословицы и поговорки казахского и татарского языков, отобранные методом сплошной выборки из 4 источников. В работе использованы следующие методы исследования: понятийный, диахронный анализы, методы сопоставительного лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждение

Отношения между нациями охватывают культурную, экономическую, научную и другие сферы жизнедеятельности. Прежде всего для нашего исследования важным моментом является общность языка и культуры казахского и татарского народов, которые имеют общие генетические корни, поскольку относятся к тюркской группе алтайской языковой семьи.

В процессе жизнедеятельности общества формируется определенная картина мира, включающая в себя систему понятий, отражающих всю сущность народного сознания, его мировоззрения, восприятия им окружающей действительности. Определенные нормы деятельности формируют модель отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира) [1, с. 295]. Из этого следует, что национальная картина мира есть некое представление общности людей о мире, полученное посредством органов чувств и преломлённое в сознании. Это представление имеет вербальную либо невербальную форму репрезентации. В этой связи Е. С. Кубрякова указывает, что «концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т.п., некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом» [8, с. 95]. В национальном коллективном сознании преобладают вербальные концепты, в семантике которых кодифицированы и сконцентрированы как общечеловеческие, так и национальные духовные ценности, поскольку «содержание концепта складывается из

содержания множества слов, контекстов и текстов, в которых откладывается общее понимание некоторого факта сознания» [11, с. 41].

Языковая картина мира реализует, вербализует, сохраняет и из поколения в поколение передаёт культурную картину мира. При этом в каждом языке существуют случаи, когда понятия передаются не какими-либо определенными лексемами, т.е. непосредственно, а опосредованно – путем описания их доступными средствами [5, с. 64], что наглядно демонстрируется в паремиологии при помощи различных образных выражений.

Пословичный фонд каждого народа рассматривается как культурное наследие. Паремии отражают национальную языковую картину мира, включающую культурные особенности, мировоззрение, менталитет народа. Пословицы и поговорки являются ценным источником информации об обычаях и традициях, семейно-брачных, гендерных отношениях и т.п. Пословичная картина мира создается системой правил и взглядов, предложенных этнической группой на протяжении веков. [5, с. 65].

Прежде чем приступить к анализу паремий, репрезентирующих оппозиции «байлық-байлык», «кедейлік-ярлылык» в казахской и татарской лингвокультуре, рассмотрим их толкования в словарях.

Толковый словарь казахского и татарского языка дает следующее определение лексем «байлық-байлык» и «кедейлік-ярлылык» (*богатство-бедность*): Каз: 1. «Байлық». Мол дәулет, мал-мүлік. 2. Бір нәрсенің мол қоры, көзі [9, б. 589]. Тат: *бай кеше булу жәһәте (байлыкка байдыр); 3) тупланган мал, жыелган кыйммәтләр. Билгеле бер яктан кыйммәт булган нәрсәләр жыелмасы.* [13, б. 384].

Концепт «кедейлік-ярлылык» является одним из основных концептов, противоположных концепту «байлық-байлык».

Прежде чем анализировать репрезентацию концепта «кедейлік-ярлылык» в пословицах и поговорках казахского и татарского народа, необходимо выделить их первые понятийные признаки:

1. Первоначальное значение лексемы «кедейлік-ярлылык» – «жок/юк».
2. «Кедейлік» имеет определение «аз алатын адам/мало берущий», «аз табатын/мало получающий» [9, с. 516].

3. «Ярлылык» 1. Ярлы булу хэле. фәкыйрьлек, бөлгенлек». 2. Начар, сай этәлекле, эшләнеп бетмәгән булу [13, с. 883].

Из приведенных значений лексем вытекает, что основным значением лексем «кедейлік-ярлылык» является «бедный, мало зарабатывающий». Проанализировав пословицы и поговорки казахского и татарского языков, мы выявили, что в казахских и татарских пословичных текстах основными лексемами, репрезентирующими понятия *байлық/байлык* и *кедейлік/ярлылык*, являются *ақша/акча* (деньги), *алтын/алтын* (золото), *бай/бай* (богатый), *кедей/ярлы* (бедный), *жок/юк* (нет, отсутствует) и др.

Традиционно понятие «*байлық-байлык*» связано с драгоценными металлами, включая *золото*, которое используется как в прямом, так и в метафорическом значениях. Например, в прямом значении:

каз. яз.: *Денсаулық алтыннан да қымбат. Сабыр түбі – сары алтын. Ауру адам үшін алтын төсек те ыңғайсыз.* [14, б. 130].

тат. яз.: *Һәр ялтыраган алтын түгел. Сабыр төбе сары алтын. Акыл – алтын тәж, һәркемнең дә башында булмый.* [6, б. 321].

Концепт «*байлық-байлык*» в большинстве случаев реализуется через лексему *ақша/акча* как источник выхода из любой ситуации:

каз. яз.: *Қара бұлтты жел ашар, қара құлыпты ақша ашар. Ақша сөйлейтін жерде, ұят үндемейді. Ақша – жақсы қызметші, бірақ жаман қожайын* [7, с. 170].

тат. яз.: *Акча булса – бар да була. Акча булса, мал табыла. Акча авызны каплый* [2, с. 19].

Также в языках представлены поговорки, демонстрирующие пагубное влияние богатства на человека. Например:

каз. яз.: *Бай жақынын танымас. Бай баласы жарлы болар. Бай екеу болса, дау төрт болар* [7, б. 125].

тат. яз.: *Бай малга туймас. Бай – саңгырау, түрә – суқыр* [12, б. 143].

В паремиологии двух лингвокультур показано, что «*байлық-байлык*» (богатство) тесно связано с трудом, т.е. достижение результата в труде формирует положительную связь с понятием «*байлық-байлык*»:

каз. яз.: *Еңбек байлыққа жеткізер. Еңбегің егіз болса, байлығың сегіз болады. Еңбек деген байлық бар ерінбеген жететін* [7, б. 155].

тат. яз.: *Байлык акыл тудыра. Осталык – иң зур байлык. Эшләмичә баеп булмый* [12, б. 145].

В казахско-татарской паремиологии прослеживается общность пословиц и поговорок на религиозную тематику, связанных с концепцией «байлық-байлык», в которых демонстрируется объективный взгляд народа на связь религии и власть имущих, его презрительное отношение к морально нечистоплотным представителям духовенства, к некоторым религиозным обрядам и т.п. Например:

каз. яз.: *Байлық – дінге тірек, дін – байлыққа тірек. Саудагер – базар, молда – мазар әзірлер* [14, б. 147].

тат. яз.: *Бай муллага сылтый, мулла аллага сылтый. Урзаны мин тотам, бәйрәмен бай итә. Акча өчен мулла да намаз боза* [6, б. 282].

Достаток и нужда в первую очередь связаны с удовлетворением потребностей человека, к которым относится пища. На основе этого в обоих языках встречаются интересные паремиологические образы, связывающие богатство с едой:

каз. яз.: *Бай бал ішкенде, кедей су ішер. Аштықта бай баласы бірініші өлер* [7, б. 147].

тат. яз.: *Тау билгесе таш булып, бай билгесе аш булып. Бай ризыкларын ярлы кеше кызганар* [6, б. 290].

Внешний вид и одежда человека также указывают на материальный достаток, свидетельство чему можно увидеть в приведенных ниже пословицах: *Киімін көр де, хәлін көр* [7, б. 162]. И в татарских паремиях символами материального благополучия может выступать «одежный» код культуры: *Кешене кием күркәмләми, киемне кеше күркәмли. Пакь кием кадер арттырыр. Кием матур итә, ат батыр итә* [12, б. 181].

Также концепты «байлық-байлык» репрезентуются в лексемах, обозначающих место локализации денег: *қалта/кесә* (карман), *әмиян/капчык* (кошелек) и т. п.:

каз. яз.: *Жеңіл әмиян жанға ауыр тиеді. Жарлының қалтасына қоянның құлағы сыймайды* [7, б. 163].

тат. яз.: *Хәрам акча кесә тишә. Күңел ярлылығы кесә ярлылығыннан начаррак* [12, б. 241].

В обоих языках широко представлены поговорки, изображающие понятие «байлық-байлык» как проявление духовности, что указывает на превосходство духовного богатства над материальным народном восприятии. В пословицах и поговорках подчёркивается, что никакое богатство не может заменить любовь, дружбу, совесть, здоровье, поскольку эти ценности являются величайшим богатством:

каз. яз.: *Махаббатты ақшаға сатып ала алмайсың. Байлықты емес, ар-ұятыңды сақта* [7, б. 206].

тат. яз.: *Байлығым булмаса, намусым бар. Ана дигән хәзинә. Саулык – байлык* [6, б. 321].

«Байлық» часто противопоставляется антонимическому концепту «кедейлік-ярлылык». Это можно увидеть в следующих пословичных текстах:

каз. яз.: *Байлық – мұрат емес, кедейлік – ұят емес. Кедей – байға жетсем дейді, бай – құдайға жетсем дейді* [14, б. 82].

тат. яз.: *Байлык сөйдерер, ярлылык көйдерер. Ил бай булса, ярлылыгың сизелмәс. Байның эше фәрман белән, ярлыныкы моң-зар белән* [12, б. 146].

Следует отметить, что «кедейлік-ярлылык» приобретает неоднозначную интерпретацию в общих паремиологических картинах. Бедный человек может вызвать чувство сострадания и жалости, желание помочь:

каз. яз.: *Кедейге қарыз бер де, амандығын тіле. Жарлының жары құдай* [14, б. 307].

тат. яз.: *Ярлы башым – әрле башым. Ярлы кеше – зарлы кеше. Ярлы көне – ялыныч* [6, б. 958].

Как видим, в фольклоре бедный человек показан не только как обездоленный, но и как несчастливый и имеющий низкий уровень жизни. «Материальная нужда накладывает тень и на все другие стороны бытия бедняка» [2, с. 20].

каз. яз.: *Жоқтық тастан қатты. Жарлы кісі – жарық шөлмек* [7, б. 166].

тат. яз.: *Ярлы кешенең ашы булса, салырга савыты булмый. Ярлы кешенең тамагы да янчыгы* [6, б. 983].

Из анализа некоторых паремий видно, что бедный человек может найти взаимопонимание и сострадание только в отношениях с равными себе – такими же бедными людьми:

каз. яз.: *Кедей – кедейдің тірегі. Жарлы жарлыға болысар* [14, б. 170].

тат. яз.: *Бай кунагы дерен-дерен, ярлы кунагы берәм-берәм* [6, б. 147].

Однако есть паремии, в которых выражается положительное отношение народа к понятию «кедейлік-ярлылык», например, в значении «беднякам нечего терять и нечего бояться»: *Кедейдің ұйқысы тыныш. Бай төсегі тікенек, жарлы төсегі мамық* [14, б. 149].

Если рассмотреть стилистические подходы к созданию паремиологических образов, то можно увидеть, что как в казахском языке, так и в татарском преобладает метафора. Например:

каз. яз.: *Ақша – қолдың кірі, байлық – ағын су* [7, б. 127].

тат. яз.: *Акча аккош: муенын суза да оча. Ак акча кара көн өчен* [2, б. 19].

Активно представлены пословичные конструкции, построенные на сравнении двух контрарных концептов:

каз. яз.: *Байлық – мұрат емес, кедейлік – ұят емес. Байлық жарыстырар, кедейлік таластырар* [7, б. 145].

тат. яз.: *Байлык – бер айлык, ярлылык «тота белсәң», мәңгелек. Байны мал басар, ярлыны бала басар* [12, б. 151].

Яркие, выразительные образы пословичного дискурса создают параллелизм и антитезой:

каз. яз.: *Байға берешегің, кедейде алажағың болмасын. Бай – кедейдің азығы, кедей – байдың қазығы* [7, б. 144].

рус. яз.: *Ярлының дарманы юк, байның вөжданы юк. Байларға көн де бәйрәм, көн де туй, ярлыға көнде хәсрәт, көн де уй* [6, б. 283].

Заключение

Таким образом, исследование концептов «байлық-байлык», «кедейлік-ярлылык» в казахском и татарском паремиологическом фондах показало как преимущественное сходство, так и незначительные различия в языковых картинах мира двух народов.

Рассматриваемый конкретный материал можно разделить на две группы:

1) пословицы, отражающие концепты «байлық-байлық» и «кедейлік-ярлылық» в контексте материального положения;

2) пословицы, отражающие концепты «байлық-байлық» и «кедейлік-ярлылық» в духовном плане.

В результате анализа собранного паремиологического материала нами выявлено, что в пословицах и поговорках казахского и татарского языков, содержащих единицы-репрезентанты концептов «байлық-байлық», «кедейлік-ярлылық», посредством различных этноспецифических образов объективированы универсальные и специфические особенности языковых картин мира двух народов. Детальное рассмотрение паремий выявило прямое либо косвенное отражение превосходства в народном сознании моральных и этических ценностей над материальными благами. При этом отмечено, что в обоих языках используются одинаковые средства выразительности, а именно: сравнение, метафора, параллелизм, антитеза.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры». 1999. 896 с.
2. Гайнанова Д.Р. Вербализация концепта «акча» (деньги) в татарском языке: Автореф. дис. ...канд. фил. наук. Казань., 2013. 22 с.
3. Гасанова С.Н., Гасанова М.А. Лингвокультурологический анализ концепта «богатство» в паремиологической картине мира табасаранского и агульского языков // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6. С. 364-366.
4. Замалетдинов Р.Р. Татарская культура в языковом отражении. М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», Казань: Магариф, 2004. 239 с.
5. Замалетдинов Р.Р. Лингвокультурология и паремии // Татар фольклоры мәсьәләләре. Казань: Фикер, 2004. 62-67 с.
6. Исәнбәт Н.С. Татар халык мәкальләре: 3 том. Казан: Татар. кит. нәшр. 1967. 1016 б.
7. Кейкін Ж.А. Қазақтың 7777 мақал-мәтелдері. Алматы: Өлке баспасы, 2002. 448 б.

8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац, Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1997. 245 с.
9. Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Алматы: Мемлекеттік тілді дамыту институты, Том 2-7. 2011. 744 б.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие 2-е изд. М.: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
11. Матвеева Т.В. Учебный словарь (Русский язык, культура речи, стилистика, риторика). М.: Наука, 2003. 150 с.
12. Махмутов Х.Ш. Татарское народное творчество. Казань: Татарское книжное издательство, Том 4. 2013. 367 с.
13. Татар теленен аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты нәшрияты, Том 1-3. 2005. 910 б.
14. Тұрманжанов Ө.Т. Қазақ мақал-мәтелдері. Алматы: Қазақстан баспасы, 2008. 208 б.
15. Gabdrakhmanova F.H., Zamaletdinov R.R., Zamaletdinova G.F. The Concept Bailik (Wealth) In The Tatar Language Consciousness (On The Material Of Paremiyas) // *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2017, vol. 7(12), pp. 76-81. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1061353652/r_459_171218152555.pdf (дата обращения: 18.06.2023).
16. Harrison P. An Eccentric Tradition: The Paradox of of “Western Values”. URL: <https://www.abc.net.au/religion/an-eccentric-tradition-the-paradox-of-western-values/10095044> (дата обращения: 19.06.2023).
17. Crossley S.A., Carthy P.M., Dufty D.F., Namara D.S. Toward a new readability: A mixed model approach // *Proceedings of the 29th Annual Conference of the Cognitive Science Society*, 2007, pp. 197-202.
18. Kai X. A Study on the Impact of Quantitative Easing Monetary Policy of the United States on China’s Economy // *International Journal of Emerging Trends in Social Sciences*, 2021, 10 (2), pp. 54-60. <https://doi.org/10.20448/2001.102.54.60>
19. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Aufl. Dudenverl. 1989. 1816 S.
20. Regier T., Carstensen A., Kemp C. Languages Support Efficient Communication about the Environment: Words for Snow Revisited // *PLoS ONE*, 2016, 11 (4), pp. 1-17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151138>

References

1. Arutyunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Jazyki russoj kul'tury Publ., 1999, 896 p.
2. Gainanova D.R. *Verbalizacija koncepta «akcha» (den'gi) v tatarskom jazyke* [Verbalization of the concept «akcha» (money) in the Tatar language]. Abstract of PhD dissertation. Kazan. 2013, 22 p.
3. Gasanova S.N., Gasanova M.A. Lingvokul'turologičeskij analiz koncepta «bogatstvo» v paremiologičeskij kartine mira tabasaranskogo i agul'skogo jazykov [Linguoculturological analysis of the concept “bogatstvo” in the paremiological map of the world of tabasaransky and agul'sky languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [World of Science, Culture, Education], 2015, no. 6, pp. 364-366.
4. Zamaletdinov R.R. *Tatarskaja kul'tura v jazykovom otrazhenii* [The Tatar culture in language reflection]. Moscow: Gumanit. izdat. centr «VLADOS» Publ., Kazan: Magarif Publ., 2004, 239 p.
5. Zamaletdinov R.R. Lingvokul'turologija i paremii [Lingvokulturologiya i paremii]. *Tatar folklori mäsälälärä* [Questions of Tatar folklore]. Kazan: Fiker Publ., 2004, pp. 62-67.
6. Isanbat N.S. *Tatar halyk mukallere* [Tatar folk proverbs]. Kazan. Tatar. kit. nəshr. Publ., 1967, 1016 p.
7. Keikin Zh. *Қазақтың 7777 мақал-мәтелдері* [7777 Kazakh proverbs]. Almaty: Өлке баспасы Publ., 2002, 448 p.
8. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzinz G.L. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov*. Moscow: MSU Publ., 1997, 245 p.
9. *Қазақ әдеби тілінің сөздігі* [Dictionary of the Kazakh literary language]. Almaty: Memleketik tildi damytu instituty, 2014, vol. 2-7, 728 p.
10. Maslova V.A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Tetrasystems Publ., 2005, 256 p.
11. Matveeva T.V. *Uchebnyj slovar' (Russkij jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika)* [Educational dictionary (Russian language, culture of speech, stylistics, rhetoric)]. Moscow: Nauka Publ., 2003, 150 p.
12. Makhmutov H.Sh. *Tatarskoe narodnoe tvorčestvo* [Tatarskoe narodnoe tvorčestvo]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2013, vol. 4, 367 p.
13. *Tatar teleneñ añlatmalı sızlege* [Explanatory dictionary of the Tatar language]. Kazan: Matbugat jortı nəshriyatı Publ., 2005, vol. 1-3, 910 p.

14. Turmanzhanov U.T. *Қазақ мақал-мәтелдері* [Kazakh proverbs and sayings]. Almaty: Қазақстан баспасы Publ., 2008, 208 p.
15. Gabdrakhmanova F.H., Zamaletdinov R.R., Zamaletdinova G.F. The Concept Bailik (Wealth) In The Tatar Language Consciousness (On The Material Of Paremiyas). *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2017, vol. 7(12), pp. 76-81. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F1061353652/r_459_171218152555.pdf (accessed June 18, 2023).
16. Harrison P. *An Eccentric Tradition: The Paradox of «Western Values»*. URL: <https://www.abc.net.au/religion/an-eccentric-tradition-the-paradox-of-western-values/10095044> (accessed June 19, 2023).
17. Crossley S.A., Carthy P.M., Dufty D.F., Namara D.S. Toward a new readability: A mixed model approach. *Proceedings of the 29th Annual Conference of the Cognitive Science Society*, 2007, pp. 197-202.
18. Kai X. A Study on the Impact of Quantitative Easing Monetary Policy of the United States on China's Economy. *International Journal of Emerging Trends in Social Sciences*, 2021, vol. 10(2), pp. 54-60 <https://doi.org/10.20448/2001.102.54.60>
19. *Duden. Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Aufl. Dudenverl. 1989, 1816 S.
20. Regier T., Carstensen A., Kemp C. Languages Support Efficient Communication about the Environment: Words for Snow Revisited. *PLoS ONE*, 2016, vol. 11(4), pp. 1-17. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0151138>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Ижбаева Гульназ Ришатовна, кандидат филологических наук, заместитель директора по образовательной деятельности
Казанский федеральный университет
ул. Татарстан, 2. г.Казань, 420008, Российская Федерация
GRIZhbaeva@kpfu.ru

Мырзагалиева Айгерим Сидегаликызы, аспирант 3 курса
Казанский федеральный университет
ул. Татарстан, 2. г.Казань, 420008, Российская Федерация
aigerima94@mail.ru

Темрешева Лариса Нагиденкызы, методист отдела учебно-методической работы, преподаватель профессионального казахского и русского языка; магистрант факультета языков и менеджмента *Западно-Казахстанский высший медицинский колледж; Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет* ул. Жангир хана, 67, г. Уральск, 090000, Республика Казахстан; проспект Н. Назарбаева, 208, г. Уральск, 090000, Республика Казахстан
larisa.temresheva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gulnaz R. Izhbaeva, Candidate of Philological Sciences, Deputy Director for Educational Activities
Kazan Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420008, Russian Federation
GRIZhbaeva@kpfu.ru

Aigerim S. Myrzagalieva, 3rd year postgraduate student
Kazan Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420008, Russian Federation
aigerima94@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3164-3952>

Larisa N. Temeresheva, methodologist of the Department of Educational and Methodological work, teacher of professional Kazakh and Russian; Master's student
West Kazakhstan Higher Medical College; West Kazakhstan Innovation and Technology University
67, Zhangir Khan Str., Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan;
208, N. Nazarbayev Ave., Uralsk, 090000, Republic of Kazakhstan
larisa.temresheva@mail.ru

Поступила 27.06.2023

После рецензирования 26.07.2023, 02.08.2023

Принята 30.08.2023

Received 27.06.2023

Revised 26.07.2023, 02.08.2023

Accepted 30.08.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-249-260
УДК 811.512.211

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Н. Саввинова

Обоснование. *Тема синонимии в эвенском языке является недостаточно изученной. Актуальность исследования заключается прежде всего в том, что семантические синонимы не получили до сих пор достаточного освещения в эвенском языке, в то время как они играют важную роль в развитии лексической системы языка.*

Целью исследования является выявление особенностей функционирования синонимов в эвенском языке, что представляет ценность при типологических сравнительно-сопоставительных исследованиях как родственных, так и неродственных языков. Новизна заключается в том, что впервые в эвенском языке на основе анализа рассматриваются семантические синонимы по оттенкам значений.

Материалы и методы. В качестве источника исследования привлечены художественные и фольклорные произведения, «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. При исследовании семантических синонимов эвенского языка использован описательный метод и метод сплошной выборки.

Результаты. На основе анализа семантических синонимов в эвенском языке выявлено, что они отличаются оттенками значений и вносят дополнительное понятие в раскрытие выражаемой реалии, являясь стилистически нейтральными. Оттенки значений выражаются в степени проявления признака, в объеме охватываемых явлений, действий, в абстрактности и конкретности, в дополнительных признаках. Семантическая синонимия характерна для таких частей речи, как имя существительное, прилагательное, глагол, наречие.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в преподавании эвенского языка, составлении словаря синонимов эвенского языка.

Ключевые слова: эвенский язык; семантические синонимы; оттенки значений; синонимический ряд; доминанта

Для цитирования. Саввинова С.Н. Семантические синонимы в эвенском языке // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 249-260. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-249-260

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

SEMANTIC SYNONYMS IN THE EVEN LANGUAGE

S.N. Savvinova

Background. The topic of synonymy in the Even language has been insufficiently studied so far. The relevance of the study lies primarily in the fact that semantic synonyms have not yet received sufficient coverage in the Even language, while they play an important role in the development of the lexical system of the language.

The purpose of the study is to identify the characteristics of the functioning of synonyms in the Even language, which is of value in typological comparative studies of both related and unrelated languages. The novelty is that for the first time in the Even language, semantic synonyms by shades of values are considered on the basis of analysis.

Materials and methods. As a source of research, artistic and folklore works, the Even-Russian Dictionary by V.A. Robbek, M.E. Robbek. When studying semantic synonyms of the Even language, the methods of continuous sampling and linguistic analysis was used.

Results. Based on the analysis of semantic synonyms in the Even language, it was revealed that they differ in shades of meaning and introduce an additional concept into the disclosure of the expressed reality, being stylistically neutral. Shades of meaning are expressed in the degree of manifestation of the feature, in the scope of the covered phenomena, actions, in

abstractness and specificity, in additional meaning. Semantic synonymy is characteristic of parts of speech such as the noun, adjective, verb, adverb.

Practical implications. *The results of the study can be applied in teaching the Even language, compiling a dictionary of synonyms of the Even language.*

Keywords: *Even language; semantic synonyms; shades of meaning; synonymous series; dominant*

For citation. *Savvinova S.N. Semantic Synonyms in the Even Language. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 249-260. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-249-260*

Введение

Цель исследования состоит в выявлении особенностей функционирования синонимов в эвенском языке, что представляет ценность при типологических сравнительно-сопоставительных исследованиях как родственных, так и неродственных языков. Новизна заключается в том, что впервые в эвенском языке на основе анализа рассматриваются семантические синонимы по оттенкам значений.

Актуальность Тема синонимии в эвенском языке является недостаточно изученной. Актуальность исследования заключается прежде всего в том, что семантические синонимы не получили до сих пор достаточного освещения в эвенском языке, в то время как они играют важную роль в развитии лексической системы языка.

Материалы и методы

В качестве источника исследования привлечены художественные и фольклорные произведения, «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. При исследовании семантических синонимов эвенского языка использованы методы сплошной выборки и описательный.

Результаты и обсуждение

Семантические синонимы составляют основной пласт синонимического фонда эвенского языка. В научной литературе они так-

же называются идеографическими. Наиболее полное определение значения дал В.В. Виноградов в своей общепризнанной системе классификаций типов синонимов. Так «семантические (идеографические) синонимы – это слова, передающие одно и то же понятие-концепт, но отличающиеся оттенками значений» [3, с. 3]. По утверждению И.В. Арнольд, они отличаются либо дополнительными значениями, либо сопутствующими представлениями и употреблением и сочетаемостью с другими словами, но чаще тем и другим, поскольку устойчивые контексты употребления тесно связаны со смысловой структурой слова [1, с. 297].

Семантические синонимы отличаются от других типов синонимов оттенками в значениях, являясь стилистически нейтральными. Оттенки значений выражаются в степени проявления признака. Данный оттенок значения чаще проявляется в системе имен прилагательных, которые обозначают признаки предметов и явлений. Например, в синонимичном ряду прилагательные *кочукэн*, *нургити* передают степень величины. Лексема *кочукэн* в своем значении указывает на маленький размер, величину предмета или объекта. *Нургити* же показывает не только то, что предмет маленький, но и то, что он ограничен по размеру. В словарной статье лексема *кучукэну* определяется следующим образом: 1. Мелкий, некрупный (о камнях, бусинах); 2. Мелко нарезанное высушенное мясо [6, с. 195]. Ями нян мин *кучукэну* хуту эсни арчан? – Почему мой *маленький* меня не встречает? Өмэн бэйкэкэн атикаңниими дялдукий өмэккэн нулгэнрин. Өмэн-дэ нярикантан *кучукэккэн* бисин. Один мужчина с женой всегда отдельно от сородичей кочевали. Сын у них еще совсем *маленький* был [11, с. 12]. В данных предложениях *кучукэну* употреблено в значении ‘малыш, младенец’, то есть ‘маленький по возрасту’. Следующий пример показывает, что слово *кочукэн* употреблено в значении ‘маленький по размеру, величине’: Тадук тоңалраңи *кучукэн* гигнэ ойлан нэрин, нян улрэв тоңар хаңарлин гадын нян дептын. – Потом кольцо для упряжки положил на *маленький* кусочек наверху, и мясо взял через дырку и съел [Там же, с. 23].

В группе синонимов лексемы *энтукукэн*, *нянач*, *нянали*, *мэнэкэкэн* объединены общим значением `неторопливо, медленно`. Семантические различия проявляются в степени проявления признака: *энтукукэн* `тихонько, потихоньку, медленно, осторожно` – *нянач* `спокойно, мягко, плавно, тихо, медленно` – *нянали* `тихо, медлительно, неторопливо` – *мэнэкэкэн* 1) `понемногу, мало-помалу`; 2) `потихоньку, осторожно`. Например: Би *энтукукэн* эинтэкий ичиснэм, ноҗан да асукунь-эч хиралра, ходьмарач, эдэй мусэмрэ магчирин, тарав мунду эдэй ичукэн нэкримдэс. – Я *тихонечко* взглянул на мать, она нисколько не обиделась, терпела, чтобы не улыбнуться, хотела мне не показывать вида [9, с. 150]. Нян ноҗан *нянач* бисин: хо *энтукун* хотэдникэн-да дэгэддоттэн. – Только она делала *спокойно: медленно* летела, часто останавливалась [11, с. 76]. Хэгэп *энтукукэн* мөмив амаски хукэсүнэн, нян холаки улинни. – Собо́ль *осторожно* лодку развернул, обратно вверх по течению поплыл [Там же, с. 56]. Тачимар экнилби гунэкэтин, *мэнэкэкэн* улиснан эвэски. – После слов сестры он стал *потихоньку* подгрести к берегу [12, с. 23].

Синонимы *гя*, *гиркэ*, *дя*, *харак*, *кэде*, *тява* со смысловым признаком `дружеские отношения` объединены в синонимический ряд с доминантой *гя*. В эвенском языке имеется достаточное количество слов, связанных с данным значением. Как известно, большим количеством синонимов обладают те лексемы, обозначающие реалии, которые имеют большую ценность для конкретного социума. Для эвенского народа понятие `дружба, дружеские отношения` имеет огромное значение, так как без добрых отношений с людьми выживать в экстремальных условиях Крайнего Севера трудно. Например, *гя* `друг` – `близкий по духу`. Пэктэрэвун – бэй ай *гян*, бипкэ дысучимнэн. – Ружье – человеку лучший *друг*, надежный защитник. Адит, тилкуннэ бими як-та урэчин мявам табдас куняри энилкэн. Таррочин – эрэк *гя*. – Правда, его звук насквозь через сердце проходит. Такой этот *друг* [9, с.11]. *Харак* – 1. `знакомый`; 2.) `приятель. в значении «степень знакомства». Амму *харакылни* нёкал хоял бигрэр. У моего отца было много *знакомых* среди якутов [2, с. 22].

Эрэк Питур мин амму аинан *харакан* бисин. Этот Петр – моего отца хороший *знакомый* [Там же, с. 33]. *Гиркэ* – ‘спутник, товарищ, приятель’. Ху минду *гиркэ* бидис, недус-тэ ай бидин. – Ты будешь моим *спутником*, тогда и младшему брату будет хорошо [Там же, с. 65]. Ноунман илрами би, нонан далилин, *гиркэ* бидэй нэннеттэм. – Я его жалела, поэтому рядом с ним ходила, чтобы быть *напарником* [10, с. 7]. *Дя* – 1) ‘кровный родственник’; 2) ‘друг, товарищ, спутник’ – в значении близкие по духу, по родству. Тачин эсэкэн бис, эвэн он мэни, *дялби* улитчин-иргэтчин, эрречин маки биниду. – Если так не будет, как эвен прокормит, воспитает себя, своих *родных* в такое время. Нонан хээн тачикан-та хэбгэнни, *дялби* тикуми, хикутич егэски, коетникэн бидилрэн. – Его верхушка так и дымила, *товарищей* ненавидя, безмолвно смотря наверх, в таком состоянии пребывал [2, с. 12].

В рассматриваемый синонимический ряд входят тотемные и фольклорные слова *кэде* и *тява*. *Кэдэкэн, кэде (тотем.)* 1) ‘друг, дружок, приятель’; 2) ‘подруга, подружка’. Например: *Кэде*, янри? Хутэс-гу кекэн? Ями эчикэн хонанри? – *Подружка*, что случилось? Или твой ребенок свистит? Почему навзрыд плачешь? Илэ бисэнри хи, Катюша? Мут аяврит *кэдечэнти!* Илэ, илэ, хи бисэнри? Аявринат Катюшанат? – Ты где находишься, Катюша? Наша любимая *подружка!* Где, где, ты находишься? Любимая наша Катюша! [Там же, с. 53]. *Тява* (фольк.) – ‘подруга’. В эвенском языке данные лексемы употребляются в значении ‘близкая по духу’, указывая на характер отношений между друзьями, используя для эмоционального усиления в стихах, песнях.

Оттенки значений выражаются в объеме охватываемых явлений, действий. Слова с расширенным значением отличаются более широкой употребляемостью, чем слова с суженным значением. Например: *Улдан* ‘шум, гул, гомон’ – *кусалан* ‘шум, свист ветра’ – *дуя* ‘шум, крик, гам, гул голосов’ – *дулан* ‘шум, крик, гам, гул голосов’.

Данные семантические синонимы объединены общим значением «шум, гул от людских голосов». Лексема *улдан* обладает более широким смысловым объемом: громкий шум людских голосов, гул,

гомон. Лексема *кусалан* имеет более узкое, но конкретное значение, поэтому его сочетание более ограничено: шум, но это шум ветра, крыльев при полете, при бросании аркана, а также звук от скобления шкуры при выделке.

– Ёину! Ёину тили! Ёину! – оилтачакан ирканни *улдан*. – Собаку! Собаку отпусти! Собаку! – один за другим *крики* слышны эхом [11, с. 25].

В синонимическом ряду прилагательные *адыкун* – *абалуя* отличаются разным объемом понятия, называя один и тот же признак предмета – ‘малое количество предмета’. Лексема *адыкун* обозначает признак ‘малочисленный, немногочисленный, небольшой (по количеству)’, а *абалуя* – ‘недостаточный’.

Синонимический ряд глаголов движения *туттэй* – *дэриучидэй* – *есчимэттэй* дифференцируется по интенсивности действия: глагол *туттэй* толкуется как ‘бежать (о человеке, животном), нестись’. Например: Эмчэл бэйл нян энью-дэ мялридюр кубэт чур кекэчэ мурантаки *туттитэн*. – Пришлые люди. И моя мать проснулись. Все *понеслись* к свистнувшей лошади [11, с. 41].

Глагол *дэриучидэй* имеет значение ‘убегать от преследования’, при этом ‘бежать из последних сил’, то есть двигаться с низкой интенсивностью, едва передвигая ноги. Например: Омнаракатан хулралтан олгачалан дюла мучудим, мэргэтникэн *дэринчими* туттив. Когда забудут и высохнут спальные мешки, возвращусь домой, думая об этом, *бежал из последних сил*. [11, с. 17]. Глагол *есчимэттэй* имеет следующие значения: 1) ‘перегонять друг друга’; 2) ‘соревноваться, состязаться’, то есть двигаться быстро, но с определенной скоростью. – Тек *есчимэттэкун*, – Муран эгдетэлду гөнни. – Би өмэн бисэм, ху дыгэн. – «Когда мы будем наперегонки бежать, – конь говорит старику, – я побегу по берегу озера» [12, с. 70]. В данном синонимическом ряду действия, выраженные глаголами *дэриучидэй* и *есчимэттэй*, уступают по интенсивности действию, обозначенному глаголом *туттэй*.

Оттенки значения проявляются в эвенском языке в глаголах, выражающих эмоции. В эвенском языке отмечено большое коли-

чество лексем, выражающих внутреннее состояние и переживание человека, которые образуют синонимические ряды [8, с. 3]. В синонимическом ряде *хиралдай – кэтинчидэй – астай – тикулдай* доминантой является *хиралдай* `действие, отражающее отрицательную эмоцию, которая вызвана обстоятельствами или действием, которая неприятна человеку`. Синонимы данного ряда отличаются по коннотативным признакам:

- 1) по интенсивности эмоции: глагол *китэнчидэй* выражает среднюю степень проявления эмоции; интенсивность выше средней выражает глагол *астай*. Высшую степень интенсивности эмоции выражает глагол *тикулдай*.
- 2) характер и форма проявления эмоции: *хиралдай* – `прийти в состояние негодования`; *кэтинчидэй* – `проявлять недовольство в виде ворчания`; *астай* – `дойти до состояния злобы, гневного раздражения`; *тикулдай* – `прийти в состояние сильного гнева`.

Оттенки абстрактности и конкретности значения семантических синонимов проявляются в различиях объема значения и в степени интенсивности действия. Например: *гургэвчидэй* `работать, трудиться` – *одай* 1) `делать, изготавливать, создавать, вырабатывать, творить`; 2) `строить, сооружать, возводить, выделять`; 3) `готовить, готовить, исполнять`. Кучукэрэптуки дю долин *гургэвчидэй* таттыв [2, с. 7]. С детства я привыкла *работать* по дому. Анна медсестра *одай* хупкучидилрин. Анна, чтобы *стать* медсестрой, учится [Там же, с. 63]. Глагол *гургэвчидэй* в предложении использован в значении `заниматься каким-либо делом, трудиться`, то есть в семантике данной лексемы воплощено значение трудовой деятельности. Глагол *одай* в предложении обозначает `трудиться, чтобы достичь цели`. Глаголы *гургэвчидэй* и *одай* входят в один синонимический ряд и выражают семантику трудовой деятельности. В данных синонимических рядах первые слова абстрактные, вторые – конкретные.

Семантические синонимы приобретают дополнительные оттенки, уточняя его смысловые нюансы. В эвенском языке имеется

большое количество синонимов к лексеме *эдэн* 'ветер'. Например: *идя* 'холодный ветер с моря', *хуи* 'метель, вихрь', *хуги* 'буря, ураган, вихрь, вьюга, метель', *хунуэ* 'метель', *дэву* 'вихрь, ураган', *хунуэ* 'метель'. В данном ряду синонимы выражают дополнительные значения: направление ветра (*идя*), его силу (*хуги*) и тип (*хуи*).

Гусэкри *хуиди*

Иңэньсив тэңкэв, итикича

Иңэнь төр *хунуэн*

Хиранни

Итэк кадар бэлгэлэн

Билгаптан,

Тиунни, тачин-да хуклэснэн

Мчащийся *вихрь*,

Морозную тайгу встревожив

Холодной земли *ветра* дыханием,

Об склон скалы нарвался

Затих

И так и задремал [5, с. 81].

Поэт использует синонимы *хунуэ* 'метель' и *хуи* 'метель, вихрь' для передачи дополнительных значений предмета, а именно силы *гусэкри хуиди* (*мчащийся вихрь*) и интенсивности ветра *хунуэн хиранни* (*ветра* дыханием).

Заключение

Семантические синонимы являются основным фондом словарного состава эвенского языка. Они отличаются оттенками значений и являются стилистически нейтральными. Оттенки значений проявляются в степени проявления признака, в объеме выражения охватываемых явлений и/или действий, в абстрактности и конкретности, в дополнительных признаках. Семантическая синонимия характерна для таких частей речи, как имя существительное, прилагательное, глагол, наречие. Семантические синонимы в эвенском языке дают возможность полнее и точнее выражать смысловые нюансы.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Бокова Е.Н. Би качикаму Үөкэ. Якутск: Бичик, 2009. 80 с.
3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3-30.
4. Нестерова Е.В. О синонимах в метеорологической лексике эвенского языка // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 2(30). URL: <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.24> (дата обращения: 04.12.22)
5. Петрова С.М. Эвенская литература в школах Республики Саха (Якутия): Учеб. хрестоматия. СПб.: Отд-ние изд-ва «Просвещение», 1994. 175 с.
6. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2005. 353 с.
7. Саввинова С.Н. Заимствованные синонимы в эвенском языке // Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft, 2021, no 6, vol. 3. S. 39-40.
8. Садовникова И.И. Глаголы синонимы эмоционального состояния человека в эвенском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 8. С. 149-151. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.08.26>
9. Кейметинов В.С. Таҥанмайду книга. Якутск: Изд-во «Бичик». 2002. 150 с.
10. Федотова М.П. Бакивун нулгэнэдь куҥа. СПб: Изд-во «Просвещение». 2004. 55 с.
11. Эвэдыл нимкар. Эвенские сказки: сборник сказок. / Собр. и обр. Л. Большакова, А. Чайко. Магадан: Изд-во «Охотник», 2015. 56 с.
12. Эпос охотских эвенов. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1986. 301 с.
13. Savvinova S.N., Sadovnikova I.I., Nesterova E.V. Questions of Synonymy and Antonymy in the Even Language // Sibirica, 2022, vol. 21, no 3, pp. 6-24. <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210302>
14. Cruse A. Lexical semantics. Cambridge, 1986, 328 p.
15. Stanojević M. Cognitive Synonymy: A General Overview // Facta Universitatis, 2009, no. 7(2), pp. 193-200.

References

1. Arnol'd I.V. *Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka* [Lexicology of Modern English]. Moscow: FLINTA Publ.: Nauka Publ., 2012, 376 p.
2. Bokova E.N. *Bi kachikamu Høkje* [My little Noke]. Jakutsk: Bichik Publ., 2009, 80 p.
3. Vinogradov V.V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij [The main types of lexical meanings]. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics], 1953, no. 5, pp. 3-30.
4. Nesterova E.V. O sinonimah v meteorologicheskoj leksike jevenskogo jazyka [On synonyms in the meteorological lexicon of the Even language]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 2(30). URL: <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.24> (accessed December 04, 2022)
5. Petrova S.M. *Jevenskaja literatura v shkolah Respubliki Saha (Jakutii)* [Even literature in the schools of the Republic of Sakha (Yakutia)]. St. Petersburg: Prosveshhenie Publ., 175 p.
6. Robbek V.A., Robbek M.E. *Jevensko-russkij slovar'* [Even Russian Dictionary]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005, 353 p.
7. Savvinova S.N. Zaimstvovannye sinonimy v jevenskom jazyke [Borrowed synonyms in the Even language]. *Deutsche Internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft*, 2021, no 6, vol. 3. S. 39-40.
8. Sadovnikova I.I. Glagoly sinonimy jemocional'nogo sostojanija cheloveka v jevenskom jazyke [Verbs synonymous with the emotional state of a person in the Even language]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice], 2022, no. 8, pp. 149-151. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.08.26>
9. Kejmetinov V.S. *Tayanmajdu kniga* [Book to read]. Jakutsk: Bichik Publ., 2002, 150 p.
10. Fedotova M.P. *Bakivun nulgjenjed' kuja* [Born dying the migration]. St. Petersburg: Prosveshhenie Publ., 2004, 55 p.
11. *Jevjedyl nimkar. Jevenskie skazki: sbornik skazok* [Jevjedyl nimkar. Even Tales: a collection of fairy tales]. Magadan: Ohotnik Publ., 2015, 56 p.

12. *Jepos ohotskih jevenov* [Epos of the Okhotsk Evens]. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986, 301 p.
13. Savvinova S.N., Sadovnikova I.I., Nesterova E.V. Questions of Synonymy and Antonymy in the Even Language. *Sibirica*, 2022, vol. 21, no 3, pp. 6-24. <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210302>
14. Cruse A. *Lexical semantics*. Cambridge, 1986, 328 p.
15. Stanojević M. Cognitive Synonymy: A General Overview. *Facta Universitatis*, 2009, no. 7(2), pp. 193-200.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Саввинова Степанида Николаевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Петровского, 1, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Stepanida N. Savvinova, Candidate of Philology, Researcher
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovsky Str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677027,
Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru

Поступила 11.06.2023

После рецензирования 12.07.2023, 25.07.2023

Принята 30.07.2023

Received 11.06.2023

Revised 12.07.2023, 25.07.2023

Accepted 30.07.2023

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-261-277
УДК 81'42

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОВОЛЖСКОГО НЕМЦА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ДЕТИ МОИ» Г. ЯХИНОЙ)

Я.А. Солунова, Д.А. Салимова

В статье описывается вербально-семантический уровень языковой личности поволжского немца на материале романа Гузель Яхиной «Дети мои». Вопрос о языковой личности как объекте лингвистики продолжает оставаться одним из самых актуальных, поскольку языковая личность в условиях межкультурной коммуникации с определенным набором навыков требует комплексного и интегративного подхода. Очевидно, что многообразие подходов к указанному лингвистическому объекту позволяет обращаться к разного рода материалу, в частности, к современной отечественной прозе, ярким примером которой и является исследуемый роман. Произведение «Дети мои» представляет собой актуальный и ценный материал для изучения в русле антропоцентрической парадигмы языкознания. Это обусловлено наличием в романе языковых личностей, состоящих из мировоззренческого, культурологического, индивидуального компонентов; языковых личностей, представляющих научный интерес для авторов в первую очередь с точки зрения вербально-семантического уровня.

Актуальность темы мотивируется и языковой личностью самой писательницы Гузель Яхиной, являющейся билингвом-филологом, что не может не отражаться на языке ее произведений. В статье представлен конкретный пример описания и анализа определенного уровня языковой личности персонажа. Материалом послужило свыше 1000 примеров различных подсистем и разного уровня

языковых единиц, относящихся к характеристике анализируемого нами феномена языковой личности. Основное внимание нами уделено лексическому и синтаксическому уровням текстового материала, проанализированным приемами описательного, семантического, функционально-стилистического метода, также методом стилистической интерпретации и др. Результаты исследования позволяют говорить об особенной языковой личности поволжских немцев со своими индивидуальными характеристиками, в которой ярко проявляется как культурный, так и социальный компоненты, что очевидно при анализе вербально-семантического уровня языковой личности; обосновывается вывод о возможности и потенциале изучения других компонентов языковой личности представленным способом.

Ключевые слова: текст; Гузель Яхина; российские немцы; языковая личность; вербально-семантический уровень; идиостиль

Для цитирования. Солунова Я.А., Салимова Д.А. Вербально-семантический уровень языковой личности поволжского немца (на примере романа «Дети мои» Г. Яхиной) // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 3. С. 261-277. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-261-277

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

VERBAL-SEMANTIC LEVEL OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A VOLGA GERMAN (BASED ON MY CHILDREN BY G. YAKHINA)

Y.A. Solunova, D.A. Salimova

The article describes the verbal-semantic level of the linguistic personality of a Volga German based on the material of G. Yakhina's novel My Children.

The question of the linguistic personality as an object of linguistics continues to remain one of the most pressing, since the linguistic per-

sonality in the conditions of intercultural communication, with a certain set of skills require a comprehensive and integrative approach. There is still no single concept of understanding the linguistic personality with theoretical and methodological positions. However, it is obvious that the variety of positions on this linguistic object allows one to refer to various kinds of material: in particular, modern Russian novel. The novel My Children represents relevant and valuable material for study if it is considered from the perspective of the anthropocentric paradigm of linguistics. This is due to the presence in the novel of a large number of linguistic personalities, interesting both in their verbal-semantic component, as well as in their cognitive and pragmatic ones.

The relevance of the chosen topic is also motivated by the linguistic personality of the writer Guzel Yakhina herself, who is a bilingual philologist, which cannot but be reflected in the language of her works. In the article, a specific example of the description and analysis of a certain level of a character's linguistic personality is presented. The material included over 1000 examples of various subsystems and different levels of linguistic units related to the characteristics of the phenomenon of linguistic personality. The main attention in the article is paid to the lexical and syntactic levels of text material, analyzed using the techniques of descriptive, semantic, functional-stylistic methods, as well as the method of stylistic interpretation, etc. The results of the study allow us to speak about the special linguistic personality of the Volga Germans with their own individual characteristics, in which both cultural and social components are clearly manifested, which is obvious when analyzing the verbal-semantic level of the linguistic personality; the conclusion about the possibility and potential of studying other components of linguistic personality in the presented way is substantiated.

Keywords: *text; Guzel Yakhina; Russian Germans; language personality; verbal-semantic level; idiostyle*

For citation. *Solunova Y.A., Salimova D.A. Verbal-Semantic Level of the Language Personality of a Volga German (based on My Children by G. Yakhina). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 3, pp. 261-277. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-3-261-277*

Введение

Интерес в современной лингвистике к языковой личности несомненен, поскольку именно человек, его языковая деятельность и, соответственно, языковая личность становится центральной в лингвистике с точки зрения системы порождения и использования речи. Обусловлено это и процессом перехода к антропоцентрической парадигме в языкознании, когда человек перестал быть исключительно субъектом познания данной науки, став ее объектом во всем спектре проявлений себя в языке. Некоторые положения, приведшие впоследствии к пониманию о существовании языковой личности как лингвистического феномена, просматриваются в трудах В. фон Гумбольдта и И.Г. Гердера, Л. Вайсгербера, И.А. Бодуэна де Куртенэ, К. Фосслера и др. уже на рубеже XVIII и XIX вв. Перечисленные ученые первыми стали говорить об индивидуальном характере порождения и использования речи как отдельным народом, так и конкретным человеком, что легло в основу дальнейших исследований в данной области.

В настоящий момент языковая личность как объект лингвистики до сих пор подвергается тщательному изучению языковедов. Научные изыскания позволили определить структуру языковой личности, ее компоненты, типы, возможности и материал изучения. В изучении материала особенное место занимает изучение языковой личности персонажа художественного произведения, что стало одним из самых актуальных и эффективных способов изучения языковой личности.

Обзор литературы

Впервые термин «языковая личность» введен в языкознание академиком В.В. Виноградовым. Несколько позже в своем исследовании (докторской диссертации) лингвист Г.И. Богин одним из первых уточняет и выводит определение *языковой личности*: «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 1]. Значительный вклад в изучение языковой личности внес также

Ю.Н. Караулов. Ему принадлежит определение: «...любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [8, с. 5]. В поле зрения современных исследований языковой личности находятся такие аспекты, как подходы к понятию и проблематике, а также направления, в рамках которых языковая личность может быть изучена [11]: например, линвоперсонологии, где она становится объектом исследования с точки зрения коммуникативного многообразия проявлений [21]. Изучение языковой личности ведется и в русле лингвокультурологии: исследователь О.В. Ртищева, например, проводит мысль о том, что языковая личность определена «контекстом внутренних особенностей культуры» [18, с. 155]. Е.В. Иванцова, анализируя различные подходы к изучению языковой личности как лингвистического термина, в качестве одного из компонентов выводит следующий: уровень обобщенности объекта исследования, что приводит к мысли о возможности изучения не только национальных и социальных языковых типов, не только реальной языковой личности, но и условной (персонажей художественного текста) [7]. Это подтверждают современные исследования, в которых изучается профессиональная языковая личность [13]; языковая личность представителя определенной национальности [3]; эпистолярная языковая личность и ее трансформации [10]; дискурсивная языковая личность [12] и т.д.

Вышесказанное определяет возможность изучения языковой личности посредством обращения к современной художественной прозе. Таковым является роман казанской писательницы Г. Яхиной «Дети мои» (2020), поскольку в этом произведении, как и в других, принадлежащих Г. Яхиной, созданы яркие языковые личности представителей различных национальных и социальных типов, в частности, поволжских немцев, представляющих собой интересную этническую группу в истории и составе России. В период межнациональных конфликтов и поисков сохранения своей наци-

ональной и этнокультурной идентичности в поликультурном мире при сохранении уважительного отношения к другим культурам и народам изучение самобытных языковых личностей особенно актуально. Актуально это и с точки зрения существования национальных меньшинств в составе России, их положения, культурных и социальных особенностей, языка, взаимодействия с национальным большинством, поскольку наша страна по-прежнему остается многонациональной и многоконфессиональной, умея сочетать в себе такое многообразие. Обращение к опыту прошлого делает звучание романа еще более насущным. Кроме того, актуальность подобного изучения связана и с современной парадигмой языкознания, когда лингвистика ищет все новые подходы к изучению человека в языке и языка в человеке – в данном случае в произведениях Г. Яхиной мы видим ценный языковой материал. Это обусловлено тем фактом, что писательницей создана целая плеяда языковых личностей, интересных как с точки зрения вербально-семантического компонента, так и когнитивного, и прагматического.

Материалы и методы

Материалом послужило свыше 1000 примеров, различного уровня языковых единиц, относящихся к характеристике анализируемого нами феномена языковой личности. Использование разных методов и приемов (описательный, стилистической интерпретации, семантический, функционально-стилистический и др.) позволило прийти к ряду оригинальных выводов о своеобразии писательского почерка, идиостиля Гузель Яхиной.

Целью исследования является описание вербально-семантического уровня языковой личности представителя этнокультуры поволжских немцев.

Новизна нашего исследования мотивируется несколькими факторами: Г. Яхина, являясь писателем-билингвом, в совершенстве владеющим немецким языком и окончившим филологический факультет, вызывает наибольший интерес у исследователей с точки зрения ее индивидуального творчества в качестве продукта ее соб-

ственной речемыслительной деятельности; в частности, изучаются культуремы ее романов [1]; психолингвистические связи языковой личности автора и написанным текстом [14]; репрезентация исторических и современных реалий, национальное и индивидуальное самосознание [20]. Заметим, что в большей степени изучен роман «Зулейха открывает глаза», в то время как роман «Дети мои» изучен с позиций мифотворчества в произведении [16]; лексико-семантических полей «немецкий» [6]; художественного своеобразия [17] и критики [9]. Однако внимания заслуживают и непосредственно персонажи романа, имеющие большой потенциал изучения в качестве самостоятельных языковых личностей.

Результаты исследования

Известному российскому языковеду Ю.Н. Караулову принадлежит разработка структуры языковой личности, состоящей из трех уровней: вербально-семантического; когнитивного; прагматического [19, с. 8]. В нашем исследовании, вслед за Ю.Н. Карауловым, наиболее значимым мы выбрали первый уровень этой системы, отражающий нормальное владение естественным языком его носителем; именно вербально-семантический аспект позволяет описать наиболее характерные и типичные черты языковой личности, рассмотренной в естественных условиях ее функционирования, особенно в структуре художественного текста.

Обратимся к характеристикам языковой личности немецкого обывателя-колониста. В романе таковыми являются обычные крестьяне, занимающиеся сельским хозяйством и живущие этим трудом в колонии под названием Гнаденталь.

Вербально-семантический уровень такой личности характеризуется прежде всего частотностью грубой просторечной лексики, например, это заметно в употреблении отдельных лексем: «*Собраться всем селом да и забрать девку из школы – силком!*» [22, с. 83]. В указанном примере разговора на деревенском сходе замечаем такие просторечные лексемы, как существительное «девка» и наречие «силком». Более того, на уровне синтаксиса также возникает

сниженная коннотация: союз «да» часто придает высказыванию разговорный характер.

«Выставить на волжский лёд, с вещами, – и пусть чапают куда хотят!». Слово «чапать» тоже дается в словарях с пометой «разговорно-сниженное» [5] и означает «идти, направляться куда-либо (обычно медленно или с трудом)» [Там же]. Обратившись к семантическому свойству слова, уточняем: лексема употребляется говорящим без должного знания этой семантики, что также характерно для обыденного языкового сознания, поскольку к его высказыванию и смыслу этого высказывания семы «медленно» или «с трудом» не совсем подходят. Так, из проанализированного нами корпуса языковых единиц примерно 20 процентов характеризуются как раз пометой «просторечное».

Во-вторых, помимо употребления отдельных стилистически сниженных лексем, языку гнадентальцев характерны целые просторечные паремии и обороты. В частности, одной из наиболее расхожих поговорок в колонии стала «Немного дерьма не помешает», – именно эта поговорка отличает гнадентальцев от представителей других колоний, поскольку появилась она в Гнадентале, когда при строительстве домов «...решили добавить в смесь коровий навоз – и обнаружили, что такой состав придает кирпичам воистину каменную прочность» [22, с. 22]. Эта поговорка стала употребляться повсеместно в колонии в самых разных ситуациях: например, ее произносит староста колонии, доказывая, что можно оставить главного героя жить в Гнадентале несмотря на его проступок.

Подобное паремиологическое средство-элемент встречается в речи одной из крестьянок Гнаденталю – Арбузной Эми, – когда она повторяет одну и ту же присказку при посадке арбузов: «*Вырастай с мой зад – будет урожай богат!*» [Там же, с. 67]. Эта присказка отличается своей прямоотой и грубым характером. В эпизоде это сугубо народное выражение противопоставлено более возвышенному, общепринятому и приличному «Расти именем Господа», – что снова подчеркивает колорит языковой личности гнадентальского колониста.

В-третьих, собственное языковое творчество колонистов тоже несет оттенок грубости, прямоты и честности: *«рыжую бурду наподобие верблюжьей мочи»* [Там же, с. 17], – именно это, по мнению старосты Дитриха, пьет шультмейстер Бах. Притяжательное прилагательное «верблюжий» использовано неслучайно: колонисты живут по соседству со степями, долгое время их врагами были киргизы, для которых верблюды являются одними из главных животных в хозяйстве. Языковое сознание Дитриха подсказывает ему, что нечто непонятное, далекое от него и не совсем приятное связано с верблюдом, а довершает его высказывание грубая в данном контексте лексема «моча».

Инвективная лексика также встречается в речи колонистов и является частью их языковой личности. Чаще всего употребляется ими в моменты эмоционального напряжения или недовольства: *«Полплошки молока сдоил, собачий сын»* [Там же, с. 163]; *«Смеется, дьявол его дери»* [Там же, с. 238]; *«Оружием обзавелся, сволочь! <...> Этим оружием и пристрелить его, собаку!»* [Там же, с. 306]. Как видно, чаще всего встречаются инвективы с лексемой «собака» или ее дериватами, что связано с привычным в обиходе многих народов ругательством «собака» – «о злом, грубом человеке» [15]. Инвективы с элементами «кто-то кого-то дери/раздери» являются более интересными. Лексема «дьявол» сигнализирует о том, что колонисты являются людьми религиозными, что будет особенно заметно на когнитивном уровне их языковой личности, а дьявол для них – символ самой высшей кары, сосредоточение всего злого и плохого. Слово «дракон» же, использованное автором несколько раз, отсылает нас к мифологическому сознанию гнадентальцев, к связанности их сознания со сказками и легендами, что также отражается в большей степени на когнитивном уровне. Дракон в немецком языковом сознании не совсем тот, что представляется, например, носителю русского языка. Чаще всего это змей без крыльев огромных размеров (стоит вспомнить знаменитого дракона Фафнира из германо-скандинавской поэмы «Песни о Нибелунгах», написанной неизвестным автором). Подобная инвектива имеет

глубокую и содержательную мифологическую основу, в которой проявляется представление о драконе как о чем-то страшном, неприятном, пугающем.

Далее отметим, что колонистам в соответствии с обыденным языковым сознанием характерно стремление к простой номинации. Наиболее это проявляется в топонимике Гнаденталя. Например, *Верблюжий горб* – так называют гнадентальцы возвышенность в колонии, за которой простирается киргизская степь; *Ежевичная яма* – одно из мест в колонии, названное по большому количеству ежевики в нем; *Комариная лощина* – низменность, где обитает много комаров. Однако некоторые топонимы объяснить нельзя, и в романе это объяснение также не приводится: *Картофельный мост*, *Солдатский ручей*, *озеро Пастора*, *Лакричный бережок*. Такие наименования относят нас к области истории колонии, к определенным историческим событиям, свидетелем которых читатель не стал, однако такие топонимы лишь придают описываемому в книге месту реальные черты. Обыденная номинация, связанная с крестьянской жизнью и хозяйством, представлена и в наименованиях небесных тел: «...*Большую Медведицы – Весами, Орион – Граблями, а созвездие Плеяд – Наседкой*» [22, с. 53]. Проявляется простота номинации и в онимах, особенно в прозвищах, которые дают колонисты друг другу. Некоторые из них: *Арбузная Эмми* – прозвана так из-за особенностей своего тела и груди, а также работы на арбузных бахчах; *Бёлль-без-Усов* и *Бёлль-с-Усами* – в этих прозвищах наиболее проявилась простота мышления гнадентальцев, в которых фактически отражен наиболее выдающийся признак одного из колонистов (Бёлль-с-усами), а второй Бёлль, будучи человеком с таким же именем, но усов не носящим, получает наиболее, по мысли колониста, подходящее прозвище.

Одной из характерных черт языковой личности колонистов является оперирование иноязычными вкраплениями. Поскольку гнадентальцы являются носителями немецкого языка (*Deutsch*, а не *Nochdeutsch* – литературного немецкого), в их речь вплетены иноязычные вкрапления, к которым относятся следующие:

– *шульгауз, шульмейстер* – лексемы, непосредственно относящиеся к профессиональной деятельности главного героя-учителя. Их нахождение в тексте обусловлено тем фактом, что они обозначали реалии, которых нет в русском языке: русско-немецкая общественная школа, действующая в немецких колониях (селениях поселян-собственников), переданная в ведение ведомства Министерства народного просвещения 2 мая 1881 года, и должность, не совсем похожая на обычного учителя, т.к. шульмейстер обязан был отучиться на более высоком уровне, обязан был звонить в колокол в поселении по определенным часам, мог совмещать обязанности дьяка, а также ему полагались особенные условия жизни (в частности, наделение домом и дровами). Такие отличия явно заставляют называть эти реалии особенной лексемой, тем более в немецком языковом сознании;

– *рейх, рейхсдойч, рейхсмарки* – лексемы обозначают в языковом сознании колонистов немцев самой Германии, тех, кто проживает на ее территории и к России, и колониям никакого отношения не имеет, в чем явно заметно противопоставление себя (т.е. немцев-колонистов) им. Это противопоставление заметно и в языке, и в культуре, и в картине мира;

– *шванк* (небольшой шуточный рассказ в немецкой литературе), *кломпы* (особенного вида обувь), *гроссбух* (большая бухгалтерская книга), *ландграф* (титул), *фюрер* (должность в нацистской Германии), *кирха* (лютеранская церковь) – в этих лексемах отчетливо угадываются германизмы, которые не могут быть заменены русскими словами, поскольку несут в себе некоторые оттенки значений, которые могут переданы только средствами немецкого языка;

– *фройляйн* (девушка) – немецкое обращение, придающее тексту и речи колонистов немецкий колорит;

– «*Himmel*», «*Ach, Wolga, Wolga*», «*Wolga Kurier*» – слова, написанные не русской транслитерацией, а по-немецки, встречаются в романе нечасто, однако они тоже служат выражением немецкой языковой личности, которая названия песен и газет мыслит на своем родном языке.

Обсуждение и заключения

Описав и проанализировав вербально-семантический уровень языковой личности поволжского немца, созданной Г. Яхиной в романе «Дети мои», мы пришли к следующим выводам: во-первых, на указанном уровне для такой личности наиболее характерно употребление грубой просторечной лексики, что проявляется как в активном словарном запасе, так и паремиологическом фонде, а также в использовании инвективной лексики. Тенденция к простоте проявляется не только в лексике, но и в синтаксисе, в прозрачных синтаксических конструктах; обнаруживается активное стремление к простой номинации, что особенно заметно в именах собственных. Неотъемлемым элементом языковой личности поволжского немца становится оперирование иноязычными немецкими вкраплениями, что вполне естественно, поскольку колонисты являются носителями немецкого языка (Deutsch). Так, специфические черты языковой личности поволжского немца, несомненно являющейся русской языковой личностью, из текста романа органично перерастают в целостную картину языкового портрета самого автора Гузель Яхиной. Перспективой настоящего исследования мы видим изучение языковых личностей других персонажей в романах Гузель Яхиной, взятых с позиций русской семантической персонологии, где главным объектом изучения становится вербально-семантический уровень языковой личности, отражающий уровень нормального владения естественным языком. Однако перспективными могут стать и когнитивный, и прагматический уровни, поскольку они отражают языковую картину мира носителя языка, мотивы и цели, которые движут носителем языка при реализации своего речевого поведения и развитии языковой личности в целом.

Список литературы

1. Арязмова О.В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54-58.

2. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31 с.
3. Бушев А.Б. Языковая личность современного россиянина // Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2010. С. 96-98.
4. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 27.03.2023).
6. Иванова Е.Р. Лексико-семантическое поле «немецкий» в романе г. Яхиной «Дети мои» // Балтийский гуманитарный журнал, 2018. С. 64-65.
7. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2010. С. 24-32.
8. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
9. Крылысова О.В. Роман Г. Яхиной «Дети мои» в оценке критики // Вестник науки. Тольятти, 2020. С. 55-61.
10. Кудрина Л.В. Языковая личность в социальных сетях // Art Logos. СПб, 2021. С. 47-55.
11. Кыштымова Т.В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Челябинск, 2014. С. 237-244.
12. Малышева Е.Г. Дискурсивная языковая личность и идиостиль журналиста: методология и методы исследования (на примере анализа текстов омского журналиста Сергея Шкаева) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2017. С. 1-6.
13. Минина А.И. Языковая личность сотрудника губернской ученой архивной комиссии // Преподаватель XXI века. М., 2019. С. 423-432.
14. Нуруллина Г.М., Усманова Л.А. Психолингвистический аспект изучения текста как продукта речевой деятельности // Филология и культура, 2018. № 3(53). С. 72-76.

15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.05.2023).
16. Павлова Н.И. Сказка - миф - логос в поэтике романа Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник славянских культур. М., 2021. С. 237-247.
17. Розин В.М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. М., 2018. С. 79-87.
18. Ртищева О.В. Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2021. С. 152-158.
19. Русский язык: Энцикл. 2-е изд., перераб. и доп. / ред. Ю.Н. Караулов. М.: БРЭ, 1997. 704 с.
20. Салимова Д.А. Образ российского немца в русскоязычной литературе (на примере текста автора-татарки) // Гуманитарные науки и образование. г. Саранск, 2017, № 2. С. 130-135.
21. Шамсутдинова Л.Р. Языковая личность как объект лингвоперсонологии // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2018. С. 859-865.
22. Яхина Г.Ш. Дети мои. М.: АСТ, 2019. 493 с.

References

1. Arzyamova O.V. Jetnokul'turemy v konceptosfere pisatelja-bilingva [Ethnocultures in the concept sphere of a bilingual writer]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. Voronezh, 2016, no. 1, pp. 54-58.
2. Bogin G.I. *Koncepcija jazykovej lichnosti* [The concept of linguistic personality]: Abstract of PhD dissertation. Leningrad, 1982, 31 p.
3. Bushev A.B. Jazykovaja lichnost' sovremennogo rossijanina [Linguistic personality of a modern Russian]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. Kemerovo, 2010, pp. 96-98.
4. Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy: O jazyke hudozhestvennoj prozy* [Selected works: On the language of fiction.] Moscow, Nauka Publ., 1980, 360 p.

5. Efremova T.F. *Sovremennyyj tolkovyyj slovar' russkogo jazyka: V 3 t.* [Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes]. Moscow: AST Publ., Astrel Publ., Harvest Publ., 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed March 27, 2023).
6. Ivanova E.R. Leksiko-semanticheskoe pole "nemeckij" v romane G. Jahinoj "Deti moi" [Lexico-semantic field "German" in the novel "My Children" by G. Yakhina]. *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2018, pp. 64-65.
7. Ivantsova E.V. O termine «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovanija [On the term "linguistic personality": origins, problems, prospects for use]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. Tomsk, 2010, pp. 24-32.
8. Karaulov Yu.N. Russkaja jazykovaja lichnost' i zadachi ee izuchenija [Russian linguistic personality and the tasks of its study]. *Linguistica i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 3-8.
9. Krylysova O.V. Roman G. Jahinoj "Deti moi" v ocenke kritiki [My Children by G. Yakhina in the critical assessment]. *Vestnik Nauki* [Bulletin of Science]. Togliatti, 2020, pp. 55-61.
10. Kudrina L.V. Jazykovaja lichnost' v social'nyh setjah [Linguistic personality in social networks]. *Art Logos*. St. Petersburg, 2021, pp. 47-55.
11. Kyshtymova T.V. Ponjatie "jazykovaja lichnost'" v sovremennoj lingvistike [The concept of "linguistic personality" in modern linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University]. Chelyabinsk, 2014, pp. 237-244.
12. Malysheva E.G. Diskursivnaja jazykovaja lichnost' i idiostil' zhurnalista: metodologija i metody issledovanija (na primere analiza tekstov omskogo zhurnalista Sergeja Shkaeva) [Discursive linguistic personality and idiostyle of a journalist: methodology and research methods (on the example of the analysis of texts by the Omsk-based journalist Sergei Shkaev)]. *Politicheskaya Linguistica* [Political Linguistics]. Yekaterinburg, 2017, pp. 1-6.

13. Minina A.I. Jazykovaja lichnost' sotrudnika gubernskoj uchenoj arhivnoj komissii [Linguistic personality of an employee of the provincial scientific archival commissions]. *Prepodavatel' XXI veka* [XXI-century Lecturer]. Moscow, 2019, pp. 423-432.
14. Nurullina G.M., Usmanova L.A. Psiholingvisticheskiy aspekt izucheniya teksta kak produkta rechevoj dejatel'nosti [Psycholinguistic aspect of studying a text as a product of speech activity]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. Kazan, 2018, no. 53, pp. 72-76.
15. Ozhegov S.I. Tolkovyy slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed May 15, 2023).
16. Pavlova N.I. Skazka - mif - logos v pojetike romana G. Jahinoy "Deti moi" [Tale - myth - logos in the poetics of the novel *My Children* by G. Yakhina]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Moscow, 2021, pp. 237-247.
17. Rozhin V.M. Hudozhestvennaya real'nost' romana Guzel' Jahinoy "Deti moi" [Artistic reality of Guzel' Yakhina's novel *My Children*]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. Moscow, 2018, pp. 79-87.
18. Rtishcheva O.V. Jazykovaja lichnost' v kul'ture: napravleniya issledovaniy [Linguistic personality in culture: directions of research]. *Verhnevolzhskiy filologicheskij vestnik* [Upper Volga Philological Bulletin]. Yaroslavl, 2021, pp. 152-158.
19. *Russkiy jazyk* [Russian language]. Moscow: BRE Publ., 1997, 704 p.
20. Salimova D.A. Obraz rossijskogo nemca v russkojazychnoj literature (na primere teksta avtora-tatarki) [The image of a Russian German in Russian-language literature (on the example of the text of a Tatar author)]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanitarian Sciences and Education]. Saransk, 2017, no. 21, pp. 130-135.
21. Shamsutdinova L.R. Jazykovaja lichnost' kak objekt lingvopersonologii [Linguistic personality as an object of linguopersonology]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. Ufa, 2018, pp. 859-865.
22. Yakhina G.Sh. *Deti moi* [My Children]. Moscow: AST Publ., 2019, 493 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Солунова Яна Алексеевна, преподаватель русского языка и литературы
Колледж Елабужского института КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Татарстан, 423604, Российская Федерация
isolunova@mail.ru

Салимова Дания Абзаровна, профессор кафедры русского языка и литературы, д-р филол. наук
Елабужский институт КФУ
ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Татарстан, 423604, Российская Федерация
daniya.salimova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Yana A. Solunova, teacher of the Russian language and literature
College of the Elabuga Institute of KFU
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan, 423604, Russian Federation
isolunova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3769-669X>
SPIN-code: 5788-6190

Daniya A. Salimova, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Doctor of Phil. Sciences
Elabuga Institute of KFU
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan, 423604, Russian Federation
daniya.salimova@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-2835-3284>
ResearcherID: V-6224-2017
Scopus Author ID: 56074037100

Поступила 14.09.2023
После рецензирования 28.09.2023, 31.10.2023
Принята 07.11.2023

Received 14.09.2023
Revised 28.09.2023, 31.10.2023
Accepted 07.11.2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

14-я СРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В ОКТЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА С.В. Гнидо	14
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ВЛИЯНИЕ ТИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТИЛЕЙ ЛИДЕРСТВА НА ПРОДУКТИВНОСТЬ ГРУППЫ И.В. Маркушев, М.В. Плотников	34
---	----

ПРОБЛЕМА ПОИСКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ М.Ю. Неронова, А.В. Неронов	54
--	----

ЭВОЛЮЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ С.Ю. Куртов	76
--	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ИСПАНИИ Э.В. Шулятева	97
---	----

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА «ЕСТЕСТВЕННОГО ЧЕЛОВЕКА» В РОМАНЕ «ЖИЗНЬ ПИ» Я. МАРТЕЛА Н.В. Лаштабова, А.И. Маликов	108
--	-----

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БЕСЕДЕ ВРАЧА И ПАЦИЕНТА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КРИТЕРИИ ВЫБОРА А.Ю. Соколова, В.О. Богданова, М.А. Кононова	121
КОГЕЗИЯ И КОГЕРЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ А.В. Глазков	135
АМПЛИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПОЭТИЧЕСКОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ Н.Н. Чайко	155
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ СКАЗОК БРАТЬЕВ ГРИММ В.В. Ловяникова	167
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НОВОСТНОГО МЕДИАДИСКУРСА В КОРОНАВИРУСНУЮ ЭПОХУ А.В. Зорина, К.М. Амирханова	180
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИТИВНОСТИ КОНЦЕПТА ИДЕНТИЧНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ДИХОТОМИИ СОЗИДАНИЕ – РАЗРУШЕНИЕ) Л.Б. Здановская	200
НАЗВАНИЕ ФИЛЬМА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА И СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА-СМЫСЛА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКОВ) Е.А. Колодина, И.В. Пашкова	221
ОППОЗИЦИЯ «БОГАТСТВО - БЕДНОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКИХ И ТАТАРСКИХ ПАРЕМИЙ) Г.Р. Ижбаева, А.С. Мырзагалиева, Л.Н. Темрешева	235

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ	
С.Н. Саввинова	249
ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОВОЛЖСКОГО НЕМЦА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ДЕТИ МОИ» Г. ЯХИНОЙ)	
Я.А. Солунова, Д.А. Салимова	261
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	278

CONTENTS

HISTORY STUDIES

THE 14 TH INFANTRY DIVISION OF THE SOUTH-EASTERN FRONT IN OCTOBER-DECEMBER 1919 Gnido S.V.	14
---	----

PHILOSOPHICAL STUDIES

THE EFFECTS OF DIFFERENT COLLABORATION TYPES AND LEADERSHIP STYLES UPON GROUP PRODUCTIVITY I.V. Markushev, M.V. Plotnikov	34
THE PROBLEM OF FINDING A METHODOLOGICAL BASIS FOR STUDYING THE HISTORY OF RUSSIA M.Yu. Neronova, A.V. Neronov	54
EVOLUTIONARY-SYNERGETIC APPROACH TO THE PROBLEM OF SOCIAL SUSTAINABILITY S.Y. Kurtov	76

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

LINGUISTIC GLOBALIZATION PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE MODERN SPANISH LANGUAGE POLICY E.V. Shuliateva	97
LINGUO-STYLISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE «NATURAL MAN» IN THE NOVEL THE LIFE OF PI BY Y. MARTEL N.V. Lashtabova, A.I. Malikov	108

INTERROGATIVE SENTENCES IN DOCTOR – PATIENT COMMUNICATION IN ENGLISH: SELECTION CRITERIA A.Yu. Sokolova, V.O. Bogdanova, M.A. Kononova	121
COHESION AND COHERENCE IN THE CONTEXT RELATIONS A.V. Glazkov	135
AMPLIFICATION AS A MEANS OF INTENSIFYING POETIC EXPRESSIVENESS OF SPEECH N.N. Chaiko	155
STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE TITLES IN GRIMMS’ FAIRY TALES V.V. Lovyannikova	167
LEXICAL FEATURES OF THE ENGLISH-LANGUAGE NEWS MEDIA DISCOURSE IN THE CORONAVIRUS ERA A.V. Zorina, K.M. Amirkhanova	180
AXIOLOGICAL ASPECT OF THE CONCEPT IDENTITY OPPOSITION REALIZATION (BY THE EXAMPLE OF THE CREATION – DESTRUCTION DICHOTOMY) L.B. Zdanovskaya	200
FILM TITLE AS UNIT OF TRANSLATION AND IMAGE-SENSE (BASED ON ENGLISH AND KOREAN) E.A. Kolodina, I.V. Pashkova	221
THE «WEALTH - POVERTY» OPPOSITION IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (BASED ON THE MATERIAL OF KAZAKH AND TATAR PAREMIAS) G.R. Izhbaeva, A.S. Myrzagalieva., L.N. Temresheva	235
SEMANTIC SYNONYMS IN THE EVEN LANGUAGE S.N. Savvinova	249

VERBAL-SEMANTIC LEVEL OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF A VOLGA GERMAN (BASED ON MY CHILDREN BY G. YAKHINA)	
Y.A. Solunova, D.A. Salimova	261
RULES FOR AUTHORS	278

Подписано в печать 30.11.2023. Дата выхода в свет 30.11.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,52. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP153/023. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.